

Генералъ - Лейтенантъ К. В. САХАРОВЪ

ЧЕШСКІЕ ЛЕГІОНЫ ВЪ СИБИРИ

(ЧЕШСКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО)

БЕРЛИНЪ

1930.

М. Ј. СТЕФАНОВИЋ и ДРУГ
БЕОГРАД
ПОЕНКАРЕОВА УЛ. 36.

Генераль-Лейтенантъ К. В. САХАРОВЪ

Чешскіе легіоны въ Сибири

(Чешское предательство)

„Какъ тебѣ имя?
Онъ сказалъ: „легіонъ“, потому что
много бѣсовъ вошло въ него“.

Ев. св. Луки 8,30

1 9 3 0.

Alle Rechte,
insbesondere das der Übersetzung, vorbehalten

Copyright by the author, Berlin 1930

Печатано въ типографин „Глобусъ“.
Латвія. Рига. Елизаветинская ул. 22.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ автора.	7
Предисловіе къ нѣмецкому изданію.	10
I. Тѣни міровой войны.	19
Истребленіе на войнѣ цвѣта воюющихъ націй. — Идеологическая сторона жертвы. — Извращеніе ея на мирной конференціи. — Предоставленіе Россіи интернаціональному коммунизму. — Отдѣленіе Россіи отъ Германіи. — Причины этого. — Роль Россіи въ міровой войнѣ. — Конецъ войны безъ рѣшительной побѣды. — Два лагеря: выигравшихъ ставку и ограбленныхъ. — Ударъ въ спину Россіи. — Роль чеховъ.	
II. Историческая ошибка Россіи.	25
Возникновеніе и развитіе панславизма. — Причины его успленія. — Вредъ панславизма для Россіи. — Начало чешской интриги. — Формированіе чешскихъ воинскихъ частей. — Два эпизода изъ міровой войны. — Двойная игра чеховъ. — Увеличеніе чешскихъ войскъ послѣ русской революціи.	
III. Выступленіе чеховъ.	32
Роль австрійскихъ чеховъ во время войны. — Приѣздъ Мазарыка въ Россію. — Заигрываніе чеховъ съ большевиками. — Муравьевъ. — Стремленіе «легионеровъ» уѣхать изъ Россіи. — Ультиматумъ большевиковъ. — Русскія національныя организаціи. — Выступленіе противъ большевиковъ. — Свидѣтельство современника. — Отчетъ русскаго строевого офицера. — Подъемъ національныхъ силъ Россіи.	
IV. «Анабазисъ» легионеровъ.	43
Воззванія союзниковъ. — Приказъ изъ Парижа. — Волжскій фронтъ. — «Реквизиціи». — Наступленіе красной арміи. — Связь чеховъ съ революционерами. — Уфимское государственное совѣщаніе. — Требованія чеха Павлу. — Оставленіе Казани. — Отступленіе легионеровъ съ богатой добычей. — Вѣженцы съ Волги. — Первые личныя впечатлѣнія.	

тѣнія. — Уфимская директорія и чехи. — Приѣздъ въ Сибирь Нокса. — Янъ Сыровой. — Самоубійство чешскаго полковника Швеца. — Легіонеры бросаютъ фронтъ и уходятъ въ тылъ. — Оцѣнка современника. — «Добыча» чеховъ. — Антирусская демонстрація чешскихъ политиковъ. — Переворотъ 18 ноября 1918 г. — Адмиралъ Колчакъ. — Появленіе Гайды на авансценѣ. — Приѣздъ въ Сибирь Жана и Стефаника.

V. Подготовка чешскаго предательства 65»

Сибирь. — Моральный развалъ чешскихъ легіоновъ. — Злоупотребленіе русскимъ желѣзнодорожнымъ транспортомъ. — Занятіе чехами въ тылу большихъ городовъ. — Ростъ среди чеховъ скверныхъ болѣзней. — Особое значеніе Сибирской желѣзной дороги. — Чехи занимаютъ ее до Иркутска. — Рѣзкое измѣненіе настроенія населенія Сибири противъ чеховъ. — Гайда и его интрига у адмирала Колчака. — Характерные эпизоды. — Весеннее наступленіе русской бѣлой арміи. — Выявленіе лица Гайды. — Неудача бѣлыхъ. — Наглый выпадъ Гайды. — Исключеніе его изъ рядовъ русской арміи. — Осеннее наступленіе бѣлыхъ. — Перегибъ исторіи. — Пассивность чеховъ. — Контръ-атаки красныхъ. — Оставленіе Омска. — Планъ новой кампаніи.

VI. Чешское предательство. 88»

Паническое бѣгство чешскихъ легіоновъ. — Закупорка ими сибирской магистрали. — Трагедія русскихъ санитарныхъ и бѣженскихъ поѣздовъ. — Мѣропріятія адмирала Колчака. — За кулисами чешскаго предательства. — Возстаніе, поднятое чехами во Владивостокѣ. — Гайда во главѣ его. — «Меморандумъ» чеховъ. — Мнѣніе современника. — Отъѣздъ адмирала Колчака отъ арміи. — Арестъ его чехами въ Нижнеудинскѣ. — Пять флаговъ союзниковъ! — Возстаніе въ Иркутскѣ. — Чехи выдаютъ адмирала Колчака революціонерамъ. — Цѣна крови. — Приказъ большевическаго комиссара Смирнова о разстрѣлѣ. — Приказъ передается чехами. — Награда чехамъ отъ революціонеровъ. — Обращеніе чеховъ къ населенію Сибири. — Предательство чехами русской арміи. — Приближеніе бѣлыхъ къ Иркутску и ультиматумъ чеховъ. — Ненависть Сибири и арміи къ легіонерамъ. — Жестокости легіонеровъ по отношенію къ военно-плѣннымъ. — Разстрѣлъ музыкантовъ судетско-

нѣмецкой капеллы въ Хабаровскѣ. — Расправа въ Красноярскѣ съ плѣнными венгерскими офицерами.

VII. Возвращеніе на родину. 109

Сосредоточеніе чеховъ въ Харбинѣ и Владивостокѣ. — Ограбленіе чехами Иркутска. — Русскій золотой государственный запасъ. — Договоръ чеховъ съ большевиками. — Захватъ желѣзной дороги. — Отношеніе чеховъ къ русскимъ. — Убіиства. — Два документа по поводу воровства чехами 32 вагоновъ автомобильныхъ шинъ. — Грабежи и вандализмъ чеховъ. — Погрузка краденаго на транспорты для отправки. — Открытое обвиненіе въ воровствѣ. — Отвѣтъ чешскаго дипломата въ Токио.

VIII. Наслоенія чешской лжи 121

Двѣ книги чешскихъ политиковъ. — Восхваленіе Бенешемъ «анабазиса» и «генія чешской расы». — Признаніе его о характерѣ темной работы на Парижской конференціи. — Самолюбованіе Масарыка. — Курьезы. — Его «любовь» къ Россіи. — Въ 1915 г. Масарыкъ монархистъ для Богеміи и русофилъ. — Его меморандумъ «Independent Bohemia». — Роль Масарыка въ Россіи послѣ революціи. — Осторожныя похвалы «анабазиса». — Признаніе моральнаго развала легионовъ. — Ложь о хозяйственной сторонѣ «анабазиса». — Приговоръ Масарыка о всей чешской интригѣ. — Чешская пропаганда. — Возложеніе чехами своей вины и на другіе народы Чехословакіи. — Этнографическій составъ этого государства. — Участь другихъ народностей. — Нѣсколько словъ о словакахъ. — Заключеніе.

ОТЪ АВТОРА.

Всѣ страны міра жалуются на трудности и на лишенія послѣвсеннаго времени; почти всѣ націи чувствуютъ себя обиженными; изъ всѣхъ угловъ земного шара глядитъ человѣческое горе. Но русскія страданія и русское горе перешли всѣ грани, они обратились уже въ эпоху, которая подобно древне-христіанскому мученичеству заняла свое мѣсто на чашѣ вѣсовъ исторіи. На той чашѣ, на которой находятся правда и честь, а вмѣстѣ съ ними и будущая свѣтлая побѣда.

Страна нашихъ отцовъ, Россія, всѣ эти черные годы лежитъ на своей голгоѣ, распластанная и пригвожденная. Полноводныя рѣки чистыхъ слезъ и горячей крови пролиты за истекшія пятнадцать лѣтъ на необъятномъ русскомъ просторѣ. Многіе миллионы человѣческихъ жизней принесены въ жертву нашимъ народомъ, во всѣхъ слояхъ его. Россія потеряла не только свою великодержавность, но и самое имя ея пытаются стереть съ лица земли, замѣнивъ его четырьмя буквами: С С С Р. Международная банда темныхъ личностей поставила Россію на майданъ, обратила 150-милліонный народъ въ рабство.

Намъ, современникамъ, не охватить всей величины и всего значенія страданій Россіи и русскаго человѣка; страданій тамъ, въ священномъ для насъ отечествѣ, гдѣ попораны всѣ божескіе и человѣческіе законы, — и здѣсь, по другую сторону черты, гдѣ болѣе миллиона русскихъ людей томятся въ разлукѣ съ родиной, въ безправіи изгоя.

Наша родина, ласковая, какъ улыбка матери, обращена въ жестокій, беспощадный застѣнокъ; страна, богатая и щедрая, какъ ни одна другая на землѣ, поставлена въ условія убогой нищеты, и народъ нашъ лишенъ даже права свободнаго труда. Дѣти его насильно развращаются, — въ С С С Р запрещена сама молитва къ Богу.

Ужаснымъ кровавымъ терроромъ, небывалымъ сыскомъ и шпионажемъ, съ помощью своихъ палачей — держать въ повиновеніи російскій народъ шайка преступнаго международнаго сброда, во главѣ со Сталинымъ-Джугашвилли, Калининымъ, Бѣла Куномъ и имъ подобными.

Но придетъ свѣтлый день воскресенія Россіи. И всѣ, сохранившіе ей вѣрность на чужбинѣ, соединять тогда свою жизнь и свой трудъ съ нашими братьями и сестрами тамъ, внутри страны. Къ нимъ теперь обращены наши чувства и мысли, для нихъ, главнымъ образомъ, предназначена и настоящая книга. Возрожденіе Россіи есть наше общее дѣло, наша общая священная обязанность. Вѣра въ побѣду Добра надъ Зломъ никогда не покидала русскаго человѣка. Мы всѣ твердо убѣждены, что день этой побѣды приближается, хотя и медленно и въ страшныхъ мученіяхъ.

Настоящій трудъ имѣетъ своимъ предметомъ печальную повѣсть тѣхъ событій, которыя толкнули наше отечество на его многолѣтнюю голгоу. Въ этой повѣсти звучитъ дѣйствительнымъ ужасомъ рассказъ о черномъ, страшномъ предательствѣ, совершенномъ «братьями» и «друзьями». Книга написана прежде всего для русскихъ, написана коротко и сжато, въ простомъ изложеніи фактической, правдивой стороны, — чтобы ее могли прочесть самые широкіе круги нашего народа. Цѣль настоящаго труда — заключительныя слова его: напомнить правду, которая съ теченіемъ лѣтъ забывается, которую многіе замалчиваютъ, а иные и извращаютъ.

Тяжелой поступью проходятъ черные годы. Наше русское горе перелило давно черезъ край. Неимоверной цѣною платитъ Россія за старыя ошибки. Но еще страшнѣе была бы расплата и съ нею вмѣстѣ отвѣтственность тѣхъ, кто толкалъ бы наше отечество на шутъ старыхъ ошибокъ и промаховъ. Правильность этого утвержденія подтверждается и подчеркивается неумолимо тѣми великими жертвами, которыя принесены всѣмъ нашимъ народомъ. Исторія этихъ народныхъ жертвъ рассказана въ этой книгѣ.

Лучшей наградой автора за его трудъ будетъ, если всѣ эти руководящія мысли и чувства проникнутъ глу-

боко и прочно въ сознаниѣ нашего народа. Можетъ быть, многимъ изъ стараго поколѣнія, уже уходящаго изъ жизни, трудно оторваться отъ прошедшаго и отъ изжитыхъ въ немъ ошибокъ, — но то молодое, что идетъ на смѣну, все въ немъ смѣлое, честное и сильное, — должно понять разъ навсегда, — что недопустимо, нельзя сидѣть между двумя стульями, и что путь колебаній не есть путь къ побѣдѣ.

Понять и твердо провести въ жизнь. И тогда наша святая обязанность — возстановленіе нашего ютчаго дома — будетъ близка къ осуществленію. Да сохранитъ Богъ Россію навѣки!

Предисловіе къ немецкому изданію.

Профессоръ Кельнскаго университета исторіи д-ръ М. Шпанъ.

Генераль - лейтенантъ Сахаровъ попросилъ меня написать нѣсколько словъ введенія къ его книгѣ «Чешскіе легіоны въ Сибири». Охотно я исполняю это почетное для меня желаніе.

Politisches Kolleg выпускаетъ въ рядѣ своихъ книгъ—этотъ трудъ, въ которомъ событія изображаются не только очевидцемъ, но лицомъ, стоявшимъ тогда на руководящемъ посту. Со страницъ этого труда звучитъ обвиненіе русскаго патріота, лично пережившаго какъ его собственныя усилія, усилія его старыхъ товарищей и многихъ тысячъ соотечественниковъ были уничтожены фальшивыми и лживыми друзьями,—ихъ равнодушіемъ, ихъ эгоизмомъ и ихъ предательствомъ. Генераль-лейтенантъ Сахаровъ не считаетъ себя призваннымъ къ научно-историческому труду, съ просѣиваніемъ и обработкой всѣхъ данныхъ. Но ни одинъ историкъ по профессіи не могъ бы яснѣе обрисовать, изъ-за чего именно разыгрались заключительныя событія міровой войны въ 1918-1920 г. г. Мы, нѣмцы, къ тому времени уже измученные и истощенные, почти не имѣли представленія о тѣхъ событіяхъ, которыя вдобавокъ, имѣли мѣстомъ своего дѣйствія совершенно незнакомые намъ края.

Изъ школы вынесли мы, за рѣдкими исключеніями, очень несовершенное представленіе о пространствахъ, которыя въ теченіе 250 лѣтъ были соединены царями подъ скипетромъ въ одно государство. Для насъ — Уралъ

раздѣляя Европу отъ Азіи; сообразно этому — на западъ отъ него лежала Россія, по другую сторону — Сибирь. И вотъ, въ рядѣ картинъ, которыя передъ нами разворачиваетъ книга Сахарова, мы видимъ пространства единого русскаго государства, видимъ ихъ такъ отчетливо и ясно, до самой глубины, до границы поля зрѣнія. Въ серединѣ передъ нами вырисовывается ядро государства — отъ Волги до Байкала, отъ Казани до Иркутска. Уфа и Екатеринбургъ, Тобольскъ, Омскъ и Красноярскъ — встаютъ въ нашемъ сознаніи, какъ центральные пункты этого района. Передъ нимъ разстилается европейская часть, то, что мы до сихъ поръ принимали за понятіе Россія, — лишь только какъ передняя часть страны. За ядромъ ея, къ Тихому океану уходитъ восточная часть государства. Эта область простирается отъ Читы до Владивостока и переплетена съ восточно-азиатскою жизнью едва-ли менѣе глубоко, чѣмъ Китай и Японія, — подобно тому, какъ въ передней части Россіи, на протяженіи отъ Петербурга до Одессы, до войны интересы восточно-европейскаго міра были прочно связаны съ Пруссіей и Австріей. Книга генералъ-лейтенанта Сахарова заслуживаетъ внимательнаго отношенія уже изъ-за одного того, чтобы охватить взоромъ необъятныя пространства, принявшія здѣсь формы.

А къ этому прибавляется еще глубокой по содержанію и захватывающей рассказъ. Рассказъ о самоуничтоженіи панславизма. Съ помощью него удалось Западу сдѣлать послѣдній и самый опасный натискъ на русскій міръ XVIII-го и XIX-го столѣтій, утвержденный за время съ Петра I до Николая I на прочномъ основаніи великодержавности. Цари относились къ панславизму съ внутреннимъ отрицаніемъ, но не нашли силъ для открытой борьбы противъ него. Съ наибольшей страст-

ностью проводили это движение передъ міровой войной чехи. Такъ, появился на русской территоріи и Масарыкъ весной 1917 года, непосредственно послѣ революціи. Онъ, этотъ духовный проводникъ чешской идеи, прибылъ тогда въ Россію подобно побѣдителю, чтобы цѣлый годъ, до весны 1918 года, играть тамъ роль стряпчаго Западной Европы. И благодаря ему Западъ получилъ въ свои руки, — въ видѣ трехъ чешскихъ дивизій, образованныхъ въ Россіи по приказу чешскаго національнаго совѣта изъ Парижа, — орудіе, которое давало ему огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ русской революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на войну до ея конца.

Въ первые мѣсяцы 1918 года большевикамъ удалось захватить власть только внутри и на сѣверѣ Европейской Россіи. Да и тамъ имъ приходилось имѣть дѣло съ возстаніями крестьянъ. Поэтому вполне понятно, что среди русскихъ національныхъ круговъ въ то время появилась надежда сбросить власть большевиковъ съ помощью чешскаго корпуса. Чехи находились тогда на пути къ Владивостоку. Извѣстіе о томъ, что они повернуты на западъ и въ іюль—августъ дошли снова до Казани, было встрѣчено русскимъ народомъ съ восторгомъ. Но чешское наступленіе на Волгу имѣло единственной цѣлью давленіе на нѣмецкое командованіе, чтобы принудить его оставить на восточномъ фронтѣ возможно большія военныя силы. Этимъ надѣялись увеличить шансы Фоша на побѣду на западномъ фронтѣ. А какъ только средне-европейскія державы перестали внушать страхъ, — чешскіе легіоны были обращены на то, чтобы помѣшать адмиралу Колчаку въ его работѣ по восстановленію Россіи. Дважды поднималась Русь въ 1919 году и шла наступленіемъ на большевизмъ, но оба раза была вынуждена отступить. Первый разъ за Тоболь, вторично — за

Байкаль. Чехи не только не подали русскимъ помощи, но они помѣшали и подачѣ русскихъ резервовъ по Сибирской желѣзной дорогѣ. Они не остановились потомъ и передъ открытой игрой съ большевиками. Отступая съ фронта, чехи ограбили несчастное русское населеніе, и ихъ единственной заботой стало, — независимо отъ того, наступали ли русскіе, или были въ отступленіи, — увезти награбленное на востокъ. Это имущество или продавалось чехами по пути къ Владивостоку русскимъ же, или отправлялось въ Европу.

Чехи заявили, что будутъ выполнять приказы только француза Жанена, назначеннаго командовать тѣми войсками, которыя западныя державы и Японія направили въ Сибирь. Политически же они съ самаго начала придерживались сторонниковъ Керенскаго, съ которыми Масарыкъ установилъ связь еще весной 1917 года. Въ концѣ августа 1918 г. офицерскій корпусъ бѣлой арміи пришелъ къ необходимости образованія единой русской власти, чтобы дальнѣйшія военныя мѣропріятія не разбивались политическимъ разбродомъ. Подъ давленіемъ и угрозами чеховъ, правительство это было образовано въ своемъ большинствѣ социаль-революціонное и съ социалистомъ-революціонеромъ во главѣ. Еще въ началѣ войны социаль-революціонеры сумѣли проникнуть въ учрежденія общественно-хозяйственныя, откуда внѣдрились и въ органы самоуправления. Будучи вытѣснены большевиками изъ Петербурга и Москвы, они обосновались восточнѣ Волги до Владивостока. Провозглашеніе Колчака въ ноябрѣ 1918 года верховнымъ правителемъ Россіи положило скорый конецъ социалистическому правительству, но власть Колчака не смогла глубоко проникнуть въ толщу страны; тамъ продолжали хозяйничать эсъ-эры въ союзѣ съ чехами.

Передъ глазами генераль-лейтенанта Сахарова, какъ русскаго, въ его книгѣ стоитъ трагедія панславизма, въ той роковой роли, которую чехи сыграли для его народа. Для насъ, нѣмцевъ, какъ для средне-европейцевъ, еще понятнѣе и яснѣе все то, что говорится въ книгѣ о союзѣ и связи чеховъ съ социаль-революціонерами. Для Россіи социаль-революціонеры означаютъ то же, что для Средней Европы социаль-демократы. Едва успѣлъ Керенскій вырвать бразды власти изъ слабыхъ рукъ буржуазныхъ революціонеровъ, какъ пробилъ часъ для Средней Европы, для Эберта и Адлера. Событія, разыгравшіяся въ рейхстагѣ въ іюлѣ 1917 года, газета «Temps» могла съ полнымъ правомъ назвать — проникновеніемъ русской революціи въ среднюю Европу. Масарыкъ появляется въ пунктѣ соединенія социаль-демократическаго движенія съ панславистскимъ. Онъ принадлежитъ имъ обоимъ и съ ихъ обоюднымъ успѣхомъ сталъ онъ исторической личностью. Панславизмъ и социаль-демократія поддерживали другъ друга не только въ 1918—1920 г. г. по ту сторону Волги, — они показали себя, почти съ перваго дня своего возникновенія въ средней и восточной Европѣ, какъ смертельные враги того порядка, что утвердился въ Европѣ въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ, его основъ и прочности, которыя были положены при устройствѣ великихъ державъ, сооруженныхъ тремя правящими домами: Романовыми, Гогенцоллернами и Габсбургами. Это зданіе разъядалось обоими движеніями, какъ крѣпкой водкой, еще за десятилѣтіе до міровой войны. То участіе, которое панславизмъ принялъ въ подготовкѣ войны, и то вліяніе, которое было оказано социаль-демократіей на ея конецъ, — подкопали общность и силу сопротивленія трехъ великихъ державъ, опредѣливъ и ихъ судьбу. Поэтому нельзя не признать

панславизмъ орудіемъ Запада, въ отличіе отъ соціалъ-демократіи. Но онъ сталъ еще значительнѣе отъ той поддержки, которую отъ нея получилъ.

Оцѣнка этому будетъ различна, соотвѣтственно тому, станетъ ли соціалъ-демократія разсматриваться, какъ фактъ противный либерализму, или ей будетъ отведена извѣстная зависимость отъ него.

При первомъ возникновеніи либерализма ему представлялось, что онъ съ помощью буржуазіи будетъ въ состояніи измѣнить порядокъ, какъ на Западѣ, такъ и въ Средней Европѣ. Но соціальное разслоеніе послѣдней, покоясь своею основой на сельскомъ хозяйствѣ и на рабочихъ, оказалось слишкомъ прочнымъ. Потому-то и могъ Бисмаркъ принять вызовъ либераловъ на рѣшительное сраженіе. Въ двухъ крупныхъ схваткахъ, въ 1862—1867 и въ 1876—1879 г. г., онъ ихъ отбросилъ назадъ. Такіе вожди, какъ епископъ фонъ-Кеттелеръ на Рейнѣ и Карлъ Люэгеръ въ Австріи, разбили либерализмъ въ Средней Европѣ на-голову. Возможно, что продолженіемъ того же направленія является также и Муссолини. Однако, съ появленіемъ соціалъ-демократіи Западъ получилъ опять возможность возобновить борьбу. Только теперь агитація подготовки нападенія на существующій порядокъ была перенесена изъ буржуазіи въ пролетаріатъ, на мѣсто либеральныхъ надеждъ были выдвинуты въ первую голову соціальныя требованія. Однако, политическая воля стремилась, какъ и прежде, къ тому, чтобы въ Среднюю Европу пересадить демократію Запада. И въ этой цѣли изъ-за соціалъ-демократіи вновь вынырнулъ ликъ либерализма. Во время войны соціалъ-демократія и панславизмъ выходятъ на одну и ту же плоскость. Органъ германской соціалъ-демократіи «Vorwärts» такъ проявилъ свое отношеніе къ убійству въ іюль 1914 г. наслѣднаго эрцгерцога: что національная

революція єсть предтеча соціальної, какъ равно и революція буржуазіи приближаєть совершеніе полной революціи пролетаріата. Въ міровой войнѣ случилось, однако, обратное: революціонное движеніе соціаль-демократіи открыло пути для національныхъ революцій восточной и средней Европы. Для борцовъ національныхъ революцій оказалось не труднымъ выиграть (у соціаль-демократовъ первое мѣсто. Лучшіе шансы получило то направленіе, которое обладало внѣшне-политической цѣлью, ибо это увеличивало шансы на побѣду союзниковъ. Національныя чаянія панславизма были проникнуты именно этой внѣшне-политической проблематикой. Въ противовѣсъ чему интернаціональ соціаль-демократіи єсть лишь лозунгъ, которымъ она тѣшитъ сама себя; ей не достаетъ именно внѣшне-политическихъ цѣлей, она озабочена вопросами лишь внутренняго устройства и оплаты труда.

Конечно, и соціаль-демократія, и панславизмъ получили въ итогѣ войны лишь столько, сколько имъ захотѣли и нашли нужнымъ дать западныя державы: соціаль-демократіи иллюзорное участіе рабочихъ союзовъ въ политической власти, а чехамъ предоставленіе государственнаго суверенитета, который на дѣлѣ только тѣнь его, дѣлая чеховъ драбантами Франціи. Съ тѣхъ поръ подъ давленіемъ учрежденной въ Версали новой государственной системы и все больше и больше выступающаго оттуда новаго соціальнаго разслоенія, — Средняя Европа живеть въ образѣ гермафродита между западнымъ капитализмомъ и большевизмомъ востока.

* * *

20 марта 1917 года газета «Vossische Zeitung» въ № 145 опубликовала мою статью, въ которой искалось объясненіе только что разразившейся въ Россіи революціи по линіи историческаго процесса; равно тамъ дѣ-

лалась попытка дать оцѣнку событіямъ, составить первую картину случившагося для сужденія о значеніи его. Статья эта оканчивалась такъ:

«Война очень затянулась. Царь, несомнѣнно, пошелъ бы снова охотно на соглашеніе съ срединными имперіями. Въ немъ не умеръ еще здоровый инстинктъ къ тому, что было хорошо для россійской великодержавности, какъ и для интересовъ ея дипломатіи... Ему не довѣряли одинаково ни интеллигенція, ни Англія, зависимости отъ которыхъ онъ подпалъ со времени пораженія въ Манчжуріи. Они чувствовали себя все время подъ угрозой, что царь можетъ вернуться къ той жизненной политикѣ, подъ знакомъ которой началось его царствованіе. И они вступили противъ него въ заговоръ, сегодня они его побѣдили и низвергнули. Въ Германіи во время войны неоднократно оживалъ политическій взглядъ, что Россія и Германія должны были бы въ послѣднюю четверть столѣтія поддерживать другъ друга и обоюдное стремленіе къ общему господству. Въ томъ, что случилось иначе, несетъ также сильную отвѣтственность общественное мнѣніе Германіи и ея политика... Надо надѣяться, — наше военное командованіе своевременно себя уяснило, что Англія могла отвратить сепаратный миръ Россіи только цѣной болѣе, чѣмъ безумной игры съ огнемъ. Россія трещитъ по всѣмъ швамъ. Что принесло бы, если бы молоты Гинденбурга обрушились на нее въ эту минуту! Но не утеряна еще и сегодня возможность подвинуть войну значительно впередъ къ разрѣшенію — прочнымъ ли захватомъ Россіи, или путемъ возстановленія въ ней монархіи и съ нею здороваго направленія русской виѣшной политики, или, — если страна царя дѣйствительно распадается, — пусть послѣднее слово скажетъ нашъ мечъ, а не англійская интрига.»

Мы не были уже больше въ состояніи помочь царю.

И Австро-Венгрія, и Германія вскорѣ затѣмъ очутились также въ клещахъ, которые Западъ держалъ въ видѣ панславизма и средне-европейской социаль-демократіи. Наши династіи тоже были низвергнуты, и нашъ народъ, на подобіе русскаго, подпалъ обморочному состоянію.

Съ той поры русскіе и нѣмцы переживаютъ время отечественной разрухи. Да будетъ мнѣ позволено въ связи съ этимъ привести въ заключеніе одно личное воспоминаніе. Въ январѣ 1929 г. вопросы изученія исторіи искусства привели меня въ замокъ Зеенъ къ герцогу Лейхтенбергскому. Въ его кабинетѣ, за чашкой послѣобѣденнаго кофе, разговоръ направился на политическія темы. Герцогъ упомянулъ о генералѣ Врангелѣ и предложилъ познакомить насъ. Никто не могъ бы лучше Врангеля мнѣ рассказать, какая глубокая пропасть образовалась между русскими и Западомъ; онъ пережилъ съ западными державами только разочарованія. Всѣ, кто были въ Россіи за тройственное соглашеніе и сражались за его дѣло, знаютъ теперь, что будущность Россіи только въ возобновленіи старыхъ, добрыхъ связей съ Германіей. Я не познакомился съ генераломъ Врангелемъ. Уже черезъ нѣсколько недѣль онъ перешелъ въ лучшей міръ, лѣтомъ умеръ и герцогъ Лейхтенбергскій. Этотъ разговоръ пришелъ мнѣ на память теперь при чтеніи теплыхъ словъ, которыя генераль-лейтенантъ Сахаровъ посвящаетъ русско-германскимъ отношеніямъ. Общность несчастія направляетъ тѣхъ, кого оно постигло, къ естественному сближенію. Но въ чувствахъ, которыя выражаетъ генераль-лейтенантъ Сахаровъ, дѣло идетъ не только объ этомъ одномъ; мы смѣемъ вѣрить, что здѣсь выступаетъ единственно правильный взглядъ на вещи и согласованная съ нимъ политическая воля. Они намъ помогутъ работать на будущее, каждому для своего народа, пока, по волѣ Господней, міръ не приметъ новаго вида.

I. Тѣни міровой войны.

Міръ, потрясенный величайшей изъ войнъ, стоитъ, содрогаясь и готовый впасть въ новыя судороги безумнаго самоистребленія и развалинъ. Милліоны и милліоны лучшихъ сыновъ всѣхъ главныхъ націй ушли изъ жизни за годы міровой войны и революцій. Полные вѣры въ свѣтлое будущее, положили они души свои за други своя. Когда эти храбрые, честные люди, бывшіе въ расцвѣтѣ силъ и здоровья, безстрашно шли впередъ и умирали на полѣ чести, то передъ ихъ глазами стояли идеалы правды, права и справедливости. И оттого-то былъ легокъ и чистъ ихъ жизненный конецъ...

А развѣ не съ вѣрой въ побѣду Добра надъ Зломъ бросились въ смертную схватку народы міра? Развѣ не за идеалы правды, права и справедливости лилась многіе годы потоками горячая человѣческая кровь, ломались безъ счета кости и отдавалась въ жертву жизнь?...

Отвѣтъ на эти жгучіе вопросы прозвучалъ изъ Парижскихъ предмѣстій: Версаля, Трианона и С.-Жермена. Идеалы превратились въ иллюзіи, и иллюзіи разлетѣлись, какъ пыль цвѣточная. На мѣсто правды и права вошли въ міръ, какъ еще никогда ранѣе, ложь и насиліе. Тяжело должны были перевернуться въ глубокихъ братскихъ могилахъ останки героевъ.

Какіе же еще результаты долгой и кровопролитной войны? Прежде всего, необходимо замѣтить, что война, въ сущности не окончена; она прервалась и перешла въ иную плоскость, приняла другія формы. Произошло къ тому же довольно существенное перемѣщеніе факторовъ войны. Только неизлѣчимый гипокритъ или человѣкъ съ привычкой страуса прятать при опасности голову въ песокъ могутъ оспаривать это и утверждать, что послѣ Версаля человѣчество получило прочный миръ и перестало готовиться къ войнѣ.

Россія, страна, занимающая $\frac{1}{6}$ суши и имѣющая въ своей массѣ примитивное земледѣльческое населеніе, отдана была на потокъ и разграбленіе коммунистическому интернаціоналу, т. е. преступному сброду изъ человѣческихъ отбросовъ всѣхъ странъ; людей, потерявшихъ послѣдніе проблески духа, преданныхъ самому разнузданному матеріализму и исполненнымъ жестокости бѣшенато звѣря. Русскій народъ не сразу подпалъ подъ это страшное иго; онъ схватился съ коммунистами въ смертельной борьбѣ и велъ три года жестокою внутреннюю гражданскую войну. Когда бѣлые, т. е. національныя русскія арміи были уже близки къ побѣдѣ надъ красными, — то рука изъ Версаля направила ужасный предательскій ударъ имъ въ спину. И этимъ ударомъ помогла утвердиться въ Россіи коммунизму больше чѣмъ на десятилѣтіе.

Германія, поверженная, но не побѣжденная, оставалась еще страшна людямъ, дѣлавшимъ Версаль. Она была страшна своею внутренней силой: стремленіемъ къ единству, дисциплиной, способностью къ жертвѣ и волей. Потому-то мирный договоръ и бросаетъ на тѣ же десятилѣтія эту крѣпкую и трудолюбивую страну въ унижительныя, непосильно тяжелыя матеріальныя условія, въ моральное рабство. Съ беззастѣнчивой улыбкой люди, мечтавшіе о реваншѣ, готовившіеся все время къ войнѣ и спустившіе съ цѣпей ея страшнаго звѣря, — приписываютъ вину одной лишь Германіи. У нея отнимаютъ оружіе, лишаютъ ее средствъ обороны и требуютъ уплаты всѣхъ тѣхъ милліардовъ, которые въ теченіе четырехъ лѣтъ народы Европы выпускали въ воздухъ ежедневнымъ потокомъ смертоносныхъ снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ.

Но и этого мало. Для каждаго человѣка ясна и непреложна мысль: если бы не было государственной слѣпоты у обѣихъ странъ, если бы Россія и Германія были вмѣстѣ, — то никакая война не могла бы возникнуть. Воля двухъ колоссовъ, объединенныхъ между собой, была бы непререкаема, а сила непобѣдима. Эту истину понимаютъ теперь всѣ. А люди, засѣдавшіе въ Версалѣ, видѣли и дальше; для нихъ не подлежало со-

мнѣнію, что это положеніе имѣетъ силу не только въ прошломъ, но и въ будущемъ. Потому-то и была отдана Россія на разложеніе коммунистамъ, причемъ вину и въ этомъ хотѣли свалить на Германію... Чтобы еще болѣе раздѣлить два народа, русскій и нѣмецкій, политики Версаля, Трианона и С.-Жермена намѣтили создать между ними физическій барьеръ. Для этого они тѣло Европы раздѣлили и раскромсали, какъ мясники раздѣлываютъ тушу быка. Одѣвшись наружно въ красивую тогу принциповъ самоопредѣленія народовъ и правъ меньшинства, — «творцы мирнаго договора» выкроили изъ тѣла Европы рядъ новыхъ государствъ: Чехословакію съ областью судетскихъ нѣмцевъ, со Словакіей и Карпатской Русью; Польшу съ корридормъ, Силезіей, западной Пруссіей, Галиціей, Волинью и Вильно; Литву съ Мемелемъ; Румынію съ Бессарабіей и Семиградіей.

Вмѣсто одного Эльзаса были созданы послѣ войны десятки. Мирные договоры Версаля, Трианона и С.-Жермена принесли міру зародыши новой бойни, къ которой готовятся изъ всѣхъ силъ «побѣдители», обезоруживъ для большей вѣрности «побѣжденных».

Война Антанты съ центральными имперіями Европы окончилась безъ участія Россіи. Наша страна принесла болѣе всѣхъ жертвъ на дѣло союзниковъ и только вслѣдствіе этого была выведена изъ строя тяжелой болѣзью—революціей. Зато міровая война окончилась при участіи Америки, вступившей въ ряды борющихся передъ самымъ концомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы Америка выступила рѣшительно въ 1915 или даже въ 1916 году, то война кончилась бы значительно раньше и стоила бы міру на много меньше крови и даже золота. Но въ 1914, 15 и 16 годахъ Америка держала нейтралитетъ и была занята большими выгодными заказами для воюющихъ. Эти заказы выкачивали золото съ материка въ Новый Свѣтъ.

Міровая война окончилась не побѣдой странъ Антанты на поляхъ сраженій, а разложеніемъ Германіи, подпавшей пропагандѣ пацифизма и интернаціонала, вступившей подобно Россіи на путь революціи. На этотъ конецъ имперіи и на отказъ Германіи отъ продолженія

войны повліяло въ рѣшительной степени вступленіе въ войну Америки и прибытіе въ Европу ея свѣжей арміи. Америка сыграла свою роль навѣрняка и заняла положеніе, небывалое раньше по своему вліянію.

Міровая война окончилась не побѣдой Антанты. Версальскій миръ подобенъ другому миру этой войны, миру Брестъ-Литовскому. Какъ тамъ договаривались здоровыя центральныя державы съ больной Россіей, такъ и здѣсь, въ Версалѣ, Трианонѣ и С.-Жерменѣ страны Антанты договаривались съ больными Германіей и Австро-Венгріей. Народы раздѣлились не на побѣдителей и побѣжденныхъ, а на выигравшихъ ставку и на обиженныхъ.

Въ станъ обиженныхъ отброшена и Россія, заплатившая всѣхъ дороже за свою историческую ошибку.

Россія временно повержена и на много больнѣе и тяжелѣе центральныхъ державъ. Но сбросить этотъ факторъ совершенно со счетовъ союзникамъ не удалось. Всѣ понимаютъ, что развалъ великой страны лишь временный, что Россія встанетъ изъ пепла, на подобіе Феникса, возрожденной, очищенной и болѣе могучей, чѣмъ раньше. И эта новая будущая Россія по поводу статей 116 и 117 Версальскаго договора*) будетъ говорить не съ Гер-

*) Ст. 116. Германія признаетъ независимость всѣхъ областей, принадлежавшихъ 1 августа 1914 г. къ прежней Россійской Имперіи, и обязуется уважать эту независимость длительно и нерушимо. Германія признаетъ окончательно объявленіе недѣйствительнымъ какъ Брестъ-Литовскаго мира, такъ и всѣхъ другихъ соглашеній и сдѣлокъ, заключенныхъ ею со времени большевистской революціи въ ноябрѣ 1918 г. съ какими бы то ни было образовавшимися на территоріи бывшей Россійской Имперіи правительствами или политическими группами.

Союзныя державы особенно настаиваютъ на правѣ Россіи требовать отъ Германіи соотвѣтствующихъ началамъ договора возстановленій и возмѣщеній.

Ст. 117. Германія, обязуется признать всю законную силу договоровъ и соглашеній, которые будутъ заключены союзными державами съ государствами, кои образуются на всей территоріи бывшей Россійской Имперіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она была къ

маніей, Австріей и Венгріей, а съ творцами Версальскаго мира.

Какъ сказано выше, Россія справилась бы сама со своей бѣдой, съ революціонной болѣзнью, съ большевицкимъ разгуломъ, если бы не злой предательскій ударъ въ спину русскимъ. А этотъ ударъ, это канново дѣло предательства совершили чехи въ Сибири, тамъ, гдѣ былъ центръ русскихъ усилій, гдѣ образовалось ядро новой русской національной власти и государственности. Другого названія, какъ «канново дѣло», гдѣ этому черному предательству чеховъ, ибо они все время, даже опускающая трусливой рукою сзади кинжалъ, не переставали называть русскихъ «своими братьями», а Россію — «своей матерью».

Въ 1923 году пишущимъ эти строки была издана въ Мюнхенѣ книга «Бѣлая Сибирь», гдѣ даны описанія всего хода гражданской войны въ Сибири за 1918—1920 годы, — такъ, какъ событія были видны изъ центра величайшей трагедіи русскаго народа, съ поста командующаго арміей и помощника адмирала Колчака. Въ главѣ V-й этой книги «Чехо-словацкій корпусъ» обрисована объективно и на основаніи документовъ та гнусная роль, какую сыграли чехи въ этой трагедіи Россіи.

Они предали русскую бѣлую армію и ея вожда, они братались съ большевиками, они, какъ трусливое стадо, бѣжали на востокъ, они совершали надъ безоружными насилія и убійства, они наворовали на сотни милліоновъ частнаго и казеннаго имущества и вывезли его изъ Сибири съ собой на родину.

Слѣдующимъ мѣстомъ заканчивается V-я глава «Бѣлой Сибири»: «Пройдутъ даже не вѣка, а десятки лѣтъ, человѣчество въ поискахъ справедливаго равновѣсія не

1 августа 1914 г., или на какой-либо части ея. Германія, далѣе, обязуется признать границы этихъ государствъ, какъ онѣ будутъ установлены означенными договорами и соглашеніями. (Мирный договоръ между Германіей и странами Согласія. Редакція перевода съ оригинальныхъ текстовъ В. Я. Назимова. Берлинъ, 1920).

разъ еще столкнется въ борьбѣ, не разъ, возможно, измѣнить и карту Европы; кости всѣхъ этихъ Благошей и Павлу истлѣютъ въ землѣ; русскія цѣнности, привезенныя ими изъ Сибири, тоже вѣдь исчезнутъ, — на мѣсто ихъ человѣчество добудетъ и сдѣлаетъ новыя, другія. Но предательство, кайново дѣло, — съ одной стороны, — и чистыя крестныя страданія Россіи — съ другой — не пройдутъ, не забудутся и будутъ долго, вѣками передаваться изъ потомства въ потомство.

А Благоши и К^о прочно укрѣпили на этомъ ярлыкѣ: Вотъ, что сдѣлалъ чехословацкій корпусъ въ Сибири!

И Россія должна спросить чешскій и словацкій народы, какъ они отнеслись къ іудамъ-предателямъ и что они намѣрены сдѣлать для исправленія причиненныхъ Россіи злодѣяній?»

* * *

Прошло шесть лѣтъ молчанія. Чешскіе политики, строители новаго государства, не только не поставили преступниковъ передъ судомъ и предателей къ позорному столбу, но пытались ихъ окружить ореоломъ чести, доблести и героизма. Болѣе беззащитной лжи міръ не видѣлъ. Ниже будутъ приведены такія «свидѣтельства» двухъ заправиль чешской политики, проф. Масарыка и д-ра Бенеша. Цѣль этихъ государственныхъ людей новой республики, выкросенной изъ тѣла старой Европы, была, очевидно, обмануть общественное мнѣніе всѣхъ цивилизованныхъ странъ, усыпить совѣсть ихъ, чтобы, несмотря на всю подлость и низость, сохранить мѣсто среди честныхъ націй и порядочныхъ людей.

До Сибири далеко, въ самой Россіи нѣтъ національной власти, вступить за правду некому, а большевики сами не заинтересованы разоблачать, — такъ, видно, рассуждали чехи, укрѣпляя свой обманъ. А тѣ представители Антанты, которые знали о грязномъ воровствѣ и о кайновомъ дѣлѣ чеховъ, — хранили и хранятъ до сихъ поръ глубокое молчаніе. Въ силу этого общественное мнѣніе цивилизованныхъ странъ, — подъ вліяніемъ чешской пропаганды, — находится въ заблужденіи. Только

частью удалось разрушить обманъ, благодаря тому, что книга «Бѣлая Сибирь» нашла широкій откликъ въ русской зарубежной и въ нѣмецкой прессѣ. Теперь, не такъ какъ до 1923 года, анабазисъ чеховъ пишется теперь въ кавычкахъ, а лживой чешской похвальбѣ о ихъ подвигахъ въ Сибири нерѣдко противопоставляется то, что ихъ бѣгство изъ Сибири, воровство и грабежъ — факты общеизвѣстные.

Долгъ освѣтить эту мрачную картину во всей ужасающей полнотѣ лежитъ не только на однихъ русскихъ; это обязаны сдѣлать честные люди всѣхъ націй. Дѣло совѣсти всѣхъ истинныхъ демократій (какъ любятъ повторять чешскіе политики) — раскрыть правду. Въ интересахъ всего міра — поставить преступленія чеховъ передъ Россіей къ позорному столбу. Иначе въ Европѣ останется государство, которое служить мѣстомъ укрывательства убійць, воровъ, насильниковъ женщинъ, давая имъ не просто убѣжище, но предоставляя государственныя руководящія мѣста и прославляя ихъ, какъ героевъ.

Продолжая собирать дальше документальный матеріалъ, касающійся того времени,*) мы находимъ своевременнымъ выпустить настоящую книгу, имѣющую своимъ предметомъ злодѣянія чеховъ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ, 1930 году, исполнится 10 лѣтъ со времени совершенія предательства чехами въ Сибири.

Естественно, что у читателя могутъ возникнуть вопросы: Какимъ образомъ попали чехи въ Россію? Откуда взялся тамъ цѣлый чехо-словацкій корпусъ? Какъ могли они натворить столько зла въ Сибири? — Краткій отвѣтъ на эти вопросы даютъ слѣдующія главы.

II. Историческая ошибка Россіи.

Не подлежитъ спору, что прежняя императорская Россія была больна панславизмомъ, болѣзнию,

*) Лицъ, располагающихъ документами, воспоминаніями, газетными вырѣзками, фотографіями и т. д., касающимися чеховъ въ Россіи, просятъ направить черезъ издательство автору.

отъ которой новая Россія, — надо надѣяться, — вылѣчена навсегда. Хотя эта болѣзнь и носила чисто внѣшній, наружный характеръ, не имѣя корней ни въ самой странѣ, ни въ широкихъ народныхъ массахъ, — но все же, она за послѣднія 50 лѣтъ оказывала очень большое вліяніе на жизнь нашего отечества.

Панславизмъ возникъ въ серединѣ прошлаго столѣтія, имѣя вначалѣ чисто-теоретическія проявленія, — родственности языка славянскихъ племенъ, интереса къ ихъ литературѣ, искусствамъ, народнымъ вѣрованіямъ, обычаямъ и укладу жизни. Но очень скоро къ этимъ научнымъ, чисто кабинетнымъ и невиннымъ увлеченіямъ примѣшалась и политическая игра, подогреваемая извѣстіями съ Балканскаго полуострова о притѣсненіяхъ турками болгаровъ и сербовъ. То былъ вѣкъ сентиментализма, когда глубоко въ жизнь проникали идеи помощи малымъ страждущимъ христіанскимъ народцамъ. будоражили общество и вызывали сильное желаніе помочь имъ и освободить ихъ отъ ига невѣрныхъ. Стоитъ лишь вспомнить лорда Байрона, его личное участіе въ судьбѣ грековъ и въ борьбѣ за ихъ свободу.

Для той же цѣли возникла и война Россіи съ Турціей 1877—78 г. г., закончившаяся освобожденіемъ болгаровъ и сербовъ. Послѣдовало созданіе этихъ самостоятельныхъ государствъ, обязанное обильно пролитой крови сыновъ Россіи. Послѣ этого панславискія теченія усилились въ русскихъ кругахъ еще больше. Среди славянофиловъ видимъ тогда кромѣ ученыхъ теоретиковъ и рядъ вліятельныхъ политиковъ, главнымъ образомъ, среди всенныхъ, какъ, на примѣръ, Чернышевъ, Скобелевъ и Игнатьевъ.

Эти люди, имѣвшіе большое вліяніе на русскую жизнь и на русское общество, сильно культивировали панславизмъ и обратили его въ мощный факторъ внѣшней, да отчасти и внутренней политики. Къ несчастью, движеніе это шло нога-въ-ногу съ русскимъ націонализмомъ и въ царствованіе Александра III достигло своего апогея.

Двѣ причины, лежавшія внѣ самой Россіи, вліяли въ сильной степени на его развитіе. Во-первыхъ, — это

отходъ Австро-Венгрии и Германіи отъ основъ политики Бисмарка. Берлинскій конгрессъ уже вызвалъ большое разочарованіе петербургскаго общества. Традиціонныя, на протяженіи вѣковъ укрѣпленныя взаимодѣйствіе и дружба русскихъ и нѣмцевъ, достигшія наибольшаго расцвѣта въ Священномъ Союзѣ, стали тускнѣть и отходить на второй планъ. Послѣ блестящей эпохи Вильгельма I проявлялось все большее пренебреженіе завѣщанной Бисмаркомъ идеей бережнаго отношенія къ взаимнымъ интересамъ и идущаго рука - объ - руку, взаимно дополняющаго развитія обоихъ народовъ, русскаго и нѣмецкаго. Среди нѣмецкихъ политиковъ народилось западническое теченіе, обращеніе всѣхъ надеждъ и мыслей на Европу; къ Россіи стали относиться люди этого порядка или съ пренебреженіемъ, или прямо враждебно.

Второй причиною явился заключенный императоромъ Александромъ III, какъ противовѣсъ германскому паневропейзму, союзъ съ Франціей; по самому существу — противуестественный союзъ между автократической и патріархальной монархіей и разнузданной, развращенной и вѣчно интригующей республикой. Эти интриги и не замедлили использовать панславизмъ, чтобы, разжигая его, тѣмъ самымъ увеличить еще сильнѣе расхожденіе между Россіей съ одной стороны, и Германіей съ Австро-Венгріей — съ другою.

Въ послѣднее царствованіе Николая II, относившагося съ прямымъ обожаніемъ къ политикѣ своего царственного отца, панславискія идеи еще болѣе укрѣпились, получивъ официальное признаніе и поддержку правительства. Какъ въ Петербургѣ, такъ и во всѣхъ славянскихъ центрахъ Европы, точно грибы послѣ долгаго дождя, выросли панслависты-политики, сдѣлавшіе себѣ изъ этого профессію, извлекавшіе изъ панславизма выгоды, строившіе на немъ свою карьеру. Въ расцвѣтъ императорской Россіи всѣ славянскіе народцы заискивали передъ ней, завѣряли ее въ своей любви и преданности, получая регулярныя субсидіи и подарки.

А Россія въ своей массѣ была совершенно равнодушна къ панславизму, считая его, по справедливости, лиш-

нимъ, ненужнымъ и несущественнымъ и, во всякомъ случаѣ, чуждымъ себѣ.

Да и какъ же иначе?... Представьте себѣ на минуту, что Германія, вмѣсто вполне понятныхъ и естественныхъ заботъ о «Deutschtum», стала бы культивировать «пангерманизмъ», т. е. искать не только общности, но и объединенія со всѣми странами, включительно до Англіи, населеніе которыхъ принадлежитъ къ германской расѣ или имѣетъ сильную примѣсь ея. Нельзя упускать изъ виду слѣдующаго: Россія населена въ своей главной массѣ русскими, въ жилахъ которыхъ течетъ не только славянская кровь, но и туранская; а кромѣ того, рядъ другихъ народностей Россіи не имѣетъ со славянской расой ничего общаго. На протяжении нашей исторіи, при развитіи государства Россійскаго, эти народы были для Россіи вѣрными сынами и лояльными подданными. Подъ русскими знаменами стояли, какъ сыны Россіи — и русскіе, и кавказцы, балтійцы и нѣмцы-колонисты, буряты, татары, калмыки, киргизы, башкиры, туркмены, таджики и многія финскія племена. Въ то время, когда чисто-славянскій народъ, поляки, былъ на всемъ тысячелѣтнемъ историческомъ пути Россіи заклятый и непримиримый врагъ ея.

Невольно возникаетъ вопросъ: было честно по отношенію ко всѣмъ этимъ народностямъ Россіи культивировать идеи панславизма, допускать вліяніе его на свою внѣшнюю политику? Имѣло ли государство право расходовать средства страны и направлять силу арміи на пользу чуждыхъ славянскихъ народцевъ? Допустимо ли было лить такъ щедро кровь сыновъ Россіи для освобожденія и самостоятельности всѣхъ разбросанныхъ маленькихъ славянскихъ земель?

Логика даетъ на это отвѣтъ отрицательный: Нѣтъ, не имѣла права Россія идти по пути искусственной и выдуманной идеи панславизма. А исторія послѣднихъ лѣтъ не только подтверждаетъ это, — Россіи пришлось тяжело, непомерно тяжело заплатить за свою

ошибку. Въ то время какъ Чехословакія, Польша*) и Югославія, созданныя на крови лучшихъ сыновъ нашего отечества, разбухли и заболѣли маніей величія, — Россія повержена въ развалинахъ, Россія томится въ кровавомъ безумномъ коммунизмѣ, Россія впала въ обѣдѣніе. Славянскіе народы не только не пришли на помощь нашей странѣ, но постарались все использовать эту смертельную болѣзнь для своихъ мелкихъ меркантильныхъ интересовъ, глядя равнодушно на борьбу русскихъ національныхъ отечественныхъ силъ съ коммунистами или даже помогая послѣднимъ.

Еще одно обстоятельство заслуживаетъ самаго вдумчиваго вниманія: все эти новыя славянскія государства, порожденные въ Версалѣ, Трианонѣ и Санъ-Жерменѣ, съ самаго начала своей жизни стали не только тяготѣть ко Франціи, но обратились въ ея преданныхъ и послушныхъ слугъ, дѣйствуя по ея указкѣ. Это лучшее доказательство правильности того положенія, что хитрая политическая интрига Французской республики сумѣла въ свое время использовать панславизмъ. Россіи онъ принесъ только вредъ. Но въ 1914 году наше государство было могуче и располагало большими, все увеличивавшимися средствами и кредитомъ. Панславизмъ росъ и ширился, какъ недобрый духъ, какъ чума. И естественно, что этотъ ростъ вызывалъ не только недовольство, но и прямое противодѣйствіе въ другихъ странахъ, особенно въ Австро-Венгріи, имѣвшей подъ своей короной не мало славянскихъ народцевъ. Панславизмъ сдѣлался ядомъ раздора и, въ концѣ концовъ, послужилъ одной изъ причинъ, приведшихъ къ конфликту.

Міровая война имѣла своимъ исходнымъ поводомъ маленькую Сербію. Россія вошла въ войну, руководимая желаніемъ вступить за права этого славянскаго народца. Пламя грандіозной небывалой войны охватило всю Европу.

Съ теченіемъ затянувшейся міровой войны политики Антанты рѣшили использовать панславизмъ, какъ сред-

*) За Польшу и на поляхъ Польши пролиты были потоки лучшей крови сыновъ Россіи.

ство для разложенія враждебныхъ армій и государствъ, съ одной стороны, и для усиленія себя — съ другой. Были выкинута лозунги о самостоятельности Польши и Чехіи. Въ августѣ 1914 года главнокомандующій Русскими арміями, вел. кн. Николай Николаевичъ, издалъ прокламацію съ призывомъ къ возстанію ко всеѣмъ народамъ Австро-Венгріи. Въ тѣхъ же цѣляхъ усиленія себя и ослабленія противника были начаты въ странахъ союзниковъ формировація воинскихъ частей изъ чеховъ, поляковъ и сербовъ. Уже въ августѣ 1914 года было разрѣшено и въ Россіи формироваіе одной чешской дружины (батальона) частью изъ чеховъ, русскихъ подданныхъ уроженцевъ Волыни, частью изъ австрійскихъ чеховъ, которыхъ война застигла въ Россіи. Въ ноябрѣ того же года эта дружина (около 800 человекъ) вступила въ составъ дѣйствующей арміи.

Въ то время, какъ въ Петербургѣ и центральныхъ учрежденіяхъ, до главной квартиры включительно, относились къ чешскимъ формироваціямъ сочувственно, — сама армія смотрѣла на нихъ недовѣрчиво и презрительно. Особенно, когда къ первымъ чехамъ-добровольцамъ стали подмѣшивать военно-плѣнныхъ чеховъ, строевые начальники стали относиться къ нимъ прямо съ опаской. Руководящей мыслью при этомъ были слова, высказанныя однимъ изъ старыхъ и доблестнѣйшихъ боевыхъ русскихъ генераловъ: «Чортъ ихъ знаетъ, этихъ «братушекъ»! Кто разъ измѣнилъ, тотъ легко сдѣлаеть это и въ другой разъ. Да и нельзя быть увѣреннымъ, что среди этихъ чеховъ нѣтъ шпионовъ». Мнѣніе арміи взяло врхъ, и поэтому долгое время дальнѣйшія формироваія чешскихъ частей въ Россіи не были дозволены.

Масарыкъ въ своей книгѣ*) пишетъ, что такой же взглядъ вначалѣ существовалъ и такіе же аргументы проводились по отношенію къ плѣннымъ чехамъ и въ Италіи, Англіи, Америкѣ и даже во Франціи.

Что касается до роли чеховъ, солдатъ и офицеровъ Австро-Венгерской арміи, то, вѣрно, были случаи пере-

*) Т. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 164.

хода на вражескую сторону их частей, их измѣны знамени и присягѣ. Но обычно не идейные, а чисто-шкурные мотивы двигали этими дезертирами, мелкое и низкое желаніе спасти свою «драгоценную жизнь».

Помню, какое чувство омерзѣнія вызывали подобные случаи у насъ на фронтѣ мировой войны. Среди многихъ эпизодовъ галиційскаго наступленія лѣтомъ 1916 года былъ въ нашей дивизіи (3-й финляндской стрѣлковой) 27 іюля ст. стили упорный бой за дер. Лазарувку у Золотой Липы. Послѣ горячихъ атакъ и контръ-атакъ съ обѣихъ сторонъ, мы заняли эту деревню и захватили свыше двухъ тысячъ плѣнныхъ. Германскій егерскій батальонъ съ австро-венгерскими частями былъ двинутъ изъ резерва противъ насъ. Завязался вновь напряженный бой. Послѣдняя схватка происходила на глазахъ у пишущаго эти строки. Нашъ 9-й полкъ удачно охватилъ флангъ и вышелъ въ тылъ непріятельской позиціи. Благодаря умѣлому маневру, мы захватили снова много плѣнныхъ, хотя всѣ они дрались и упорно, и хорошо.

И вотъ, когда участь боя была уже рѣшена, дальнѣйшее сопротивленіе становилось совершенно безцѣльнымъ, наши стрѣлки принимали и вели сдавшихся въ плѣнъ,— всѣ непріятельскіе офицеры и солдаты были мрачны, устали и подавлены. Вдругъ два фендрика, чехи, вырвались изъ толпы плѣнныхъ, кинулись къ нашимъ офицерамъ съ объятіями, съ поклонами и попытками цѣловать руку. Они кричали что-то о своей дружбѣ, о своей горячей любви къ Россіи, о нежеланіи воевать. Все было ложью,—въ ихъ глазахъ стояло лишь опьяненіе страхомъ боя и радостью сохраненія жизни.

Неправдою было мнѣніе, будто чешскія части, служившія въ австрійской арміи, сдавались добровольно и безъ боя. Они вели себя сообразно съ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ были. Вотъ другой случай. Противъ нашей дивизіи на р. Стрыпѣ у дер. Гайворонки стоялъ чешскій полкъ (насколько помню, 88 пѣхотный), держался крѣпко всю зиму 1915-16 г. г. и дрался съ отличнымъ упорствомъ. Когда въ маѣ наши полки послѣ трехдневныхъ боевъ переправились черезъ Стрыпу и начали удлинеными пероксилиновыми зарядами рвать тридцать рядовъ

колючей проволоки, — всё чехи этого полка успели отступить в тыл своего расположения; мы взяли их пленными лишь несколько десятков. В тот же день и тем же ударом наша дивизия захватила у дер. Висневчика на Стрыпѣ почти цѣликомъ 10-й гонведный венгерскій полкъ. А вѣдь венгры были извѣстны, какъ отличные солдаты. Тогда же мы всё высказывали мысль, что рассказы о добровольной сдачѣ чешскихъ частей — басни. Это была своего рода игра съ двойнымъ обезпеченіемъ: драться хорошо до побѣды своихъ, а въ случаѣ пораженія или въ трудную минуту — прикрыться славянскимъ братствомъ, чтобы и въ плену не было плохо.

Несмотря на всё хлопоты и интриги, на низкопоклонство чешскихъ политиковъ типа Масарыка и Бенеша, на вліяніе черезъ Англію и Францію, русское правительство долго не позволяло дальнѣйшихъ чешскихъ формированій. Только вначалѣ 1916 года чешская дружина была переформирована въ чешскій стрѣлковый полкъ, но всё командныя должности въ немъ были замѣщены русскими офицерами и командный языкъ былъ русскій. Чѣмъ дольше затягивалась война, тѣмъ настроеніе въ Петербургѣ становилось тревожнѣе, неувереннѣе, тѣмъ все больше и больше дѣлалось ошибокъ подъ вліяніемъ утомленія и страха за исходъ войны. Именно вслѣдствіе этого и были разрѣшены лѣтомъ 1916 г. дальнѣйшія чешскія формированія, — полкъ развернули въ бригаду.

III. Выступленіе чеховъ.

(Ноябрь 1917 — Іюнь 1918)

Образованный заграницей чешскій національный советъ черезъ свое Московское отдѣленіе поднесъ русскому царю 22 ноября 1916 г. завѣренія въ лойяльности и вѣрности. Надо замѣтить, что въ тѣ годы чешскіе дѣятели заграницей представляли свою цѣль въ образованіи самостоятельнаго богемскаго королевства съ королемъ изъ иностранной династіи, указывая на Домъ Романовыхъ.

А вотъ какое свидѣтельство находимъ у объективна-

го швейцарскаго ученаго*): «Пражскій бюргермейстеръ выразалъ императору Францу-Иосифу чувства вѣрности и преданности неукоснительно при каждомъ успѣхѣ австрійскаго оружія. Въ январѣ 1917 года «Nagodni Listi» писалъ... «Дѣйствія профессора Масарыка грязнятъ честь чешской націи. Любвы всего чешскаго народа къ династїи и отечеству крѣпка и непоколебима. Всѣ, кто за границей говоритъ другое, лгуны и предатели. Мы рѣшительно отрицаемъ, что такіе люди имѣютъ право говорить отъ нашего имени...»

«Депутаты Шмераль, Станекъ и Мاستалка подписали королю Карлу (15 февраля 1917 г.) *) прошеніе объ его коронованїи въ Прагѣ чешской короной, причемъ они завѣряли его въ томъ, что «всегда будутъ стоять всѣ за него и его преемниковъ, всегда будутъ вѣрно служить королю и отечеству.»

«...Во время міровой войны словаки-солдаты сражались храбро въ австро-венгерской арміи, а словаки-націоналисты держали въ рейхстагѣ патріотическія рѣчи (какъ Юрыга 26 апрѣля и 9 декабря 1915 г.) о готовности ихъ народа къ жертвѣ за венгерское отечество.» *)

Когда въ мартѣ 1917 года неожиданно разразилась въ Петербургѣ предательская революція, чехи быстро почувствовали родственную среду и перекрасились, стали яркими республиканцами. Отъ временнаго правительства (Милюковъ) они добились уже въ мартѣ 1917 г. согласія на формировапія въ Россїи изъ военноплѣнныхъ самостоятельной чешской арміи. Въ августѣ ихъ національный совѣтъ выпустилъ заемъ въ 20 милліоновъ франковъ для нуждъ арміи и революціи. Въ октябрѣ генераль Духонинъ**) подписалъ приказъ о формировапіи чехо-словацкаго трехдивизионнаго корпуса.

Но событія шли катастрофическимъ ходомъ. Наступа-

*) Dr. Hugo Hassinger, Professor der Geographie an der Universität Basel «Die Tschechoslowakei», стр. 312, 313, 477.

**) Генераль-лейтенантъ Николай Николаевичъ Духонинъ былъ послѣднимъ начальникомъ штаба (ставки) верховнаго главно-

ла расплата. Октябрьская революція, большевицкій переворотъ съ его лозунгомъ — прекращеніе войны и заключеніе мира. Духонинъ былъ убитъ въ Могилевѣ большевиками, Русская армія разваливалась. Положеніе чеховъ-военноплѣнныхъ стало снова подъ вопросомъ.

Послѣ революціи, весной 1917 года, посѣщилъ въ Россію Масарыкъ, — который подробно описываетъ это въ своей книгѣ «Die Weltrevolution», не скрывая, что въ Россію императорскую онъ ѣхалъ побаивался. Причина лежитъ, понятно, не въ томъ, что утверждаетъ Масарыкъ, эта одна изъ самыхъ знаменитыхъ фигуръ современности — по своей изворотливости и по умѣнію дѣлать самыя грязныя дѣла съ благочестивымъ видомъ. Книги людей, подобныхъ Масарыку, представляютъ для массы тѣмъ большую опасность, что написаны онѣ человѣкомъ, обладающимъ эрудиціей и начитанностью: въ этихъ книгахъ ложь перепутана съ правдой во всѣхъ случаяхъ, когда это удобно или выгодно автору.

Масарыкъ по пріѣздѣ въ Россію связался, во-первыхъ, со всѣми «вождями» революціи, которые, по его собственному свидѣтельству, были ему очень близки; а далѣе онъ поступилъ всецѣло въ распоряженіе французской миссіи въ Россіи. Въ своей книгѣ Масарыкъ роняетъ характерную фразу: *) «Мы (т. е. чехо-словацкій корпусъ), были автономной арміей, но въ то же время были и составной частью французской арміи; мы зависѣли въ денежномъ отношеніи отъ Франціи и отъ Антанты.»

Чехо-словацкій корпусъ осенью 1917 года сосредотачивается на Украинѣ. Сначала чехи ведутъ переговоры съ украинскимъ правительствомъ, но потомъ дѣлаютъ вольтъ, и Масарыкъ самолично договаривается съ боль-

командующаго въ Могилевѣ, а послѣ исчезновенія Куренскаго заступилъ и мѣсто главнокомандующаго. Оставался на своемъ посту до конца. Послѣ большевицкой революціи, былъ арестованъ 3-го декабря 1918 г. прапорщикомъ Крыленко (новымъ главкомверхомъ). Большевики-матросы въ тотъ же вечеръ вытащили генерала Духонина изъ вагона и звѣрски убили его.

*) Т. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 200.

шевицкимъ главнокомандующимъ Муравьевымъ*), причемъ между ними устанавливается извѣстная близость. Масарыкъ допускаетъ въ чешскіе полки большевицкихъ агитаторовъ, результатомъ чего происходитъ вполнѣ понятная частичная большевизація чеховъ.

Почти цѣлый годъ пробылъ отецъ чешской интриги въ Россіи, посѣтивъ Петербургъ, Москву, Кіевъ и Владивостокъ. Масарыкъ входилъ въ связь со всѣми кругами, но, какъ самъ онъ заявляетъ съ гордостью, онъ отклонилъ предложеніе о сотрудничествѣ съ генералами Алексѣевымъ**) и Корниловымъ***), начинавшими тогда отечественную работу именно на слишкомъ широкомъ демократическомъ базисѣ и на принципѣ «вѣрности союзникамъ», которая чуть не превосходила даже вѣрность самой Россіи. Зато Масарыкъ прочно связался съ лѣвымъ русскимъ лагеремъ; помимо Муравьева, имъ были укрѣплены его отношенія съ рядомъ революціонныхъ дѣятелей полубольшевицкаго типа. Одновременно въ національ-

*) Муравьевъ, бывший офицеръ императорской полиціи, занялъ у большевиковъ осенью 1917 г. постъ главнокомандующаго въ Малороссіи. Оттуда онъ былъ назначенъ на Волжскій фронтъ также командовать арміей, но возбудилъ въ большевикахъ подозрѣніе и былъ застрѣленъ въ затылокъ комиссаромъ.

**) Генералъ Алексѣевъ былъ послѣднимъ начальникомъ штаба Государя Николая II въ Могилевѣ. Игралъ въ Россіи въ военномъ мѣрѣ одну изъ выдающихся ролей.

***) Генералъ Лавръ Георгіевичъ Корниловъ самая яркая фигура войны и революціи. Раненый при Горлицкомъ прорывѣ въ маѣ 1915 г., попадаетъ въ плѣнъ въ Венгрію. Въ 1916 году бѣжитъ изъ плѣна черезъ Румынію въ Россію, гдѣ получаетъ въ командование корпусъ. Послѣ революціи становится на сторону республиканцевъ, но борется всѣми силами противъ развала арміи. Въ августѣ 1917 г. арестованъ въ Могилевѣ по приказу Куренскаго и заключенъ въ тюрьму. Послѣ большевицкаго переворота бѣжалъ изъ тюрьмы со своими сторонниками на Донъ, гдѣ вмѣстѣ съ генераломъ Алексѣевымъ приступилъ къ созданію бѣлой добровольческой арміи. Въ рядахъ ея убитъ разрывомъ снаряда во время руководства боемъ подъ Екатеринодаромъ 13 апрѣля 1918 г.

ный чешскій совѣтъ въ Россіи были набраны лѣвые, ультра-соціалистическіе люди изъ военноплѣнныхъ. Чехо-словацкій корпусъ былъ предоставленъ для углубленія русской революціи. Для чего это было нужно, — увидимъ изъ слѣдующихъ главъ. За все почти годичное пребываніе въ Россіи (съ мая 1917 по 1 апрѣля 1918) Масарыкъ провелъ лишь слѣдующія мѣропріятія: чехо-словацкіе военноплѣнные были имъ переименованы въ «легіонеро́въ»; впервые это имя появляется въ Россіи. Затѣмъ эти легіонеры были имъ распропагандированы, — всѣ силы направить на созданіе своего новаго государства, не стѣсняясь никакими моральными нормами; чтобы это было легче, Масарыкъ заранѣе пѣлъ своимъ «ребятамъ» восхваленія. Русскіе офицеры были имъ постепенно удалены съ командныхъ постовъ.

Всѣ усилія чеховъ были теперь направлены на то, чтобы уѣхать изъ Россіи и переброситься на западный фронтъ во Францію. Самымъ короткимъ направленіемъ было на Архангельскъ и Мурманскъ и затѣмъ моремъ во Францію. Но, какъ откровенно признается Масарыкъ*), отъ этого пути отказались изъ-за страха передъ нѣмецкими подводными лодками. Былъ выбранъ путь черезъ всю Россію къ Тихому океану, на что отъ большевиковъ было получено согласіе. Весною 1918 г. чехо-словацкій корпусъ былъ погруженъ въ вагоны и растянулся по всему Великому Сибирскому пути, отъ Пензы до Владивостока.

Германское и австро-венгерское правительства потребовали отъ совѣтовъ во исполненіе Брестъ-Литовскаго мирнаго договора разоруженія этихъ военноплѣнныхъ и обратнаго заключенія ихъ въ концентраціонные лагеря, очевидно съ тѣмъ, чтобы затѣмъ они были возвращены на родину уже не какъ «легіонеры», а какъ солдаты-измѣнники и дезертиры. Большевики предъявили въ маѣ 1918 года чехо-словацкому корпусу ультиматумъ, требующа сдачи русскаго оружія.

Моральное состояніе чешскихъ воинскихъ частей было въ то время очень низкое. Послѣ русской революціи

*) T. G. Masarik, «Die Weltrevolution», стр. 207.

чешскій національный совѣтъ получили разрѣшеніе производить формировація изъ лагерей военнопленныхъ; это-то и привело къ разворачиванію небольшой бригады въ армейскій корпусъ. Увеличеніе въ количествѣ повлекло за собой колоссальное ухудшеніе въ качествѣ. Ряды бойцовъ наполнились людьми, желавшими только уйти изъ-за колючей проволоки концентраціоннаго лагеря, бывшими дезертирами, измѣнниками знамени и присягѣ.

На офицерскія должности, включая даже и высшія командныя, были подготовлены чешскимъ національнымъ комитетомъ. — на замѣну русскихъ офицеровъ, — свои изъ солдатъ. Они подбирались не по отличіямъ, не по высокимъ качествамъ, а исключительно по преданности національному совѣту и по готовности слѣдовать его «революціонной морали». Такъ появились новые чешскіе генералы и полковники. Изъ нихъ только одинъ Чечекъ былъ ранѣе младшимъ офицеромъ австро-венгерской арміи; Гайда обладалъ стажемъ фармацевта, Сыровой — коммивояжера и т. д.

Часть чешскихъ эшелоновъ послушно сдала большевикамъ пушки, пулеметы и винтовки. Но русскіе офицеры, оставшіеся тогда еще въ штабахъ и на нѣкоторыхъ командныхъ постахъ и носившіе даже чешскую форму, собрали около себя крѣпкихъ людей и рѣшили оружіе сохранить, отказавшись подчиниться ультиматуму. Эти люди понимали, что безоружные они будутъ игрушкой въ рукахъ совѣтской власти, и рѣшили пробиваться на востокъ силой.

Послѣдовалъ рядъ выступленій чешскихъ воинскихъ частей противъ красной арміи, направившей свои отряды для отобранія у чеховъ оружія. Вотъ какъ описываетъ этотъ эпизодъ генераль-лейтенантъ*** *), послѣ боль-

*) Генераль-лейтенантъ***, бывший начальникъ генеральнаго штаба въ С.-Петербургѣ и одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ адмирала Колчака, — выразилъ мнѣ пожеланіе, чтобы его псевдонимъ не былъ открытъ. Причина, — какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, когда на этихъ страницахъ мы принуждены вмѣ-

шевицкаго переворота жившій весну и лѣто на Волгѣ, гдѣ онъ принялъ активное участіе въ борьбѣ съ большевиками.

«Весною 1918 года великая война была еще въ полномъ разгарѣ.

Предсказать ея исходъ было невозможно. Хозяиничанье Мирбаха въ Москвѣ и вывозъ изъ Россіи продовольствія въ Германію крайне тревожили нашихъ бывшихъ союзниковъ.

Они готовы были поддержать всякое движеніе противъ большевиковъ.

Возстаніе чеховъ какъ нельзя лучше содѣйствовало планамъ Франціи и Англійи о воссозданіи восточнаго фронта на линіи Волги или даже Урала, для отвлеченія хотя бы части войскъ съ западнаго фронта.

Использованное агентами Франціи и Англійи стихійное возстаніе чеховъ привело къ союзной интервенціи въ Сибири.

Предполагалось, что чешское движеніе дастъ толчекъ ко всеобщему движенію широкихъ слоевъ русскаго населенія противъ большевицкаго режима, а чехи послужатъ тѣмъ ядромъ, около котораго соберется возрожденная русская армія (какъ орудіе, послушное французской и англійской политикѣ. *К. С.*).

Съ военной точки зрѣнія дѣйствія чеховъ въ Сибири представляютъ собою рядъ незначительныхъ боевыхъ эпизодовъ, ибо мало-мальски серьезныхъ боевыхъ силъ у большевиковъ въ Сибири не было.

Цѣлый рядъ сибирскихъ городовъ (Омскъ, Иркутскъ, Челябинскъ) былъ очищенъ отъ большевиковъ даже безъ участія чеховъ, русскими офицерами и добровольцами. Чехи съ гордымъ видомъ побѣдителей торжественно всту-

сто полного имени ставить инициалы или звѣздочку, — заключается въ слѣдующемъ: руководители чешской «политики», чтобы закрыть ротъ, не останавливаются передъ личнымъ преслѣдованіемъ и местию. Всѣ документы, доказывающіе аутентичность изложеннаго, имѣются и своевременно будутъ обнародованы.

пали въ нихъ безъ всякаго выстрѣла, принимали, какъ должное, оваціи населенія и тотчасъ же приступали къ реквизиціи русскаго казеннаго имущества.

Въ итогѣ всѣхъ рассказы чешскихъ бардовъ о легендарномъ сибирскомъ походѣ, выражаясь деликатно, страдаютъ большимъ преувеличеніемъ. Весь этотъ походъ не носилъ характера настоящей войны, а скорѣе карательной экспедиціи, причемъ потери чеховъ, начиная отъ Владивостока и кончая Казанью, въ процентномъ отношеніи были ничтожны.»

Ниже приводится еще выдержка изъ отчета одного русскаго строевого офицера, участника всего сибирскаго періода.

«Преслѣдуя отступающаго противника и ведя бои на линіи желѣзной дороги Шадринскъ—Богдановичи (Средній Уралъ), въ концѣ іюля 1918 года наши войска встрѣтили сильное сопротивленіе у узловой станціи Богдановичи. Шадринскій отрядъ (гдѣ тогда состоялъ оперативнымъ адъютантомъ авторъ отчета, шт.-капитанъ В. К. Э.) былъ направленъ въ обходъ на развѣздѣ Грязновку, гдѣ послѣ 24-часоваго боя выбилъ противника и захватилъ въ плѣнъ два красныхъ бронепоезда. Вскорѣ произошла встрѣча нашего отряда съ чешскими частями, медленно шедшими отъ Екатеринбургa. Нашъ отрядъ, имѣя задачу быстро выдвинуться на сѣверъ, передалъ броневики на временное попеченіе чеховъ. Актъ объ этомъ былъ подписанъ русскими и чешскими представителями.

Договоръ выполненъ не былъ.

Броневики, взятые трудами Шадринскаго отряда, чехи не возвратили, присвоивъ себѣ. Многократныя обращенія къ чешскому командованію остались безъ результата.

Августъ—сентябрь 1918 года были особенно тяжелыми въ боевой жизни нашего отряда, переименованнаго тогда въ 19-й Петропавловскій полкъ. Сильное сопротивленіе встрѣтили мы особенно на участкѣ Ирбитская Вершина—Самоцвѣтъ—Кордонъ, надолго задержавшее наше движеніе.

Начальникъ боевого участка подполковникъ Смо-

линъ, обратился съ просьбой о присылкѣ на помощь чешскаго броневика, такъ какъ мы имѣли только самодѣльный, изъ мѣшковъ, на обыкновенныхъ платформахъ.

Двухдневный бой стоилъ намъ большихъ потерь и имѣлъ лишь мѣстный успѣхъ. Чешскій броневикъ не поддержалъ насъ, держась все время за прикрытіемъ желѣзнодорожной выемки и даже не выходя вслѣдъ нашему самодѣльному броневику, ходившему въ атаку и повредившему большевицкій броневикъ. Чехи не сдѣлали ни одного выстрѣла.

Послѣ боя чехи заявили о своемъ уходѣ, но передъ тѣмъ командиръ чешскаго бронепоезда просилъ выдать ему удостовѣреніе объ участіи чешскаго броневика въ бою.

Подполковникъ Смолинъ, не зная, что собственно написать чехамъ, предложилъ чешскому командиру составить текстъ удостовѣренія, надѣясь на его скромность.

Я сѣлъ за машинку, а чехъ, диктуя мнѣ, внесъ въ текстъ удостовѣренія фразу, запомнившуюся мнѣ и по сей день:

— «люди чешски бронепоезда дрались, какъ львы...»

Подполковникъ Смолинъ, прочтя готовое удостовѣреніе, долго смотрѣлъ пристальнымъ взглядомъ въ глаза чешскаго командира. Чехъ даже не потупился. Подполковникъ Смолинъ глубоко вздохнулъ, подписалъ бумажку и, не подавая чеху руки, пошелъ къ полотну желѣзной дороги.

Черезъ нѣсколько минутъ чешскій бронепоездъ ушелъ навсегда.

Больше за все время наступательной борьбы на фронтѣ я не имѣлъ никакого соприкосновенія съ чехами, только изъ далекаго тыла долетала на фронтъ популярная въ то время частушка:

...«другъ съ другомъ русскіе воюють,
чехи сахаромъ торгують...»

Въ тылу, за спиной сибирской арміи, шла вакханалія спекуляціи, неподчиненія, а подчасъ и откровеннаго грабежа. Прибывающіе на фронтъ офицеры и солдаты раз-

сказывали о захватѣ чехами эшелонѡвъ съ обмундированіемъ, слѣдовавшимъ на фронтъ, объ обращеніи въ свою пользу запасовъ оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, о занятіи ими въ городахъ лучшихъ квартиръ, а на жел. дорогахъ лучшихъ вагоновъ и паровозовъ.

Большое возмущеніе вызвалъ слухъ о томъ, что генералъ Гайда, послѣ взятія Екатеринбурга, поселился со штабомъ въ домъ Ипатьева, гдѣ была убита царская семья, велѣлъ мыть полы и приводить въ порядокъ, тѣмъ самымъ уничтожая слѣды преступленія. Все это впоследствии подтвердилось.»

Чтобы было понятнѣе дальнѣйшее, надо окинуть хотя бы короткимъ взглядомъ то состояніе, въ какое пришла въ то время Россія. Неподготовленная страна устала выше мѣры отъ трехъ лѣтъ ненужной войны за дѣло Антанты и бурлила уже 14 мѣсяцевъ въ революціонномъ броженіи. Царь былъ въ заключеніи, въ центрѣ богатаго промышленнаго Урала, въ гор. Екатеринбургѣ. Въ небольшомъ особнякѣ горнопромышленника Ипатьева стерегла Царскую Семью, а затѣмъ звѣрски умертвила—большевицкая красная стража. Власть въ центрѣ и на мѣстахъ захватили «во имя народа» большевики-коммунисты, опираясь на чернь и на распущенныхъ, разнузданныхъ революціей матросовъ и запасныхъ солдатъ. Играя на ихъ самыхъ низкихъ инстинктахъ, новая власть декретировала насилія, грабежъ и убійство, истребленіе буржуазіи.

Тогда же по всему русскому простору — отъ Днѣстра до Тихаго океана — стали собираться всѣ лучшія силы страны, всѣхъ народностей Россіи, готовясь тайно, въ заговорѣ, чтобы выступить повсюду съ оружіемъ въ рукахъ и одновременнымъ ударомъ сбросить ненавистную власть крайнихъ социалистовъ, блокировавшихся съ ворами и убійцами. Національная Русь собирала свои силы противъ интернаціонала.

Въ каждомъ городѣ было въ то время такое тайное отдѣленіе этихъ антибольшевицкихъ силъ, во главѣ которыхъ стали спасшіеся отъ большевиковъ офицеры. Ясно, что тѣ русскіе офицеры, которые оставались еще у чеховъ и которые подняли ихъ возстаніе, легко и скоро

договорились со своими товарищами изъ тайныхъ организаций. Для того, чтобы не упустить благоприятный случай, было рѣшено,—даже въ ущербъ общей готовности, по всему пути чешскихъ эшелоновъ поддержать ихъ. Повсюду чехамъ оказали самую дѣятельную помощь эти тайныя организации русскихъ офицеровъ и казаки.

Справедливость требуетъ сказать, что безъ этой помощи возстаніе чехо-словаковъ не имѣло бы успѣха, — на каждой станціи, по уходѣ чеховъ, снова появлялись бы большевицкія банды, борьба приняла бы затяжной характеръ въ чужой для чеховъ странѣ, на желѣзной дорогѣ, длиною въ пять тысячъ верстъ, со всѣми преимуществами на сторонѣ красныхъ. Чехи были бы разбиты по частямъ и уничтожены.

Многострадальное русское офицерство встало съ оружіемъ въ рукахъ на всемъ пространствѣ отъ Волги до Тихаго океана противъ большевиковъ. Да и самыя боевыя дѣйствія чехословацкихъ полковъ руководились и направлялись только русскими офицерами (какъ полковникъ Ушаковъ, павшій въ бою у Байкала, Степановъ, Богословскій и др.).

Но эти настоящіе скромные герои, чтобы обезпечить помощь чеховъ въ дальнѣйшемъ, охотно уступали имъ первое мѣсто, сохраняя его для себя только въ бою. Населеніе забрасывало своихъ бывшихъ военнопленныхъ цвѣтами и подарками, какъ избавителей.

Помню то тяжелое, точно придавленное камнями, настроеніе, которое русскіе офицеры и казаки испытывали мѣсяцами въ Астрахани подъ гнетомъ большевиковъ, въ ихъ тюрьмѣ. Въ этомъ городѣ особенно свирѣпствовала красная коммунистка въ отместку за неудачное зимнее выступленіе астраханскихъ казаковъ и за двухнедѣльную войну съ ними. Все было придавлено, масса людей выбита и брошена въ тюрьмы, бѣлая организациія насчитывала всего нѣсколько десятковъ. На самостоятельное выступленіе не было никакихъ видовъ. И вотъ въ тѣ дни пришли извѣстія о дѣйствіяхъ чехо-словаковъ на Великомъ Сибирскомъ пути. Большевики тревожно зашевелились и завернули еще крѣпче кровавый прессъ, которымъ давили населеніе города. Но за то, какой восторгъ

вспыхнуть въ этихъ измученныхъ и затравленныхъ сердцахъ! Вѣра въ то, что чехо-словаки, дѣйствительно, руководимые высокимъ порывомъ, идутъ на помощь, надежда на скорое окончаніе тяжелыхъ испытаній и кроваваго разгула большевиковъ, — вотъ, что въ тѣ дни наполнило сердца русскихъ людей. И это-то сдѣлало въ тѣ дни имя «чехо-словаковъ» такъ популярнымъ, что имъ готовы были приписать все героическіе подвиги и все свойства доблести и чести.

Этимъ воспользовались руководители этого корпуса, въ первую голову чешскій національный комитетъ въ Россіи, а за ними и руководители всей чешской интриги, Масарыкъ и Бенешъ, чтобы составить и пустить по всему міру славу про «Анабазисъ чеховъ». Ниже, на основаніи документовъ и лично видѣннаго, будетъ мною дана истинная картина этого акта.

IV. „Анабазисъ“ легіонеровъ.

(Іюнь — Октябрь 1918).

Лѣтомъ 1918 года правительство странъ Антанты и ея объединенное командованіе были совсѣмъ не увѣрены въ исходѣ войны; наоборотъ, они опасались своего пораженія и полной побѣды Германіи. Поэтому-то Антанта дѣлала рѣшительно все для того, чтобы использовать еще разъ какъ-нибудь Россію, бывшуюся въ смертельныхъ су-дорогахъ большевицкой революціи.

Послѣ быстрыхъ успѣховъ перваго выступленія вдоль Великаго Сибирскаго пути, чехи были по приказу изъ Парижа повернуты на западъ, къ Волгѣ, чтобы тамъ образовать восточный фронтъ противъ Германіи и тѣмъ оттянуть хотя-бы часть ея войскъ съ западнаго фронта. Торжественно, какъ звонъ большого колокола, презвучали ноты Великобританіи, Японіи, Америки, Италіи и Франціи, обращенныя съ призывомъ къ народамъ Россіи сплотиться около русскаго національнаго знамени съ ору-

жіемъ въ рукахъ для борьбы «съ Германіей и ея прислужниками — большевиками», — какъ гласилъ текстъ. «Ни одна пядь русской земли», — клялись въ своихъ нотахъ дальше союзники, — «не будетъ занята и суверенитетъ Россіи не будетъ нарушенъ.»

А Бессарабія?... А Волинь?... А раштаты?...

Но тогда взоры всѣхъ были устремлены на Сибирь, и на Уралъ. На Волгѣ, дѣйствительно, былъ образованъ новый русскій фронтъ. Русскіе добровольцы и чехи, повернутые сюда съ востока, взяли безъ особыхъ трудовъ и потерь города Уфу, Бузулукъ, Самару, Сызрань, Симбирскъ, Хвалышскъ, Вольскъ... 7-го августа 1918 г. была занята Казань, что далось также очень легко; неорганизованныя большевицкія красныя части бѣжали при приближеніи чеховъ и русскаго офицерскаго отряда. Отборныя совѣтскія войска, гвардія революціи: полки латышей, китайцевъ и матросовъ были отвлечены на южномъ фронтѣ противъ бѣлой русской арміи и на подавленіе крестьянъ въ центрѣ Россіи. Случайно и наскоро набранныя красныя части изъ рабочихъ и запасныхъ солдатъ, безъ офицеровъ, не представляли какой-либо серьезной силы. «Спротивленіе ихъ равнялось нулю, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ эти банды въ паникѣ разбѣгались.

Къ тому же, «расправа чеховъ», — пишетъ одинъ изъ участниковъ того похода: — «со своими противниками была короткая. Попавшійся въ ихъ руки нѣмецъ или мадьяръ разстрѣливался на мѣстѣ. Та же участь ждала каждаго русскаго красноармейца, имѣвшаго въ карманѣ какія-либо цѣнности»*)

Послѣ взятія Казани былъ образованъ Волжскій фронтъ, во главѣ съ чехомъ Чечекомъ, который былъ изъ поручиковъ произведенъ въ генераль-майоры. Главнокомандованіе надъ всѣми войсками, дѣйствовавшими въ районѣ Волги и Урала, принялъ на себя Янъ Сырской, назначенный къ тому времени чешскимъ національнымъ комитетомъ на должность командира чехо-словацкаго армейскаго корпуса. Русскіе добровольческіе отряды шли

*) «Чешскіе аргонавты въ Сибири». Токио 1921, стр. 5.

безропотно въ подчиненіе чешскимъ безграмотнымъ генераламъ и офицерамъ, бывшимъ комми-воежерамъ и прикащикамъ.

Порывъ въ то время, лѣтомъ 1918 года, былъ грандіозный. Наша, тогда еще не выбитая и незабитая, интеллигенція посылала тысячами свою учащуюся молодежь въ ряды бѣлой гвардіи. Офицерство поголовно бралось за винтовки; нерѣдко старые генералы становились простыми номерами къ орудіямъ или рядовыми во взводы. Выдвинулся блестящій военный талантъ молодого полковника генеральнаго штаба В. О. Каппеля*), который дѣлалъ чудеса маневра, поспѣвалъ всюду, билъ красныхъ, какъ хотѣлъ, и своими обходами расчищалъ путь для чеховъ. Ихъ полки, увлеченные нашимъ порывомъ, шли впередъ вмѣстѣ съ русскими. Ихъ подхватила та же могучая волна и увлекали легкія побѣды.

И опять - таки вся слава, вся благодарность радостными волжанами, освобожденными отъ кроваваго гнета большевиковъ, отдавалась чехо-словакамъ. Ихъ только-только не носили на рукахъ. И дарили имъ все, дарили широко, по-русски, отъ сердца. Забитые и полуголодные бѣдняки - чехи стали богатѣть отъ русской щедрости. Аппетиты у нихъ разгорѣлись, и очень скоро у чеховъ вошло въ обычай тотчасъ по занятіи города, — нашими-ли бѣлогвардейцами или ими, — приступать къ «реквизиціи» русскихъ казенныхъ складовъ, налагая руку иногда и на частное имущество. Но и къ этому вначалѣ наши относились равнодушно, не придавая большого значенія: все бери, наплевать, — только помоги съ большевиками покончить!

Съ самаго начала образованія восточнаго фронта чешскій національный комитетъ проявилъ массу усилій и интригъ для того, чтобы на освобожденной русской территоріи вызвать къ жизни и укрѣпить власть изъ тѣхъ

*) Полковникъ, впоследствии генералъ В. О. Каппель—одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ адмирала Колчака. Во время сибирскаго ледяного похода зимою 1919—1920 г. г. простудился, заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и умеръ на походѣ.

круговъ, съ которыми такъ сблизился за свое пребываніе въ Россіи Масарыкъ.

Точно черное воронье летить тучами къ мѣсту несчастія, — такъ потянулись на Волгу всѣ революціонные вожакі партіи Керенскаго и Чернова*). Это сборище социалистовъ-полу-большевиковъ, углубителей революціи, которымъ до Россіи и ея судьбы не было ровню никакого дѣла, которые къ тому же являлись рабски послушными исполнителями воли Антанты, — нашло полную поддержку въ чешскомъ національномъ комитетѣ.

Въ то время старая политическая власть Россіи была и въ центрѣ, и на мѣстахъ въ корнѣ разрушена, и теперь, вслѣдствіе стихійности движенія и огромныхъ пространствъ отъ Волги до Тихаго океана, возникъ самъ собою цѣлый рядъ органовъ временной русской власти: въ Самарѣ, главной квартирѣ Чечека, — комитетъ членовъ учредительнаго собранія или, по существу, полу-большевицкое учрежденіе; въ Уральскѣ — казачье правительство; въ Оренбургѣ — атаманъ Дутовъ съ оренбургскимъ казачьимъ кругомъ; въ Екатеринбургѣ — уральское горное правительство; въ Омскѣ — сибирское правительство; въ Читѣ — атаманъ Семеновъ**); въ Харбинѣ и Владивостокѣ — свои правительства. Чтобы покончить съ этой разногласицей и сумбуромъ, чтобы привести страну въ порядокъ, было созвано въ концѣ августа—началѣ сентября въ Уфѣ государственное совѣщаніе для конструкціи единой авторитетнѣйшей всероссійской власти.

На этомъ совѣщаніи приняли участіе представители всѣхъ перечисленныхъ мѣстныхъ правительствъ, делегаты отъ казачьихъ войскъ и отъ политическихъ партій.

*) Керенскій и Черновъ принадлежали къ партіи социаль-революціонеровъ (марксистовъ). Послѣ революціи февраля 1917 г. и до большевицкаго переворота играли выдающуюся роль, служа цѣлямъ углубленія революціи, состоя послушными исполнителями указаній «союзниковъ».

***) Генералъ атаманъ Семеновъ (Забайкальскаго казачьяго войска) поднялъ съ 1918 г. борьбу противъ большевиковъ при поддержкѣ Японіи.

Голоса раздѣлились; хотя монархисты на это совѣщаніе и не были допущены, но все же большинство оказалось на сторонѣ несоціалистическаго блска; за этимъ большинствомъ стояла и фактическая сила, добровольческіе отряды и казаки.

Вотъ тутъ-то впервые и выступили открыто на политическую сцену чехи. На собраніи появился окруженный національнымъ комитетомъ и представителями чехословацкаго войска докторъ Богданъ Павлу и заявилъ, что если не будетъ образована единая русская власть, то чехи бросаютъ боевой фронтъ; законной же властью чехи могутъ признать, — спекулировалъ дальше чешскій политическій руководитель, — лишь ту власть, которая будетъ составлена изъ собравшихся въ Самарѣ членовъ учредительнаго собранія.

Для всякаго русскаго было ясно, что это означало прямое давленіе на русскихъ людей — призвать къ власти снова ту партію, которая разъ уже доказала свою неспособность къ борьбѣ, которая не имѣла воли къ побѣдѣ, которая исполняла приказы иностранцевъ и работала въ ихъ интересахъ. Партію, которая уже однажды свергла подъ руководствомъ своего лидера Керенскаго Россію въ бездну разрушенія, позора и гражданской войны — въ 1917 году.

Но къ нашему несчастью, наглое заявленіе Павлу на Уфимскомъ государственномъ совѣщаніи, это первое вмѣшательство чеховъ во внутреннія русскія дѣла не встрѣтило должнаго отпора; рыхлая масса людей не нашла въ себѣ силы и твердости выгнать зазнавагося чеха изъ собранія и обуздать ихъ распущенныя банды военно-плѣнныхъ дезертировъ. Нельзя, правда, строго винить и осудить тогдашнее собраніе: за время полутора лѣтъ безумной и кровавой революціи слишкомъ устала воля людей. Всѣ страстно хотѣли имѣть помощь противъ большевиковъ, и тогда еще вѣрили въ честь и искренность чехо-словацкихъ полковъ. Въ результатѣ была образована въ Уфѣ на совѣщаніи, какъ единая русская власть, Директорія изъ пяти членовъ подъ предсѣдательствомъ Авксентьева, ближайшаго сотрудника и партійнаго товарища Керенскаго. Точно

также былъ установленъ приоритетъ надъ этой Директоріей со стороны членовъ учредительнаго собранія.

И вотъ, какъ разъ въ тѣ дни, когда эта власть, угодная чехамъ, была сконструирована, начался развалъ и отступление чешскихъ войскъ.

Насколько просто, легко и пріятно было первое выступленіе и занятіе городовъ, настолько оборона Волжскаго фронта потребовала отъ чеховъ настоящей службы, сопряженной съ немалыми усиліями, жертвами и потерями. Большевики, встревоженные не на шутку занятіемъ Казани, начали принимать рядъ энергичныхъ мѣръ, чтобы овладѣть ею обратно. Для нихъ Казань была не только важнымъ стратегическимъ узломъ, — это былъ также ключъ къ обладанію богатыми жизненными ресурсами Поволжья и Прикамья, т. е. единственными въ то время, вслѣдствіе занятія Украины, источниками пропитанія центра Россіи. Совѣтская власть направила на Казанскій участокъ всѣ свои лучшія части, во главѣ съ латышскими полками.

Оборона Казани лежала на ветеранѣ чешской дружины полковникѣ Швецѣ. Онъ имѣлъ вліяніе на солдатъ-чеховъ, и нѣсколько дней они отбивали атаки красныхъ, которые сосредотачивали подъ Казанью все больше и больше силъ. Привыкнувъ къ легкимъ побѣдамъ, чехи были буквально ошеломлены яростнымъ натискомъ красныхъ; боеспособность легионеровъ понижалась съ каждымъ днемъ. Полковникъ Каппель, чтобы выручить ихъ, предпринялъ со своимъ добровольческимъ отрядомъ обходной маневръ въ тылъ большевикамъ.

Въ самую рѣшительную минуту, чехи, втянутые своими политиками въ митингованіе, порѣшили не выполнять боевого приказа своего начальника Швеца и, вмѣсто поддержки полковника Каппеля движеніемъ впередъ, категорически отказались оставаться долѣе на позиціи.

Положеніе русскаго отряда сдѣлалось крайне опаснымъ, критическимъ; съ большими потерями и лишь благодаря своему искусству удалось Каппелю спасти отрядъ, но... не Казань. Чехи ушли съ казанскаго участка тайкомъ, никого даже не предупредивъ. 9-го сентября городъ попалъ снова въ руки большевиковъ. Эта «оборо-

на» Казани, — замѣчаетъ одинъ изъ видныхъ участниковъ тѣхъ дней, — была лебединой пѣсней чехо-словацкаго выступленія*).

Черезъ два дня также оставленъ Симбирскъ. Затѣмъ отдали Вольскъ, Хвалыинскъ, Сызрань. Чехи бросали те-дерь позиціи, не выдерживая атакъ красныхъ. Чехи перестали совсѣмъ сражаться. Они уходили при первомъ натискѣ большевиковъ, увозя на подводахъ и въ поѣздахъ все, что могли забрать изъ богатыхъ войсковыхъ складовъ — русское казенное добро. Надо имѣть въ виду, что на Волгѣ оставались тогда еще колоссальныя заготовки времени 1916 и 1917 годовъ для фронта міровой войны.

«Нагрузивъ на поѣзда свою богатую добычу, чехи двинулись на востокъ. За ними хлынула волна бѣженцевъ Поволжья.

Прикрытіе отступленія освободителей-чеховъ и ихъ военной добычи легло на плечи русскихъ офицеровъ и добровольцевъ. Плохо обутые, безъ теплой одежды, съ чувствомъ глубокаго возмущенія смотрѣли эти истинные герои на перегруженные теплой одеждой, обувью и прочими запасами чешскіе эшелоны. Здѣсь впервые были посѣяны тѣ сѣмена отчужденія, между чехами и русскими, которыя впослѣдствіи дали пышные ростки распри и взаимной ненависти.» — Такими словами отмѣчаетъ тѣ дни объективный очевидец*).

За чехами тянулись толпы бѣженцевъ съ Волги, стариковъ, женщинъ и дѣтей. То населеніе, которое нѣсколько недѣль тому назадъ забрасывало чехо-словацкіе полки цвѣтами и подарками, восторженно привѣтствовало ихъ, какъ избавителей. — эти люди шли теперь пѣшкомъ, — рѣдкіе ѣхали на подводахъ, — потревоженные съ насиженныхъ мѣстъ, на востокъ, въ неизвѣстное будущее. Оставаться имъ по домамъ было нельзя, ибо не только за помощь чехамъ, но за простое сочувствіе имъ большевики безпощадно разстрѣливали цѣлыя семьи.

*) «Чешскіе аргонавты въ Сибири», Токио 1921, стр. 9.

Можно себѣ представить, какія чувства были у этой обездоленной и преданной толпы!

Царилъ неописуемый ужасъ и среди тѣхъ сотенъ тысячъ населенія приволжскихъ городовъ, что были брошены теперь поспѣшнымъ и безъ боевъ отступленіемъ чеховъ на произволъ и на расправу чрезвычайкѣ. И невольно возникалъ вопросъ: Зачѣмъ было все это?! Лучше бы и не было чеховъ въ Россіи совсѣмъ, чтобы они и не выступали...

Дѣйствительно, это было бы много лучше, такъ какъ самое выступленіе было преждевременно, оно сорвало тайную работу бѣлогвардейскихъ организацій, творящуюся тогда подпольно на всемъ пространствѣ Россіи, сорвало въ тотъ моментъ, когда дѣло было еще не подготовлено, не объединено и положеніе еще не созрѣло.

На заборахъ и на стѣнахъ всѣхъ городскихъ зданій и желѣзнодорожныхъ станцій еще пестрѣли разноцвѣтныя бумажки прокламацій чеховъ, обращенія ихъ къ русскому населенію. Всѣ эти призывы начинались словами: «Русскіе братья!... Наши страждущіе русскіе братья и сестры!..» Чешскій національный комитетъ и командованіе призывало населеніе Поволжья и Урала къ общей борьбѣ противъ большевиковъ, съ громкими обѣщаніями драться до побѣднаго конца, до послѣдней капли крови...

А вмѣсто этого — сдача всѣхъ позицій, отказъ отъ выполненія боевыхъ приказовъ, предательство по отношенію къ русскимъ офицерамъ и добровольцамъ. И грустное бѣгство стадъ этихъ здоровыхъ и откормленныхъ чешскихъ легионеровъ. До послѣдней капли крови!... Да, сколько русской крови было пролито въ тѣ мѣсяцы въ подвалахъ чека, сколько русскихъ женщинъ было обезчещено и загублено большевиками изъ-за чеховъ. Проклятія неслись имъ вслѣдъ отъ всего населенія съ береговъ могучей прекрасной русской рѣки, нашей голубой Волги.

Настроеніе чешскихъ полковъ подъ вліяніемъ всего этого, естественно, шло еще ниже. Начавшееся воровство и новое дезертирство находило себѣ не только оправданіе, но и богатый примѣръ въ ихъ руководящемъ и все-

сильномъ органѣ — чешскомъ національномъ комитетѣ. Это были политическіе авантюристы, темные дѣльцы и приверженцы, — въ то время, — самой крайней социалистической группы. Чтобы добиться популярности и вліянія среди солдатской массы, они обратились къ самой грубой и беззастѣнчивой демагогіи.

На ихъ отвѣтственности, главнымъ образомъ, и на ихъ совѣсти лежитъ вся кровь, пролитая за тѣ проклятые мѣсяцы, и моря слезъ русскихъ женщинъ.

Павлу, Гирса, Патейдль, Медекъ, Благошъ — были руководителями чехо-словацкаго комитета, а ихъ вдохновителемъ, избранный ими «революціонный вождь» Фома Масарыкъ*).

* * *

Съ большимъ трудомъ и опасностями, подъ частой угрозой смерти удалось мнѣ съ моей женой пробраться къ бѣлымъ, вырвавшись изъ Астрахани, гдѣ свирѣпствовалъ разнузданный коммунистъ-большевикъ. Частью на лодкѣ по Волгѣ, частью верхомъ въ сопровожденіи проводниковъ киргизовъ, сдѣлали мы свыше 500 километровъ по прикаспійскимъ степямъ и черезъ Уральскъ, Бузулукъ, Самару — достигли Уфы во второй половинѣ сентября.

На Волгѣ впервые пришлось автору этого труда увидать чеховъ. Тогда не могло придти въ голову предположеніе, что видишь сборище трусовъ, сдѣлавшихъ своей специальностью дезертирство, измѣну и воровство. Изъ долгаго и мучительнаго пребыванія въ болыпевицкомъ астраханскомъ застѣнкѣ мы вынесли взглядъ на чеховъ, которымъ въ то время были проникнуты всѣ россияне тамъ, у большевиковъ. Чехо-словаковъ считали героями, исполненными доблести и чести; вѣрили въ то, что они совмѣстно съ лучшею частью русскаго народа выступили беззавѣтно и незаинтересованно противъ гадости и низости большевиковъ.

*) Т. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 192.

Въ первый же день дѣйствительность принесла разочарованіе; въ легіонерахъ поражала какая-то ненормальная суетливость, бѣгающіе, безпокойные глаза и черезчуръ большая угодливость, — точно они спѣшили передъ каждымъ русскимъ принести заранѣе въ чемъ-то извиненія. Всѣ чехи обращались тогда къ намъ, русскимъ, прибавляя черезъ каждое слово обращеніе «братъ», и были приторно ласковы.

Опытному солдатскому взгляду сразу же бросалось въ этой массѣ легіонеровъ отсутствіе настоящей военной выправки, дисциплины и той простой молодцеватости, что свойственна настоящему воину, честному и храброму солдату. Толпы чеховъ, заполнившія приволжскіе города, больше напоминали лакеевъ, переодѣтыхъ въ военную форму.

Больно поразило въ первый же день то, что пришлось услышать отъ своихъ русскихъ офицеровъ: Чехи не хотятъ больше сражаться!

Но почему же ихъ не заставляютъ?... Какъ это? — солдаты не хотятъ сражаться?!... На это же есть военно-полевой судъ... и расстрѣль...

Въ ствѣтъ получался лишь безнадежный взмахъ руки. — Да развѣ возможно примѣненіе такихъ рѣшительныхъ мѣръ при этой власти, при полубольшевицкой Директоріи, которая сама заискиваетъ передъ легіонерами?... А потомъ, чехи находятъя подъ особымъ покровительствомъ союзниковъ...

* . *

Богданъ Павлу, опираясь на штыки легіонеровъ, грозилъ на Уфимскомъ государственномъ совѣщаніи уводомъ чешскихъ полковъ съ фронта, если не будетъ образована единая россійская соціалистическая власть. Русскіе люди проявили недопустимую слабость. Власть эта, угодная чехамъ, была избрана въ лицѣ Директоріи. И только что это случилось, какъ чехи любѣжали съ фронта, очищая Поволжье, отдавая его на расправу большевикамъ.

Когда Директорія, подъ давленіемъ общественнаго

мнѣнія, напомнила руководителямъ чешскихъ массъ ихъ обязательства, попробовавъ также воздѣйствовать на нихъ черезъ англичанъ и французовъ, — то чешскій національный комитетъ повелъ интриги и противъ Директоріи. Для этого чехи объединились тѣсно съ лѣвыми социаль-революціонерами во главѣ съ одною изъ самыхъ грязныхъ фигуръ русской революціи, В. Черновымъ. Черновъ и чешскіе заправилы призывали уже въ октябрѣ населеніе Сибири къ возстанію противъ Директоріи, обвиняя и ее въ контръ-революціонности.

Но несмотря и на это, Директорія продолжала носиться съ чехами. Ею было даже оставлено командованіе всѣмъ Уральскимъ фронтомъ въ рукахъ чешскаго «генерала» Яна Сырвого, несмотря на то, что уже съ сентября всѣ бои и аррьергардная служба всей тяжестью легли на русскіе добровольческіе отряды Волжанъ и Уфимцевъ, Уральцевъ и Сибиряковъ. Но Директорія надѣялась этимъ реверансомъ передъ чехами получить хоть частичную помощь на фронтѣ.

Всякое отступленіе вноситъ въ ряды войскъ нѣкоторую деморализацію, — это лежитъ въ самой природѣ сибггтя. А то постыдное отступленіе, какое осенью 1918 года совершили чешскіе полки-легионы отъ Волги на востокъ, и безнаказанное, сопровождаемое узаконенными грабежами, — быстро дополнило ихъ разложеніе. Этотъ процессъ еще болѣе усилился отъ той демагогіи, которую расплодили и все усиливали тогдашніе ихъ руководители, чешскій національный комитетъ, вѣрный исполнитель завѣтовъ профессора Масарыка.

Эти люди кричали на всѣ концы міра, что ихъ цѣль — «борьба за демократію», и что «вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи они не желаютъ и не будутъ». И въ то же время они только и дѣлали, что вмѣшивались во внутреннюю борьбу русскихъ партій, поддерживая своими штыками все время только крайнихъ социалистовъ, полу-большевиковъ, запродавшихъ давно свою совѣсть и русское чувство.

Среди низовъ чехо-словацкихъ полковъ велась постоянная и все усиливающаяся пропаганда противъ всякой русской отечественной національной работы, противъ

всякой сильной личности. Чешские политиканы, обдѣлывая свои темныя махинаціи, увѣряли солдатскую массу, что они борются противъ «реакціи» и помогаютъ «соблюдать интересы русскаго народа»!

На то униженіе, на которое пошла Директорія, вручивъ командованіе всеѣмъ Уральскимъ фронтѣмъ бывшему комми-вояжеру Яну Сыровому, одѣтому въ форму чешскаго генерала, — чехи отвѣтили новыми наглými поступками. Сыровой, принявъ высокій постъ, самъ отказался подчиняться распоряженіямъ, исходящимъ отъ русской власти: онъ заявилъ, что будетъ ожидать приѣзда въ Сибирь французскаго генерала Жанена, назначеннаго изъ Парижа главнокомандующимъ чехами.

Какъ разъ къ этому времени, въ концѣ октября, пожаловалъ въ Омскъ и полномочный представитель Великобританіи, генераль Ноксъ.*) Не имѣя желанія работать съ лѣвой вѣлой и безвольной Директоріей, правильнѣе, не видя въ этомъ никакого толка и пользы для отечества, а скорѣе вредъ, — нищущій эти строки принялъ рѣшеніе ѣхать во Владивостокъ, чтобы тамъ подготовить крѣпкіе и надежныя кадры офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для новаго армейскаго корпуса, съ надеждой въ будущемъ имъ обезоружить преступныя и развращенныя чешскія массы. Передъ отъѣздомъ, мнѣ удалось объѣхать почти весь Уральскій противобольшевицкій фронтъ, продѣлавъ часть этой поѣздки вмѣстѣ съ Ноксомъ.

Онъ лично мнѣ высказывалъ въ тѣ дни и не одинъ разъ его глубокое возмущеніе и негодованіе распушенной чешской солдатней, нежеланіемъ чеховъ воевать и ихъ грабежами, коѣрыя все чехи, — и солдаты, и офицеры, и генералы, — широко примѣняли къ русскому казенному имуществу.

Даже вѣднѣшній видъ чешскихъ легіонеровъ сталъ къ

*) Генераль великобританской службы Ноксъ былъ долгое время военнымъ атташе Англии въ С.-Петербургѣ до войны, а также и во время войны. Въ самомъ началѣ бѣлаго движенія въ Сибири, осенью 1918 г. Ноксъ былъ командированъ изъ Англии въ Сибирь, гдѣ впоследствии занялъ мѣсто, равноцѣнное съ французомъ Жаненомъ — въ вопросахъ снабженія «союзныхъ» войскъ.

тому времени гадокъ и отвратителенъ. Они потеряли уже и свою «внутреннюю» дисциплину, о которой кричали въ Самарскіе дни. Они выглядѣли теперь, какъ красноармейскія банды. Безъ погоня, въ умышленно-небрежной неформенной одеждѣ, съ кошной кудлатыхъ волосъ, съ насупленнымъ, злобнымъ и вороватымъ взглядомъ изподъ заломленной на затылокъ шапки, вѣчно руки въ карманахъ, чтобы не отдать по ошибкѣ и по старой привычкѣ честь офицеру, — вотъ портретъ чеха - легионера въ Сибири осенью 1918 года.

Полны ихъ бродили на всѣхъ станціяхъ желѣзной дороги, молчаливыя, державшіяся кучками въ десять-пятнадцать человекъ, — въ одиночку ходить они боялись. Эти банды распущенной солдатни, двойныхъ дезертировъ, ничего не дѣлали, кромѣ обильнаго и регулярнаго наполненія своихъ желудковъ и безтолковыхъ, безконечныхъ словопрениій на политическія темы.

*
*
*

Мнѣ пришлось встрѣтить въ Челябинскѣ въ вагонѣ у генерала Нокса и Яна Сырового. Это былъ коренастый, неуклюжій и сырой человекъ лѣтъ тридцати пяти. На его вульгарномъ толстомъ лицѣ поблескивалъ мутнымъ недобрымъ свѣтомъ и вспыхивалъ хитростью единственный маленькій глазъ; другой былъ всегда закрытъ черной повязкой, что, — по увѣренію чеховъ, — придавало ему сходство съ ихъ извѣстнымъ русситомъ Яномъ Жижкой.

Держалъ себя этотъ командиръ корпуса болѣе чѣмъ развязно; но было видно, что нахальными манерами и тономъ чехъ старался прикрыть свою пустоту, и недостатокъ образованія и воспитанія, неловкость оттого, что залетѣла ворона не въ свои хоромы.

Съ жгучимъ стыдомъ вспоминаю всегда, какъ за этимъ парвеню почтительно выступала фигура русскаго генерала, тоже въ чешской формѣ, одного изъ лучшихъ специалистовъ по службѣ генеральнаго штаба, неиспра-

вимаго и усерднаго «славянофила» — Дитерихса.*) Онъ велъ всю работу за необразованнаго Сырового, придавая ему вѣсъ и значеніе, прикрывая своимъ авторитетомъ чешское зло.

Ноксъ пытался уговорить чеховъ и воздѣйствовать на Яна Сырового, чтобы его полки не оставляли фронта, а сражались противъ большевиковъ. Но это ни къ чему не повело. Вскорѣ все чешскіе полки и батареи бросили позиціи совсѣмъ, на-чисто отказавшись воевать и, уйдя съ оружіемъ въ рукахъ въ тылъ. Молодые, вновь формируемыя бѣлыя части Сибирской арміи заняли ихъ мѣста и сохранили Уральскій фронтъ, отбивъ все атаки красныхъ. За спиной сибиряковъ расположились въ тылу чешскіе легіонеры.

Среди 50.000 чехо-словацкаго корпуса нашлся лишь одинъ, который не вынесъ позора развала и разнужданности. Полковникъ Швець, бравшій Казань и пытавшійся оборонить ее, боролся долго противъ деморализаціи солдатни и сдерживалъ массы. Но и его полкъ отказался выполнить боевую задачу и рѣшительно потребовалъ увода въ тылъ. Полковникъ Швець собралъ солдатъ, долго говорилъ съ ними, грозилъ, что обращается къ нимъ въ послѣдній разъ, взывая къ ихъ чести и порядочности, требуя выполненія боевого приказа. Полкъ не подчинился и направился въ тылъ за другими.

Тогда полковникъ Швець вернулся въ свой вагонъ и пустил себя въ голову пулю. Какъ разъ въ тѣ дни, какъ мнѣ пришлось быть въ Челябинскѣ, происходили похороны этого честнаго солдата. Печальный сѣрый осенній день. Сѣялъ мелкій дождь. На могилѣ застрѣливаго-

*) Генераль-лейтенантъ М. К. Дитерихсъ — раньше генераль-квартирмейстеръ юго-западнаго фронта, потомъ начальникъ русской бригады въ Салоникахъ и, наконецъ, помощникъ покойнаго генерала Духонина въ Могилевѣ. Послѣ его убійства большевиками, поступилъ на службу къ чехамъ и оставался тамъ начальникомъ штаба корпуса до конца 1918 года.

ся Швеца чешскіе политики говорили звонкія рѣчи и лили крокодиловы слезы... Очевидно, ихъ толстая кожа не давала имъ чувствовать, что вмѣстѣ со Швецомъ они хоронили и свою короткую славу, что истинными убійцами этого солдата были они, виновники развала.

* * *

Несмотря на крайнія усилія Директоріи и союзническихъ миссій. чтобы воздѣйствовать на чеховъ и образумить ихъ, заставить вернуться на фронтъ, — всѣ ихъ части наотрѣзъ отказались сражаться. Въ концѣ октября чехо-словацкій корпусъ былъ полностью уведень въ тылъ. Это точная дата, подтверждаемая документами. И совершенно ложно утверждение д-ра Бенеша, который пишетъ въ своей книгѣ*):

«Переворотъ Колчака 18 ноября 1918 г. отбросилъ наши войска отъ общей военной работы съ русскими, такъ какъ они не хотѣли нести части отвѣтственности за внутреннія политическія событія, они постепенно оставили Волжскій фронтъ и удержали въ своихъ рукахъ лишь жел. дорогу для своихъ цѣлей».

Это ложь. Уже въ концѣ октября, т. е. за три недѣли до переворота, всѣ чехи ушли самовольно въ тылъ. Генераль-лейтенантъ*** такъ говоритъ о томъ времени**):

«Въ тылу чехи заняли лучшія помѣщенія, а находившіеся вдоль желѣзной дороги ихъ эшелоны, расположившись съ комфортомъ, захватили подъ жилье и подъ свою «военную добычу» огромное количество вагоновъ, что сразу привело къ разстройству транспорта. Въ Челябинскѣ и Екатеринбургѣ собралось много совершенно свѣжихъ и отбѣвшихъ въ тылу чешскихъ ча-

*) Edward Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 552.

**) «Чешскіе аргонавты въ Сибири», Токио 1921, стр. 11.

стей, но выступить на фронтъ онѣ категорически отказались. Мало того, чешскій національный комитетъ поднялъ вопросъ объ эвакуаціи всѣхъ чешскихъ войскъ изъ Сибири. Мы подчеркиваемъ этотъ фактъ, ибо въ послѣдствіи главари чеховъ имѣли наглость утверждать, что чехи отказались отъ дальнѣйшей активной борьбы съ большевиками только потому, что не хотѣли поддерживать власть Колчака. Между тѣмъ, въ описываемое нами время благополучно здравствовала Директорія, социалистическія тенденціи которой не подлежали сомнѣнію.»

Уйдя въ тылъ, чехи стянули туда огромные запасы накраденнаго русскаго имущества, которое и охраняли усиленными караулами съ винтовками въ рукахъ. Вотъ краткій перечень имущества, вывезеннаго чехами въ первый періодъ послѣ отступленія отъ Волги.*)

«Добыча чеховъ поражала не только своимъ количествомъ, но и разнообразіемъ. Чего, чего только не было у чеховъ. Склады ихъ ломились отъ огромнаго количества русскаго обмундированія, вооруженія, сукна, продовольственныхъ запасовъ и обуви. Не довольствуясь реквизиціей казенныхъ складовъ и казеннаго имущества, чехи стали забирать все, что попадало подъ руку, совершенно не считаясь съ тѣмъ, кому имущество принадлежало. Металлы, разнаго рода сырье, цѣнные машины, породистыя лошади — объявлялись чехами военной добычей. Однихъ медикаментовъ ими было забрано на сумму свыше трехъ милліоновъ золотыхъ рублей, резины на 40 милліоновъ рублей, изъ Тюменскаго округа вывезено огромное количество мѣди и т. д. Чехи не постѣснялись объявить своимъ призомъ даже бібліотеку и лабораторію Пермскаго университета. Точное количество награбленнаго чехами не поддается даже учету. По самому скромному подсчету эта своеобразная контрибуція обошлась

*) Газета «Дѣло Россіи», Токио 1920, № 12.

русскому народу во многія сотни милліоновъ рублей и значительно превышала контрибуцію, наложенную пруссаками на Францію въ 1871 г. Часть этой добычи стала предметомъ открытой купли-продажи и выпускалась на рынокъ по взвинченнымъ цѣнамъ, часть была погружена въ вагоны и предназначена къ отправкѣ въ Чехію. Словомъ, прославленный геній чеховъ расцвѣлъ въ Сибири пышнымъ цвѣтомъ. Правда, такого рода коммерція скорѣе приближается къ понятію открытаго грабежа (или вооруженнаго воровства), но чехи, какъ народъ практической, не были расположены считаться съ предразсудками.»

Къ этому добавимъ, что чехами было захвачено и объявлено ихъ собственностью огромное количество паровозовъ и свыше двадцати тысячъ вагоновъ. Одинъ вагонъ приходился, примѣрно, на двухъ чеховъ. Понятно, что такое количество подвижного состава имъ было необходимо для провоза и храненія взятой съ бѣдной Россіи контрибуціи, а никакъ не для нуждъ прокормленія корпуса и боевой службы.

Намъ, русскимъ офицерамъ, было ясно тогда же, что эти развращенныя и лѣнивыя банды необходимо во что бы то ни стало привести въ порядокъ самими рѣшительными и беспощадными мѣрами. Но двѣ причины мѣшали намъ осенью 1918 г. привести это въ исполненіе: первая—наши части были тогда еще слишкомъ слабы; кромѣ того, онѣ должны были одновременно съ формированіемъ вести непрерывную боевую службу противъ большевиковъ, держать фронтъ на Уральскихъ горахъ. Другой причиной было то, что образованная въ Уфѣ подъ давленіемъ чешскихъ штыковъ Директорія была сама настроена такъ лѣво, что ея предсѣдатель Авксентьевъ попал даже подъ подозрѣніе связи съ полу-большевикомъ Черновымъ; власть Директоріи была призрачна, а кромѣ того, какъ правовѣрные марксисты, они были готовы карать и давить только все правое, національно настроенное. Съ чехами же у Директоріи были отношенія близкія, родственныя.

Зато населеніе Сибири и армія ненавидѣли чеховъ съ

каждымъ днемъ все сильнѣе. Прикажи тогда русская власть расправиться съ ними, — вся Сибирь пошла бы охотно, какъ одинъ человекъ. Вскорѣ тогда же, въ началѣ ноября произошелъ такой показательный случай. Военный и морской министръ Директеріи адмиралъ Колчакъ прибылъ особымъ поѣздомъ въ Екатеринбургъ, чтобы лично ознакомиться съ нуждами русскаго боевого фронта. Разнузданные чешскіе солдаты начали задѣвать съмою площадною бранью чиновъ конвоя русскаго военного министра. Чешскіе офицеры, стоявшіе тамъ же, не только не останавливали, но еще подзадаривали. Одинъ изъ этихъ «офицеровъ» направился къ вагонамъ адмирала, входъ куда постороннимъ былъ воспрещенъ. Русскій часовой хотѣлъ остановить чеха-офицера; со стороны послѣдняго послѣдовала отборная ругань, а затѣмъ попытка ударить часового. Тогда русскій стрѣлокъ пустилъ въ ходъ оружіе, — что снѣ обязанъ былъ сдѣлать по закону, принятому для всѣхъ армій, — и смертельно ранилъ чеха.

Всѣ иностранцы проявили возмущеніе этимъ случаемъ, но чешскій національный комитетъ сталъ на сторону безобразниковъ, нарушителей порядка — чеховъ. Застрѣленному чеху создали парадныя похороны, антирусскую демонстрацію. Политиканы изъ чешскаго національнаго комитета говсрили надъ могилою рѣчи, полныя ненависти къ Россіи и русскимъ.

Необходимо было всѣ силы обратить на усиленіе русской военной мощи и на образованіе такой власти, которая была бы свободна отъ партійнаго намордника и хомута, которая понимала бы всю серьезность и отвѣтственность отечественной работы. Вѣдь Россія должна была не только побѣдить красныя банды большевиковъ, но и построить крѣпкое и основательно, удобно для всѣхъ своихъ народностей зданіе государства, разрушенное революціей. А тутъ еще среди этихъ грандіозныхъ задачъ болталось это грязное, чуждое Россіи тѣло, чешскій корцусъ, который нужно было обязательно скрутить и обезоружить, иначе успѣхъ всего дѣла становился подъ серьезную угрозу.

Общественность всѣхъ отгнѣнковъ и партій, кромѣ крайнихъ марксистовъ-полубольшевиговъ, поняла серьезность момента, объединилась вмѣстѣ и вручила полную власть одному лицу, адмиралу А. В. Колчаку.*)

Это былъ крупный русскій патриотъ, человекъ большого ума и образованности, ученый путешественникъ и выдающійся морякъ-флотоводецъ. Личность его вырисовывается исключительно свѣтлой, рыцарски чистой и прямой. Адмиралъ Колчакъ любилъ правду и стремился къ справедливости. Онъ относился также и къ Германіи и къ нѣмецкому народу безо всякой предвзятости, отдавая должное его трудолюбію, таланту къ организаціи и склонности къ порядку.

Не погибни адмиралъ Колчакъ, преданный чехами, какъ и его армія, — исторія Россіи пошла бы по иному, и Германія разговаривала бы и заключала договоры не

*) Адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ родился въ С.-Петербургѣ въ 1873 г., окончилъ морской корпусъ въ 1894 году. Принималъ участіе въ двухъ научныхъ полярныхъ экспедиціяхъ (1900-1904 и 1908-1910); за научные труды былъ награжденъ большою золотой Константиновскою медалью. Въ русско-японскую войну командовалъ миноносцемъ «Сердитый», а затѣмъ сухопутной крѣпостной батареей. Послѣ войны провелъ рядъ важныхъ работъ по возсозданію русскаго флота. Во время мировой войны занималъ отвѣтственный постъ въ Балтійскомъ флотѣ, а въ іюнѣ 1916 года былъ назначенъ командующимъ Черноморскимъ флотомъ съ производствомъ въ вице-адмирала. Обладая огромнымъ вліяніемъ на людей, адм. Колчакъ долго сдерживалъ послѣ революціи разложене флота. Но пробилъ и здѣсь часъ — матросня потребовала разоруженія офицеровъ. А. В. Колчакъ бросилъ свою золотую саблю въ море, отказался дальше командовать флотомъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Вскорѣ онъ былъ командированъ въ Соед. Штаты Сѣв. Америки, а въ 1918 году вернулся въ Россію, на Д. Востокъ, гдѣ и принялъ живое руководящее участіе въ отечественной борьбѣ. Былъ застрѣленъ большевиками въ Иркутскѣ 7-го февраля 1920 года.

съ жалкой кучкой интернаціональнаго сброда, не съ большевиками, а съ національной русской властью. За это-то французы и окрестили адмирала и его ближайшихъ сотрудниковъ германофилами, а чехи стали съ самаго начала и до конца въ явно-враждебное отношеніе.

Адмиралъ понималъ всю недопустимость дальнѣйшаго пребыванія чешской солдатни въ такомъ видѣ въ Сибири, но онъ въ то время не имѣлъ еще достаточно силы. А кромѣ того А. В. Колчакъ, какъ человекъ, отличался слишкомъ большой добротой, мягкимъ и даже чувствительнымъ сердцемъ. Его волевой характеръ, надломленный революціей, былъ очень вспыльчивъ, но и сразу отходчивъ. Адмиралъ Колчакъ принялъ на себя полноту власти, какъ тяжелый подвигъ, руководимый лишь чувствомъ самопожертвованія во имя долга, чести и спасенія отечества.

Переворотъ произошелъ въ Омскѣ ночью 18 ноября 1918 г. совершенно безболѣзненно. Члены Директоріи были арестованы, а потомъ высланы изъ предѣловъ Россіи. Никто въ Сибири не поднялся на ихъ защиту. Одни чехи намѣревались выступить открыто противъ провозглашенія верховнымъ правителемъ Россіи адмирала Колчака, — но не посмѣли. Они только трусливо будировали и ограничились составленіемъ вмѣстѣ съ Черновской партіей прокламаціи съ новымъ призывомъ населенія Сибири къ возстанію. Да, когда были посланы изъ Омска офицеры для ареста Чернова, чтобы поставить послѣдняго передъ военно-полевымъ судомъ, то чехи скрыли его у себя, а затѣмъ помогли бѣжать въ Россію къ большевикамъ.

На наше русское горе, лишь Гайда, бывшій въ то время начальникомъ чешской дивизіи, открыто выразилъ адмиралу Колчаку свои симпатіи и преданность, предлагая въ первый же день свою поддержку. Хитрый чехъ зналъ настроеніе и намѣренія русскаго офицерства и солдатъ и рѣшилъ провести игру въ цѣляхъ личнаго выдвигенія; какъ разъ въ то время между Гайдой и Сыровымъ начались нелады и соревнованіе изъ-за первенства. Адмиралъ Колчакъ повѣрилъ искренности Гайды и съ тѣхъ

шюръ отличалъ хитраго честолюбиваго чеха, взявъ его да-же тѣмъ же чиномъ генерала на русскую службу.

Молодое, очень длинное лицо, похожее на маску, почти безцвѣтные глаза съ твердымъ выраженіемъ крупной, хищной воли и двѣ глубокихъ упрямыхъ складки по бокамъ большого рта. Форма русскаго генерала, но безъ погонь, снятыхъ въ угоду чешскимъ политиканамъ. Голосъ тихій, размѣренный, вкрадчивый, однако, съ упрямыми нотками и съ противнымъ чешскимъ акцентомъ. Короткія, отрывистыя фразы. Позированіе на героя, на сильную, волевою натуру военачальника, солдата и вождя.

Такъ сохранилось у меня въ запискахъ первое впечатлѣніе объ этомъ человѣкѣ, сыгравшемъ особенно злую роль въ русской трагедіи десять лѣтъ тому назадъ. Первый разъ я видѣлъ этого чеха въ октябрѣ 1918 года въ Екатеринбургѣ, въ одномъ небольшомъ военномъ кругу. Тогда Гайда проводилъ такую точку зрѣнія:

«Русскій народъ совсѣмъ не можетъ имѣть теперь, немедленно, парламента. Я въ этомъ убѣдился, пройдя всю Россію и Сибирь въ два конца. И отъ революціи всѣ устали, хотятъ порядка. По моему мнѣнію, Россіи нужна только монархія и хорошая демократическая конституція. Но теперь нельзя. Надо скорѣе военную диктатуру. Я поддержу своими полками, если найдется русскій генералъ, который возьметъ власть на себя.»

Но онъ оказался безсиленъ удержать части своей чешской дивизіи на фронтѣ и въ концѣ - концовъ увелъ ихъ тоже въ тылъ. Тутъ вскорѣ у него начались скрытыя распри съ Сыровымъ — на почвѣ личныхъ вождедѣній и непомѣрнаго честолюбія. Гайда хотѣлъ играть первую скрипку. Сыровой мечталъ стать вторымъ Жижкой.

Мнѣніе адмирала о легіонерахъ было совершенно отрицательное. И онъ не скрывалъ этого, часто съ безгливой усмѣшкой, называя ихъ «ворами, трусами, дезертирами и измѣнниками». Однако, предложеніе своихъ ближайшихъ сотрудниковъ — разоружить силою чешскіе полки и батареи — адмиралъ Колчакъ отклонялъ, ссылаясь на то, что тогда съ «союзниками не избѣжать конфликта».

Во второй половинѣ ноября пріѣхали во Владивостокъ изъ Парижа генераль французъ Жаненъ*) и словакъ Стефаникъ**). первый министр чехо-словацкаго правительства. Этотъ былъ изъ рѣдкихъ среди чеховъ людей, типа полковника Швеца.

Стефаника даже Бенешъ рисуетъ въ своей книгѣ «идеалистомъ» и человѣкомъ чести. Стефаникъ, увидавъ, что представляетъ изъ себя чешское воинство, пришелъ въ ужасъ. И онъ поставилъ себѣ задачей — ликвидировать чешскій національный комитетъ, привести чешскія воинскія части въ порядокъ, наладить въ нихъ дисциплину и подчинить ихъ фактически командованію генерала Жанена. Во всемъ этомъ онъ встрѣтилъ противодействие и среди своего команднаго состава, и у политическихъ руководителей чеховъ, и въ солдатской массѣ. Ничего не добившись, Стефаникъ скоро уѣхалъ обратно въ Прагу. Передъ отъѣздомъ онъ не скрывалъ передъ нами своего возмущенія всѣмъ видѣннымъ среди чеховъ и своей горечи за то безчестіе, которое легіонеры вписали въ первыя страницы исторіи «свободной Чехо-словакіи».

*) Генераль Жаненъ (французской службы) былъ долгое время въ Россіи, говорилъ по-русски и увѣрялъ всегда въ своей любви къ Россіи, а съ нѣкоторыми изъ русскихъ генераловъ былъ даже на «ты». Во время мировой войны состоялъ нѣкоторое время военнымъ атташе Франціи при русской главной квартирѣ. Когда въ Парижѣ возникла мысль еще разъ использовать Россію противъ центральныхъ державъ, Жаненъ былъ посланъ въ Сибирь, какъ главнокомандующій всѣми «союзными» силами противъ большевиковъ.

***) Стефаникъ былъ товарищемъ Бенеша и Масарыка въ теченіи ихъ заграничной революціонной подготовки противъ Австро-Венгріи. Изъ Парижа онъ былъ посланъ въ Сибирь съ Жаненомъ. Вернувшись оттуда, Стефаникъ, военный министр чехо-словацкой республики, слѣшилъ на аэропланѣ на родину. Уже на чешской территоріи аэропланъ былъ обстрѣлянъ чешскими солдатами, потерпѣлъ аварію и упалъ на землю. Стефаникъ былъ убитъ. Случай этотъ до сихъ поръ не разслѣдованъ и въ немъ таится много темнаго.

Жанень остался въ Сибири. Чехи ему подчинились только номинально. Жанень, безвольная и хитрая креатура, пріѣхавшій къ тому же съ особыми, тайными инструкціями, занялъ съ самаго же начала такую позицію: вѣдше онъ выражалъ адмиралу Колчаку почтеніе и преданность, а русской арміи сочувствіе и желаніе помогать,—на дѣлѣ же, за нашей спиной, онъ поддерживалъ всѣ дальнѣйшія подлости чеховъ, а, можетъ быть, даже и руководилъ ими.

Съ пріѣздомъ Жанена — «анабазисъ легіонеровъ» окончился. Чехи требовали теперь все настойчивѣе отъ союзниковъ вывоза ихъ изъ Сибири моремъ для возвращенія на родину: война съ центральными державами прекратилась и въ Версали былъ рожденъ новый членъ Европы — чехо-словацкая республика.

Верховный правитель адмиралъ Колчакъ и высшее русское командованіе поддерживали передъ союзниками это желаніе чеховъ: намъ было необходимо для успѣха нашего отечественнаго дѣла убрать какъ можно скорѣе изъ Сибири этотъ вредный балластъ, 50.000 разнузданныхъ, лѣнивыхъ, вороватыхъ, вооруженныхъ и враждебныхъ Россіи солдатъ.

Какое это было зло и какая угроза въ тылу! Но, къ несчастью, союзники не нашли возможнымъ удовлетворить желаніе чеховъ. И эти банды были оставлены въ Сибири, гдѣ они увѣнчали «анабазисъ» достойнымъ концомъ.

V. Подготовка чешскаго предательства.

(Ноябрь 1918 — Ноябрь 1919).

Необъятныя, на тысячи километровъ пространства плодородныхъ степей, благословенный черноземъ которыхъ даетъ ежегодные урожаи безъ какого-либо удобренія почвы. Дѣвственные лѣса тянутся къ сѣверу отъ степнаго пояса и занимаютъ поверхность, превышающую

во много разъ всю Европу. На югъ отъ степей проходятъ цѣли могучихъ дикихъ горъ, почти нетронутыхъ человѣкомъ. Среди нихъ берутъ начала рѣки, которыя широкими полноводными лентами тихо текутъ, пересекають материкъ черезъ степной поясъ и черезъ дѣвственные лѣса.

Тайгой зовутъ лѣса эти; полны они дичью и пушнымъ звѣремъ. Многоводныя рѣки изобилуютъ разной рыбой, а въ пескѣ рѣчномъ много росыпей золота. Горы поражаютъ разнообразіемъ и огромными запасами минераловъ, драгоценныхъ камней, нефти и угля. Богатъ божьими дарами край тотъ, и имя ему Сибирь.

Зима, дѣйствительно, тамъ суровая и долгая, съ начала ноября и по конецъ марта; пять мѣсяцевъ покрыта Сибирь снѣгами, а около рождественскихъ святокъ трещать морозы выше 30 градусовъ Реомюра. Но зато какой несравненный! чистый воздухъ, напоенный озономъ! Какіе единственные по красочности оттѣнки освѣщеній! Какая зимняя охота и спортъ!

Остальные семь мѣсяцевъ года падаютъ на весну, лѣто и осень. Лѣтомъ въ Сибири вызрѣваетъ пшеница и такъ жарко, какъ въ южной Германіи.

Населеніе Сибири — деревня отъ деревни отстоитъ верстъ за тридцать — самостоятельные, крѣпкіе люди, отличающіеся здоровьемъ, выносливостью и большой физической силой. Изъ-подъ густыхъ бровей, сдвинутыхъ вмѣстѣ, смотрятъ серьезные сѣрые глаза, стального оттѣнка. Твердо, упорно, съ большой волей, отражая въ прямомъ взглядѣ своею честностью, вѣру въ Бога и увѣренность въ себя. Потомки колонизаторовъ Сибири выработали поколѣніями свой негнуційся характеръ. Въ сибирской семьѣ царитъ патріархальный укладъ жизни и чистота нравовъ, соединенная съ примитивными, близкими къ природѣ отношеніями. Искреннее гостепріимство и готовность всегда пойти на помощь, отличаютъ сибиряковъ. И даже революція своими вихрями не потрясла здѣсь, ни прочности семьи, ни крестьянскаго общества. Не рѣдко было увидѣть въ старой, рубленной изъ столбѣнхъ сосенъ, избѣ сибиряка-крестьянина въ красномъ углу, пониже дѣдовскихъ старыхъ иконъ — портреты че-

тырехъ послѣднихъ царей. Лѣто работаютъ въ полѣ, надъ нивой, или на рѣкѣ, а зимніе мѣсяцы всѣ мужчины — на лыжи, винтовки за плечи, и въ тайгу...

Такова наша Сибирь. Мѣста, работы и Божьихъ даровъ тамъ на всѣхъ достаточно, хватить на населеніе въ нѣсколько сотъ разъ большее, чѣмъ сегодня.

И вотъ, въ этой-то странѣ и разыгрался тотъ тяжелый актъ русской драмы, въ которомъ чехи сыграли преступную роль іудь-предателей.

Съ осени 1918 года части чехо-словацкаго корпуса двигались все болѣе въ глубокой тыль, чтобы тамъ устроиться безопаснѣе, и среди безоружнаго населенія выжидать возможности эвакуаціи моремъ въ Европу. Среди чешскихъ массъ все шире разливался процессъ нравственнаго разложенія, но зато параллельно съ нимъ шло и усиленіе вліянія чешскихъ политиканствъ. А они, понятно, стали въ скрыто-враждебныя, но непримиримыя отношенія къ новой русской государственности, которая медленно, среди необычайныхъ трудностей, налаживалась посепенно въ Сибири адмираломъ Колчакомъ и его со-трудниками. Молодая армія крѣпко стояла на отрогахъ Уральскихъ горъ.

Вся зима 1918-1919 года прошла въ передвиженіи частей чехо-словацкаго корпуса по желѣзной дорогѣ въ тыль и въ долгихъ уговариваніяхъ со стороны французской миссіи Жанена стать въ тотъ или другой городъ, или на станцію Сибирской линіи. Всѣ чехи стремились къ большимъ, богатымъ сибирскимъ городамъ, какъ Ново-николаевскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и Владивостокъ. Всю зиму эти пятьдесятъ тысячъ военно-плѣнныхъ, разжирѣвшихъ на отличныхъ сибирскихъ хлѣбахъ, ровно ничего не дѣлали.

Повсюду въ Сибири можно было видѣть этихъ парней. Наглое, одутловатое лицо, чубъ, выпущенный изъ-подъ фуражки, по большевицкой модѣ. Развалистой лѣнливой походкой сновали туда и сюда группы легионеровъ, и вѣчно всѣ они тащили подъ рукой что-то завернутое въ бумагу или платокъ. Всѣ чехи были одѣты щеголями, — новая форма, считая изъ русскихъ наворованныхъ суконь, форсистые сапоги бураками, иногда лаковые, на

руках перчатки. Нельзя не повторить, что многострадальная русская армия в то же время сражалась на Уральском фронте против большевиков и терпела во всем недостатки.

Как следствие разложения чешского войска, среди их солдат и офицеров появился огромный процент больных скверными секретными болѣзнями. Для них очистили госпиталь, оборудованные заботами и на средства «союзников» Россіи; этими грязными больными наводнили все города, включительно до Владивостока. Мнѣ лично пришлось наблюдать это на Русском Острове, лежащемъ въ океанѣ, противъ Владивостока. Тамъ была собрана группа русскихъ офицеровъ и солдатъ, общей численностью въ 1500 человекъ, которые провели четыре мѣсяца въ горячей, напряженной работѣ для подготовки кадровъ для новыхъ образцовыхъ формированій. Результаты работы скоро сказались: былъ установленъ порядокъ, введена воинская дисциплина, люди обратились снова въ хорошихъ, исполнительныхъ воиновъ, сбросивъ съ себя нездоровый революціонный налетъ. И когда три батальона этихъ отборныхъ людей, въ тѣсныхъ, сплоченныхъ рядахъ, отбивая по-военному шагъ, шли по улицамъ Владивостока, то впечатлѣніе получалось сильное.

Въ двухъ верстахъ отъ моего офицерскаго батальона, на Русскомъ же Острове, помѣщался огромный, еще довоеннаго времени госпиталь, оборудованный теперь одной миссіей для венериковъ-чеховъ. Первые недѣли приходилось наблюдать, какъ эти негодяи тянулись по бѣлому снѣгу къ нашимъ казармамъ и потомъ подолгу стояли, наблюдая со злобной и насмѣшливой миной лица за нашей работой, особенно за строевыми занятіями и за боевой подготовкой въ полѣ. Въ противовѣсъ установившемуся у насъ порядку, эти чехи вели себя, какъ бродяги, распущенно, нахально и грубо. Изъ-за этого возникали недоразумѣнія, и нѣсколькимъ чешскимъ солдатамъ наши били морду. Какъ начальникъ гарнизона Русскаго Острова, я принужденъ былъ отдать приказъ, что впредь такихъ чешскихъ солдатъ, нарушителей порядка и уста-

новлѣнныхъ правилъ воинской дисциплины, задерживать и предавать военно-полевому суду.

Полное бездѣльничанье и разгильдяйство среди чеховъ стали нормальными явленіями. Единственное было занятіе — они развили торговлю и спекуляцію не только награбленнымъ ранѣ имуществомъ, но и новыми товарами, привозимыми ими съ Дальняго Востока. Для этой цѣли чешское командованіе и ихъ политическіе руководители начали беззастѣнчиво использовать русскую желѣзную дорогу, которая при всемъ напряженіи не могла удовлетворить потребностей боевой русской арміи, населенія Сибири и нахлынувшихъ туда волнъ бѣженцевъ Поволжья.

Довольствіе 50.000 чеховъ брало одну треть всего наличнаго транспорта, обрацавшагося тогда на Сибирской желѣзной дорогѣ, что давало на каждаго чешскаго солдата по нѣскольکو десятковъ пудовъ ежемѣсячно. На дѣйствительныя потребности войсковыхъ частей чешскаго корпуса шла меньшая часть этого, — львиную часть транспорта составляли разные ходкіе товары, поступавшіе потомъ отъ чеховъ на сибирскій рынокъ. Надо вспомнить, что Сибирь, послѣ долгой войны и революціи, испытывала большой товарный голодь. Не удовлетворяясь этой спекулятивной, незаконной торговлей, чешскіе руководители скоро стали передавать, за очень большія, понятныя деньги, частнымъ лицамъ, ловкимъ спекулянтамъ, свое «право» на цѣлые вагоны.

«Особенное признаніе должно быть по заслугамъ удѣлено хозяйственнымъ, финансовымъ и культурнымъ (?) работамъ нашей сибирской арміи. На этомъ всего лучше обнаружился геній нашей (чешской) расы. Въ массѣ нашихъ (чешскихъ) войскъ отыскались скоро сильнѣйшія индивидуальности, которыя сумѣли организовать и направить работу. Но эта работа была понята каждымъ рядовымъ солдатомъ и поддержана его содѣйствіемъ...» Такъ наивно и въ то же время нагло заявляетъ руководитель чешской дипломатіи, отдѣлываясь общими фразами.*)

*) Edward Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 554.

Такъ вотъ, взглянемъ на фактическую сторону, какъ именно проявлялся въ тѣ ужасные годы страданій русскаго народа «геній чешской расы» въ Сибири. Уже къ зимѣ 1919 года возникло нѣсколько громкихъ судебныхъ дѣлъ, — чешскіе руководители были пойманы въ употребленіи русскаго транспорта на незаконную торговлю. Однако, Омское правительство оказалось принужденнымъ потушить эти преступные случаи: не было достаточно силъ, чтобы рѣзко и круто прекратить преступленія чеховъ, а союзническія миссіи закрывали на нихъ глаза, генераль же Жаненъ игралъ общую съ чехами игру. Крикливая часть русской общественности, сочувствовавшая втайнѣ большевикамъ, носила лишь маску преданности и единенія съ адмираломъ Колчакомъ; эти люди, давніе друзья Масарыка, открыто поддерживали чеховъ. Армія же и русское населеніе Сибири терпѣливо ждали, когда эти «доблестные» легіонеры-спекулянты уберутся вонъ изъ Россіи.

Адмираль Колчакъ рѣшилъ положить въ будущемъ конецъ этому вопіющему безобразію. Онъ сдерживалъ себя до того времени, когда можно будетъ всѣхъ чеховъ выбросить во Владивостокъ, чтобы тамъ передъ ихъ посадкой на суда произвести ревизію всѣхъ ихъ грузовъ. Къ участію въ этой ревизіонной комиссіи намѣчено было привлечь и представителей отъ союзныхъ миссій, которыя не могли бы уклониться отъ этого. И тогда преступленіе чеховъ стало бы во весь свой ростъ. Воровъ и грабителей уличили бы съ полнчимъ.

Это намѣреніе адмирала Колчака стало извѣстно чехамъ, повліяло сильно на ихъ руководителей и заставило пойти на открытое предательство. Ясно, что, чѣмъ крѣпче установился бы порядокъ въ тылу, чѣмъ сильнѣе упрочилась бы тамъ государственная организація, — тѣмъ неотвратимѣе была бы расплата для преступныхъ чешскихъ элементовъ. Данныхъ же были на лицо, что усиленіе государственности и порядка въ Сибири, несмотря на всѣ препятствія и трудности, шло вѣрными шагами впередъ. И видѣлся день освобожденія, когда русская національная мощь окрѣпнетъ въ тылу, дастъ

усиленіе боевому фронту и очиститъ всю Россію отъ раз-
ной преступной мерзости.

Вотъ тогда-то и состоялось тайное соглашеніе между чешскими руководителями, такъ называемымъ чешскимъ національнымъ комитетомъ, и русскими полу-большеви-
ками, оставшимися тогда въ Сибири въ видѣ партіи эсъ-
эровъ, и сумѣвшими захватить въ свои руки такіе необ-
ходимые для жизни общественные органы, какъ коопера-
тивы. Это соглашеніе перекинулось незримыми нитями
изъ Сибири къ большевикамъ, въ Москву.

Планъ предательства этимъ комплотомъ, зачатымъ
Масарыкомъ еще въ Кіевѣ осенью 1917 года, заключался
въ слѣдующемъ: чехи будутъ всемѣрно содѣйствовать
сверженію правительства адмирала Колчака и переходу
власти въ руки партіи эсъ-эровъ (полу-большевиковъ),
за что получатъ право вывоза всѣхъ своихъ грузовъ и
цѣнностей, награбленныхъ на Волгѣ, на Уралѣ и въ Си-
бири. Такова основа соглашенія. Рука руку моетъ...

Все это въ то время продѣлывалось, понятно, въ глу-
бокой тайнѣ; тогда мы не могли установить деталей и вре-
мени этого дьявольскаго плана, мы только угадывали его;
лишь передъ немногими государственными людьми тог-
дашней Россіи ясно вырисовывалась нависшая смертель-
ная опасность отъ «братцевъ»-чеховъ. Теперь, post fac-
tum, это ясно каждому, кто возьметъ на себя трудъ позна-
комиться съ событіями, происходившими въ далекой Си-
бири въ годы 1918-1920, кто отнесется къ этимъ событіямъ
объективно и добросовѣстно.

Объясненіе сродства и той близости, что установились
между чешскими политиканами и русскими полу-боль-
шевиками, мы находимъ и въ книгахъ Масарыка, и Бене-
ша. Послѣдній указываетъ и на истоки этой дружбы ви-
сѣльниковъ. Вотъ, что пишетъ онъ*):

«Пребываніе въ Парижѣ привело меня въ кругъ рус-
скихъ революціонеровъ 1905 года, которые произвели на
меня глубокое впечатлѣніе. Въ годы 1906 и 1907 я вра-
щался въ обществѣ этихъ революціонеровъ и былъ чле-

*) E. Benesch, «Die Aufstand der Nationen», стр. 2.

номъ ихъ союза. По возвращеніи въ Прагу, я оставался въ связи съ ними.»

Въ сущности, полное соглашеніе между русскими полу-большевиками и чехами установилось давно, съ первыхъ дней революціи, съ марта 1917 года. Съ той поры велась и общая ихъ разрушительная работа, направленная во вредъ Россіи. Обѣ стороны боялись, что отечество наше встанетъ изъ революціонныхъ обломковъ и протянетъ руку Германіи, протянетъ крѣпко, честно и на-прочно, по-русски.

Бенешъ, стоявшій все время міровой войны у самаго котла большой чешской интриги, отмѣчаетъ*), какой страхъ царилъ во Франціи въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ въ концѣ 1917 года и въ началѣ 1918, — что Германія приложитъ всѣ силы къ соглашенію и соединенію съ «новой Россіей», т. е. съ той, которая должна была образоваться тогда же, послѣ большевиковъ, на мѣсто царской Россіи, рухнувшей въ обломкахъ революціи. И дальше: какое облегченіе испытывалъ Парижъ, когда его опасенія не оправдались!...

Другой заправила интриги, старый Масарыкъ, пытался это чувство страха въ союзникахъ снова пробудить и усилить. Въ его книгѣ**) приведенъ меморандумъ, который онъ подалъ союзникамъ 10 апрѣля 1918 года въ Токио, по возвращеніи своемъ изъ Россіи. Въ пунктѣ I Масарыкъ совѣтуетъ союзникамъ признать большевицкое правительство *de jure* и *de facto* и даже поддерживать его. Дальнѣйшіе 12 пунктовъ заключаютъ обоснованіе къ этому; въ нихъ чешскій политиканъ призываетъ союзниковъ къ борьбѣ съ Германіей и Австро-Венгріей на русской почвѣ, — выставляя, какъ пугало, что германскіе агенты завладѣютъ постепенно въ Россіи всѣмъ, начиная отъ промышленныхъ акцій и кончая прессой.

*) E. Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 511.

**) T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 212—216.

Союзники Россіи, пріѣхавшіе помогать намъ противъ большевиковъ, образовали желѣзнодорожный комитетъ, который взялъ на себя явочнымъ порядкомъ регулировку вопросовъ эксплуатаціи дороги и движенія на всемъ участкѣ, отъ Омска до Владивостока. И, хотя зачастую русскіе интересы, даже интересы боевого фронта, приносились въ жертву различнымъ интернаціональнымъ цѣлямъ, которыми была пропитана вся интервенція 1918-1919 г. г., — русскому министру путей сообщенія пришлось подчиниться.

Дѣло въ томъ, что Сибирь не располагала ни однимъ заводомъ для постройки паровозовъ, вагоновъ и запасныхъ частей. Все это заказанное и частью оплоченное еще царскимъ правительствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ было теперь обѣщано доставить и передать правительству адмирала Колчака. Во Владивостокъ прибыло большое количество запасныхъ частей, осей и колесъ, нѣсколько паровозовъ. Интернаціональный желѣзнодорожный комитетъ выдавалъ все это русскому министру путей сообщенія, при условіи его подчиненія распоряженіямъ комитета. Можно видѣть на одномъ примѣрѣ чеховъ, какъ подобныя отношенія вредно отзывались на дѣлѣ, какъ сильно мѣшали работѣ и вредили русскимъ интересамъ.

Вѣдь только на этой почвѣ наши бывшіе военнопленные, составившіе въ 1917 году «союзныя» войска чешскія, а затѣмъ польскія, румынскія и т. п., захватили въ свои руки огромное количество подвижного состава. Только за тремя чешскими дивизіями числилось 20.000 вагоновъ!

Исключительно лишь вооруженной силой можно было заставить этихъ «интервентовъ» вернуть захваченные паровозы и вагоны. А всѣ русскія войска были отвлечены на фронтѣ, гдѣ съ каждымъ мѣсяцемъ борьба становилась интенсивнѣе, упорнѣе, тяжелѣе. Русскимъ желѣзнодорожникамъ приходилось принять фактъ этого ограбленія и изворачиваться тѣмъ подвижнымъ составомъ, ко-

торый оставался въ распоряженіи русскаго министра путей сообщенія.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верстъ, и проходитъ густо тайгой или безпредѣльными степями. Большевики и ихъ агенты въ Сибири направили все вниманіе на эту важнѣйшую артерію, питающую армію и страну, обезпечивавшую также вывозъ сырья. Они организовали нѣсколько большихъ бандъ, которыя, укрываясь въ тайгѣ, въ глухихъ мѣстахъ, производили оттуда систематическія нападенія, устраивали крушенія поѣздовъ.

Чтобы имѣть крѣпче и вѣрнѣе желѣзную дорогу въ своихъ рукахъ, интернаціональный желѣзнодорожный комитетъ рѣшилъ поставить свои войска на охрану ея: отъ Владивостока до Байкала — японцы, около Байкальскаго озера — 30-й американскій полкъ и румыны, участокъ Иркутскъ — Томскъ — Новониколаевскъ — три чешскія дивизіи, Новониколаевскъ — Барнаулъ—Бійскъ поляки.*) Чехи не хотѣли долгое время становиться на охрану, но союзники принуждали ихъ, что не дадутъ имъ въ будущемъ морскаго транспорта въ Европу. Тогда легионеры подчинились приказу.

Но охрана желѣзной дороги неслась ими крайне своеобразно. Если учащались случаи нападенія бандъ на какой-либо участокъ со стрѣльбой, съ убійствами часовыхъ и съ крушеніями поѣздовъ, — то усиливались караулы, ловили нѣсколькихъ разбойниковъ, вѣшали ихъ, а банду отгоняли въ тайгу. И на этомъ успокаивались. Когда мѣстная русская власть предлагала имъ дѣло довести до конца, преслѣдовать банду и уничтожить ее съ корнемъ, — получался стереотипный отвѣтъ:

— «Это не наше дѣло...»

Если же большевицкія банды послѣ этого производили повторныя нападенія на караулы, то чехи устраивали такъ называемую карательную экспедицію. На угрожаемомъ участкѣ чешскіе «охранители порядка» сжигали

*) 5-ая польская дивизія, сформированная французами въ Сибири и впоследствии также преданная большевикамъ чехами.

ли два-три богатыхъ сибирскихъ села, — за ихъ, яко-бы, отказъ выдать преступниковъ-бандитовъ.

Это вызывало вполне понятное страшное озлобленіе мирнаго крестьянскаго населенія, сыновья котораго сражались за русское національное дѣло въ рядахъ бѣлой арміи. Чехами разжигалась вражда, и ряды большевицкихъ шакъ пополнялись. На всѣхъ станціяхъ желѣзной дороги, отъ Иркутска до Томска и Новониколаевска, были чешскіе коменданты, которые гнули спины передъ представителями Антанты, были сдержанно-вѣжливы по отношенію къ русскимъ властямъ и проявляли недопустимое высокомеріе и хамское пренебреженіе къ русскому населенію.

Таково было положеніе на Сибирской желѣзной дорогѣ въ то время, когда роль ея выдвигалась на первое мѣсто и приобрѣтала огромное значеніе въ дѣлѣ обезпеченія успѣха въ великой русской отечественной задачѣ.

Къ веснѣ 1919 года чеховъ размѣстили вдоль желѣзной дороги по квартирамъ. Но они заявили, что поѣздовъ, двадцать тысячъ вагоновъ, они не отдадутъ; чешское командованіе выставило къ этимъ вагонамъ, нагруженнымъ краденымъ добромъ, усиленные караулы. Все это дѣлалось подъ покровительствомъ чешскаго главнокомандующаго, французскаго генераль-лейтенанта Жана.

* * *

Въ серединѣ марта 1919 года на меня было возложено порученіе адмираломъ Колчакомъ осмотрѣть гарнизоны всѣхъ большихъ городовъ Сибири. Проѣздомъ изъ Владивостока нѣкоторые изъ нихъ я посѣтилъ вмѣстѣ съ англійскимъ генераломъ Ноксомъ. Въ Иркутскѣ насъ пригласилъ къ себѣ командующій войсками округа, генераль-лейтенантъ Артемьевъ. Во время разговора онъ развернулъ передъ нами ужасную картину разнузданности чеховъ-легисеровъ и вреда, приносимаго ими населенію. Старый боевой русскій генераль-лейтенантъ трясся отъ гнѣва и отъ сдерживаемаго негодованія — поставить

на мѣсто эту трусливую, развращенную массу чеховъ, которыхъ въ свое время взять не мало въ плѣнь и корпусъ генерала Артемьева въ Галиціи и въ Польшѣ.

Представитель Великобританіи Ноксъ, который былъ отличенъ въ курсѣ всего, который и самъ возмущался въ интимномъ кругу воровствомъ и разнузданностью чеховъ, — теперь только пожималъ плечами и говорилъ, что надо терпѣть, такъ какъ «въ будущемъ чехо-словацкія войска могутъ-де принести пользу.»

Ненависть и презрѣніе къ дармоѣдамъ, обокравшимъ русскій народъ, призвавшимъ его къ совместной борьбѣ съ большевиками, а потомъ трусливо спрятавшимся въ тылъ, — возрастала въ массахъ населенія сибирскихъ городовъ, въ деревняхъ и въ арміи. Проезжая по улицамъ Иркутска, Красноярска и Новониколаевска, я обращалъ вниманіе Нокса на пестрѣвшія на заборахъ во многихъ мѣстахъ надписи мѣломъ и углемъ: «Бей чеховъ! Спасай Россію.»

Ноксъ пожималъ плечами и бормоталъ что-то о несдержанности русскаго народа.

Весну, лѣто и начало осени 1919 года чехи провели въ тылу Сибири. Ни одна чешская часть, ни одинъ легионеръ не принялъ участія въ борьбѣ противъ большевиковъ.

Какъ было упомянуто ранѣе, сейчасъ же послѣ переворота 18 ноября 1918 г., чехи заняли по отношенію къ адмиралу Колчаку враждебную позицію. Только Гайда прислалъ ему въ первый же день телеграмму съ выраженіемъ своей преданности и готовности поддержать его. Этотъ жестъ усилилъ еще болѣе расхожденіе между чешскими генералами. Положеніе Гайды сдѣлалось очень непрочнымъ, такъ какъ чешскій національный комитетъ сталъ всецѣло на сторону Сырового. Гайда представилъ все дѣло адмиралу Колчаку такъ, что его-де, за преданность русскому верховному правителю, выживають съ высокаго команднаго поста. Колчакъ, поддавшись своему доброму сердцу и импульсивности характера, сдѣлалъ чеху почетное предложеніе — занять постъ командующаго 1-й Сибирской арміей. Съ низкимъ поклономъ и со словами льстивой благодарности принялъ Гайда милость

высокаго русскаго военачальника. Такимъ образомъ Гайда вступилъ въ ряды русскои арміи и былъ зачисленъ въ нее чиномъ генераль-маіора.

Лучшимъ русскимъ обществомъ и офицерствомъ эта вѣсть была принята, какъ унижительная пощечина. Уже и тогда ходили въ Сибири слухи, что Гайда самозванецъ, что онъ на самомъ дѣлѣ бывшій фельдшеръ, обманнымъ способомъ принявшій чинъ офицера при его дезертирствѣ изъ австро-венгерскои арміи въ Черногорію. Но эти слухи опровергались оффиціально, а адмираль Колчакъ, повѣрившій Гайдѣ безгранично, запретилъ распространение ихъ подъ угрозой суровой кары. Чехи же скрывали правду, по волюгѣ понятнымъ причинамъ.

Теперь, по истеченіи десяти лѣтъ, положеніе вещей выяснилось. Оказывается, въ этомъ человѣкѣ все ложно, начиная съ имени. *) Не Radola Gaida, а Rudolf Geidl, окончилъ курсъ 4-хъ гимназическихъ классовъ въ Богеміи въ 1908 г. Два года за тѣмъ онъ изучалъ при университетѣ косметику, послѣ чего поступилъ фармацевтомъ въ аптекарскую лавку.

Начало міровой войны застаеъ Гейдля въ австро-венгерскои арміи на должности санитарнаго унтеръ-офицера. Въ 1915 году онъ — въ плѣну у черногорцевъ, и здѣсь рѣшаетъ назвать себя докторомъ Гайдой, по спеціальности врачомъ. Черногорцы повѣрили ему, и изъ фармацевта вылутился врачъ. Гайда служить на этой должности въ черногорскои арміи до ея конца въ 1916 году. Тогда онъ рѣшаетъ перекочевать въ Россію. На итальянскомъ кораблѣ отплываетъ въ Одессу и подъ именемъ Радоля Гайда вступаетъ въ чешскія войска. Здѣсь предприимчивый и нестѣсняющійся ничѣмъ чехъ доходитъ быстро до верха, занявъ вскорѣ мѣсто начальника дивизіи и генерала.

Адмираль Колчакъ не только принялъ этого проходимца на русскую службу, не только довѣрилъ ему командованіе русскои арміей и осыпалъ его наградами, но и считалъ своимъ другомъ.

*) «Münchener Neueste Nachrichten», N. 25, 26. Januar 1928, «Der Hochstapler als Generalstabschef».

Ранней весной 1919 года бѣлыя арміи предприняли наступленіе съ Уральскаго фронта къ Волгѣ. Порывъ былъ очень смѣлый и сильный, молодая войска, составленная, главнымъ образомъ, изъ добровольцевъ, горячо рвались въ бой. Высокая идея — спасеніе отечества — руководила тѣмъ порывомъ. Послѣдоваль рядъ боевъ и блестящихъ успѣховъ; въ теченіе марта и апрѣля Западная армія генерала Ханжина продвинулась до Волги, сдѣлавъ по плохимъ весеннимъ дорогамъ въ общемъ протяженіи 500 — 600 верстъ, съ тяжелыми боями.

Красныя полчища бѣжали передъ натискомъ бѣлыхъ. Вотъ, если бы въ то время чехо-словацкій корпусъ поддержалъ хотя бы частью своихъ силъ это блестящее наступленіе, — то съ большевизмомъ въ Россіи было бы покончено. Но чехи и не пошевелились. Болѣе того, Сибирская русская армія, вѣренняя адмираломъ Колчакомъ чеху Гайдѣ, въ это горячее и рѣшающее время бездѣйствовала, хотя и была по своему составу болѣе чѣмъ въ полтора раза сильнѣе Западной арміи. Въ теченіе марта и апрѣля въ Сибирской арміи не было ни одного боя. Гайда сосредоточилъ свои главныя силы на направленіи Пермь — Глазовъ — Вятка — Котласъ, — надѣясь отсюда быстро войти въ овязъ съ англійскими силами, бывшими въ то время въ Архангельскѣ, и занять Москву. Уже въ то время честолюбивые планы безмѣрно высоко заносили мысли этого типичнаго авантюриста.

Никакая сила не могла заставить Гайду сдвинуться съ этого направленія, чтобы ударомъ на югъ поддержать усталую Западную армію и ея успѣхи обратить въ рѣшительную побѣду. Къ несчастью и на собственную гибель, адмиралъ Колчакъ вѣрилъ тогда еще въ этого чеха, въ его дутую репутацію военачальника, вѣрилъ этому челоуѣку безъ совѣсти, безъ чести, и даже безъ собственного имени.

Слѣдующая сценка записана у меня изъ тѣхъ дней весны 1919 года.

«Гайда, со своимъ начальникомъ штаба, генераломъ Богословскимъ, пріѣхалъ въ эти дни въ Омскъ съ докладомъ. Мастерски сдѣланныя схемы наглядно показывали, какую силу представляетъ изъ себя теперешній со-

ставъ Сибирской арміи, ея организацію, группировку и намѣченное увеличеніе. Гайда горячо отстаивалъ свою идею движенія на Вятку, доказывая, что, взявши ее и Казань, очень легко будетъ дойти до Москвы.

Послѣ доклада, верховный правитель оставилъ всѣхъ насъ обѣдать; разговоръ за обѣдомъ не касался этого вопроса и шелъ на самыя обыденныя темы. Но, затѣмъ, уже вечеромъ, въ кабинетѣ адмирала остались онъ, Гайда, съ начальникомъ штаба Богословскимъ, генералъ Д. А. Лебедевъ и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить всѣ силы, чтобы развить наступленіе на Поволжье и соединиться съ Добровольческой арміей; иначе вставала угроза, что Западная армія не выдержитъ. Вставалъ призракъ катастрофы.

Здѣсь впервые прозвучали тѣ ноты, которыя вскорѣ мнѣ пришлось слышать въ Екатеринбургѣ. Гайда сталъ очень искусно затушевывать и преуменьшать сдѣланное Западной арміей, восхваляя въ то же время общій стратегическій планъ, вспоминая и рассказывая эпизоды изъ своей арміи, набрасывая широкія перспективы занятія имъ Казани, Вятки, соединенія съ Архангельскомъ, легкой подачей оттуда англійскаго снаряженія и товаровъ. Нарисовалъ положеніе Москвы, которая легко и скоро будетъ занята тогда Гайдой. Все это онъ пропитывалъ струйкой тонкой, умѣлой лести, вилетая увѣренія о своей безпредѣльной преданности верховному правителю, и дѣлалъ это такъ искусно, что только постороннее вниманіе могло замѣтить неискренность и затаенную мысль.

Разговоръ все дѣлался интимнѣе и ближе. Часовая стрѣлка подходила ко времени отхода поѣзда Гайды. Передъ самымъ отъѣздомъ адмиралъ Колчакъ обнялъ его, расцѣловалъ и, обращаясь къ остальнымъ, сказалъ слова, совершенно неожиданныя и глубоко насъ поразившія:

— «Вотъ что, послушайте,» — онъ обратился, называя Д. А. Лебедева и меня, — «я вѣрю въ Гайду и въ то, что онъ многое можетъ сдѣлать. Если меня не будетъ, если бы я умеръ, то пусть Гайда замѣнитъ меня.»

Было больно слышать и видѣть, какъ послѣ этого Гайда, этотъ очень хитрый и очень волевой человѣкъ,

склонился къ плечу адмирала, чтобы скрыть выраженіе своего лица, — торжествующая улыбка змѣлилась на его тонкихъ губахъ; тихимъ, неслышнымъ намъ шепотомъ, что-то нашептывалъ онъ въ самое ухо верховному правителю.

Вскорѣ Гайда уѣхалъ; вопросъ о координаціи дѣйствій Западной и Сибирской армій остался нерѣшеннымъ.»

Укрѣпивъ свое положеніе у Колчака, Гайда постепенно снова сблизился и вошелъ въ тѣсныя сношенія съ чешскимъ національнымъ комитетомъ. Этимъ политическимъ интриганамъ было необходимо использовать положеніе Гайды въ своихъ цѣляхъ. Играя на чрезмѣрномъ, нездоровомъ честолюбіи, они легко вошли въ довѣріе и окружили его своими людьми, введя ихъ въ штабъ, захвативъ въ руки своихъ сторонниковъ такой важный и жизненный отдѣлъ, какъ інформаціонный, типографіи и всѣ средства пропаганды Сибирской арміи.

Въ началѣ мая пишущій эти строки былъ командированъ адмираломъ Колчакомъ въ Екатеринбургъ для инспекціи тамъ новыхъ формированій Сибирской арміи.

Тѣ дни и послѣдняя встрѣча съ Гайдой записаны у меня такъ:

«Печать Екатеринбурга и Перми, — захваченная, какъ почти всегда, либералами и социалистами, — вела искусную кампанію. День ото дня все усиливая, пѣли они дифирамбы Гайдѣ, восхваляя его демократизмъ, называя его спасителемъ Россіи, единственнымъ человекомъ, способнымъ на это великое дѣло. И опять Москва выставлялась, какъ близкая завѣтная цѣль. Гайда долженъ войти въ Москву первымъ!

Вскорѣ пріѣхалъ въ Екатеринбургъ и верховный правитель, который въ эти тяжелые дни старался личнымъ присутствіемъ помочь на фронтѣ. Къ приходу его поѣзда на станціи собрались всѣ высшіе чины, былъ построень почетный караулъ, пѣшая часть и какіе-то конные въ фантастической формѣ, что-то среднее между черкесской и кафтаномъ полковыхъ пѣвчихъ. Въ сторонѣ важно и неприступно прогуливался Гайда, изрѣдка подходя къ кому-либо изъ старшихъ начальниковъ и обмѣнива-

ясь короткими фразами. Очень интересный и показательный разговор был у меня с нимъ:

— «Что это за часть?» — спросилъ я, показывая на всадниковъ въ коричневыхъ кафтанахъ, расшитыхъ галунами.

— «То мой конвой.»

— «Что за оригинальная форма у нихъ?... Сами придумали?»

— «Нѣтъ. та форма, генераль, исторична.»

— «Это еще почему?»

— «Ибо всегда въ Руссиіи всѣ великіе люди, вашъ Императоръ. Николай Николаевичъ, всѣ имѣли коуказскій конвой. Я думаю, что, если войти въ Москву, то надо имѣть и мнѣ тоже такой конвой.»

— «Что же, они у васъ съ Кавказа набраны, ваши коуказскіе люди?»

— «Нѣтъ, мы беремъ здѣсь. только типъ чтобы близко подходилъ къ коуказскому...»

На носкахъ приблизился ординарецъ и почтительно доложилъ Гайдѣ:

— «Поѣздъ подходитъ, брата-генерале!»

Такъ было принято у Гайды, по-чешскому. Чтобы больше на демократа походить.

Подана команда «на-караулъ». Оркестръ играетъ «Коль славенъ». Изъ вагона выходитъ адмираль Колчакъ, слегка сторбленный, съ блѣднымъ исхудавшимъ лицомъ и остро-блестящими глазами, отъ бессонныхъ ночей на фронтѣ. Губы плотно сжаты, опустились углы ихъ, и около легли двѣ глубокія складки тяжелыхъ думъ. Рапортъ... Обходить ряды почетнаго караула, смотря, по своей привычкѣ, пристальнымъ взглядомъ въ лицо каждаго солдата.

— «Спасибо, братцы, за отличный видъ!»

— «Рады стараться, вашество-о-о...»

— «Я только-что объѣхалъ геройскіе полки Западной арміи; имъ трудно, на нихъ обрушились свѣжія части коммунистовъ. Но, дастъ Богъ, одолѣемъ враговъ Россіи. Надо только помочь нашимъ...»

— «Рады стараться, вашесто-о-о!» — гремитъ

отвѣтъ въ воздухѣ. И всѣ лица смотрять радостно и возбужденно.

Затѣмъ адмираль съ Гайдой и еще съ нѣсколькими лицами проѣхали въ штабъ арміи. Здѣсь начальникъ штаба, генераль Богословскій, сдѣлалъ оперативный докладъ по послѣднимъ сводкамъ; положеніе было таково, что само собою напрашивалось рѣшеніе. Западная армія нѣсколько отступила, и теперь Сибирская армія имѣла фронтъ впереди, сильно выдалась и какъ-бы нависла съ сѣвера на флангъ у красныхъ. Ударить отсюда сильно, — и полчища большевиковъ снова побѣгутъ къ Волгѣ.

Верховный правитель сдавался на это рѣшеніе, но снова зазвучалъ тихій, размѣренный и настойчивый голось Гайды, снова пошли увѣренія, что нельзя нарушать плана, что помощь Западной арміи гадательна, а здѣсь онъ навѣрняка-де возьметъ Казань и Вятку. И опять вопросъ остался нерѣшеннымъ.

Затѣмъ былъ смотръ корпуса, который формировался въ Екатеринбургѣ и составлялъ резервъ Гайды. Какъ курьезъ: въ него входилъ «безсмертный батальонъ имени генерала Гайды» съ коричневыми погонами и шифровкой на нихъ: «Б. Б. И. Г. Г.». У всего корпуса были нашивки на рукахъ «черно-красный уголь», какъ въ дни керенщины. Медленно и внимательно обходилъ адмираль Колчакъ всѣ части, держа все время руку у козырька фуражки; остро-пронзительно взглядывался онъ въ каждое лицо, какъ-будто хотѣлъ запомнить его, какъ-будто хотѣлъ передать свою волю, свою горячую любовь къ отечеству и желаніе спасти его. Послѣ обхода части прошли церемониальнымъ маршемъ. Видъ людей былъ хорошій, да и обмундированіе вполне сносное; подготовка еще не закончилась вполне, но для развитія успѣха вмѣстѣ со старыми частями, можно было послать и эти.

Послѣ обѣда у Гайды, въ его особнякѣ, верховный правитель, усталый до нельзя и отъ парада, и отъ стратегическихъ споровъ, уѣхалъ. Вопросъ о Сибирской арміи былъ рѣшенъ такъ, что она будетъ продолжать исполненіе своего прежняго плана, движенія на Вятку — Котласъ. Между прочимъ, Гаида въ этотъ день говорилъ лично мнѣ, что можетъ взять городъ Глазовъ (на этомъ

направленіи) въ любую минуту; дѣйствительно, тамъ было сосредоточено силы болѣе половины его арміи.

— «Что же вы не берете?»

— «Сейчасъ еще не своевременно. Прикажу взять, когда надо будетъ.»

По долгу русскаго офицера — я доложилъ объ этихъ словахъ Гайды адмиралу Колчаку. И снова горячо убѣждалъ его заставить хитраго чеха помочь нашей Западной арміи переходомъ въ энергичное наступленіе главными силами на югъ. Верховный правитель выслушалъ меня, печально кивая опущенной головой. Когда онъ поднятъ ее, я увидалъ впервые въ его глазахъ такое большое горе. И онъ тихо, не улыбаясь, произнесъ:

— «А вы знаете, что англійскій король прислалъ Гайдѣ, черезъ генерала Нокса, орденъ Бани?...»

И устало махнулъ рукой..

* * *

Бѣлая русская армія генерала Ханжина, не поддержанная Сибирской арміей Гайды и ослабленная двухмѣсячными боями, не смогла сдержатъ натиска большевиковъ, которые бросили всѣ свои силы на Волгу. Какъ разъ въ это время Гайда отдалъ приказъ своимъ войскамъ перейти въ наступленіе и занять городъ Глазовъ. Это было выполнено легко, почти безъ потерь. Но впечатлѣніе въ тылу получилось сильное, — еще бы, успѣхъ всегда даетъ радость, а особенно на фонѣ другихъ неудачъ!

Однако, большевики, навалившись на Западную армію, разбивъ ее наступленіе на Волгу и отгѣснивъ за рѣку Бѣлую, сосредоточили теперь ударъ своихъ главныхъ силъ на Сибирскую армію Гайды. И сейчасъ же вслѣдъ за взятіемъ Глазова, начались у него неудачи, которыя съ каждымъ днемъ принимали все болѣе болѣе размѣръ и обратились, наконецъ, въ катастрофу. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибирской арміи, подпавшей пропагандѣ чешскихъ и доморощенныхъ политикановъ, начались возстанія и переходъ на сторону большевиковъ; это сопровождалось, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, избіеніемъ многотраднаго русскаго офицерства.

Гайда использовалъ эти затрудненія по-своему. Онъ прислалъ въ Омскъ, минуя верховнаго правителя, прямо въ кабинетъ министровъ ноту, въ которой излагалъ, что причина неудачъ лежитъ не на немъ, а въ неумѣломъ руководствѣ арміями; онъ грозилъ, что дѣло погибнетъ, если не передадутъ управленіе всѣми русскими силами ему, Гайдѣ. Особенно онъ нападалъ на начальника штаба верховнаго правителя, на генерала Лебедева. Тонъ ноты былъ угрожающій, — что-де, если не подчинятъ всѣ арміи Гайдѣ, то онъ или уѣдетъ совсѣмъ, или повернетъ штыки своей арміи на Омскъ.

Тамъ поднялась большая тревога. Адмиралу Колчаку пришлось ѣхать самому въ Екатеринбургъ, на свиданіе съ Гайдой; оттуда оба они вернулись въ Омскъ. Здѣсь шли долгія колебанія, переговоры, а Сибирская армія въ это время отходила все дальше. Верховный правитель хотѣлъ прогнать Гайду, такъ какъ уже выяснились почти всѣ его закулисные замыслы и интриги, какъ равно и связь его съ чешскими политиками. Но, въ концѣ концовъ, адмиралъ не рѣшился на этотъ крайній шагъ и пошелъ на уступки. Гайдѣ была подчинена Западная армія — въ оперативномъ отношеніи.

Но дѣйствія приняли такой оборотъ, что черезъ два дня уже пришлось этотъ приказъ отменить. «Безсмертный батальонъ имени генерала Гайды» перешелъ на сторону большевиковъ; это печальное явленіе повторялось почти ежедневно на различныхъ участкахъ фронта Сибирской арміи. Неудача ея, вмѣсто обѣщанныхъ легкихъ успѣховъ, дѣйствовала удручающе на войска и на населеніе; а усиливавшаяся пропаганда большевиковъ и ихъ агентовъ въ Сибири, ввергла массы снова въ крайнее нервное состояніе, полное волненій и броженія. Этимъ и объясняются измѣны воинскихъ частей и переходъ ихъ на сторону большевиковъ. Все это происходило какъ разъ въ то время, когда внутреннее положеніе въ сосѣдней Западной арміи, командованіе которой въ тѣ тяжелые дни адмиралъ Колчакъ возложилъ на меня, — становилось все прочнѣе; чисто-народное движеніе противъ большевиковъ увеличивалось тамъ съ каждымъ

днемъ. И въ моей арміи не было ни одного случая измѣны.

Сибирская армія, такъ недавно еще сильная и многочисленная, таяла и исчезала. Кромѣ указанныхъ выше причинъ, много способствовало этому безостановочное отступленіе, почти безъ попытокъ образовать резервы и переходомъ въ наступленіе остановить натискъ красныхъ. Безъ боевъ была оставлена Пермь съ заводами, съ потерей огромнаго количества снабженія, складовъ, съ потерей всей нашей рѣчной флотиліи. Эта безнадежность, вытекающая изъ полнаго неумѣнія и неспособности фармацевта-генерала, дѣйствовала на Сибирскія части все хуже и хуже.

Въ эти дни верховный правитель рѣшилъ устранить отъ командованія Гайду и замѣнить его другимъ лицомъ. Гайда пытался противодѣйствовать, выступилъ снова съ угрозами, отказался подчиниться. Тогда адмиралъ Колчакъ издалъ приказъ объ увольненіи Гайды въ отставку, съ лишеніемъ его права носить русскій мундиръ.

Въ особомъ поѣздѣ, увозя всѣ свои цѣнности, въ сопровожденіи близкихъ ему клеветовъ, подъ покровительствомъ чешскаго національнаго комитета и француза Жанена — выѣхалъ авантюристъ Гейдль, мнящій Омскъ, во Владивостокъ. И тамъ засѣлъ онъ до осени.

* * *

Мы справились въ тѣ дни съ бѣдой. Сибирь, — эта страна неизсякаемыхъ источниковъ, страна будущаго, — дала силы, а русская выдержка все переборола. вмѣстѣ съ отходомъ вглубь Сибири, мы производили необходимыя реформы, пополняли свои ряды и готовились къ новому періоду нашей отечественной борьбы.

Въ тотъ 1919 годъ въ Сибири была очень мягкая и запоздалая осень. Золотые дни, румяные закаты, нѣжные зори, и даже ночи были теплыя. лишь съ легкимъ дыханіемъ приближающейся зимы. Необозримыя поля западной Сибири убѣгали къ блѣдно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-золотыми колосьями созрѣвшихъ хлѣбовъ. Урожай былъ тогда повсюду

на рѣдкость обильный. Теплая, сухая осень, напоминала собою весну, и была очень подходящимъ временемъ для широкихъ активныхъ дѣйствій.

Наши арміи снова перешли въ наступленіе и ударили по большевикамъ. Весь сентябрь и начало октября, безъ перерыва, мы успѣшно атаковали красныхъ и разбили въ рядѣ боевъ ихъ силы. Армія, — дѣйствовавшая на главномъ направленіи, вдоль желѣзной дороги Челябинскъ — Уфа — Самара, была подъ моимъ командованіемъ. Три корпуса ея гнали въ теченіе сентября красныхъ отъ рѣки Ишима до Тобола, преслѣдовали ихъ на протяженіи, болѣе 200 верстъ. Операціи закончились полнымъ успѣхомъ. Но дались юнѣ намъ не легко, потери убитыми и ранеными почти обезкровили мою армію. Мы были принуждены, прогнавъ красныхъ за Тоболь, остановиться на этомъ рубежѣ, чтобы пополниться, дать частямъ отдыхъ и снабдить ихъ теплой одеждой для предстоящаго зимняго похода.

Въ штабѣ моей арміи поступали свѣдѣнія о состояніи большевиковъ въ тѣ дни: ихъ полкъ, во время ученья за Тоболомъ, разбѣжался при появленіи кучки конныхъ, принятыхъ красными за нашихъ казаковъ. А плѣнные красноармейцы и перебѣжчики отъ нихъ люказывали въ одинъ голосъ:

— «Вся красная армія рѣшила, что, коли бѣлые будутъ дальше гнать, дойдемъ до Челябинска съ боями, а тамъ всѣ разсыпемся, разбѣжимся и комиссаровъ перебьемъ...»

Опять былъ моментъ перегиба исторіи. Поддержки насъ чешскіе легіонеры, хотя бы одной дивизіей, хотя бы всего десятью тысячами изъ пятидесяти, — то красныхъ не существовало бы, не было бы и угрозы III-го интернаціонала надъ всѣмъ міромъ. Русскій народъ былъ бы освобожденъ отъ кровавой его диктатуры. Но облѣбнившіяся и заплывшія жиромъ банды чеховъ предпочитали сидѣть въ тылу, охраняя съ оружіемъ въ рукахъ наворованное добро.

А большевики, понимая опасность создававшегося положенія, всѣ силы направили противъ насъ, бросили все, что было свободнаго въ резервахъ, снимая части съ дру-

гихъ фронтовъ. Въ срединѣ октября начались снова ожесточенные кровопролитные бои. Моя армія, не успѣвшая получить пополненій, таяла съ каждымъ днемъ. Наконецъ, на четвертый день непрерывныхъ боевъ, краснымъ удалось переправиться черезъ Тоболь, прорвавъ растянутый фронтъ нашего лѣваго фланга. Нестерпимо-мучительно было переживать тѣ дни, когда кучки нашихъ храбрецовъ, только-что совершившихъ побѣдоносный маршъ къ Тоболу, были принуждены изъ-за халатности тыла и преступнаго предательства, отступать снова на востокъ.

Весь октябрь и ноябрь шли неравные бои. Большевики не потеряли времени даромъ. Они влили въ свои ряды пополненія, усилились свѣжими частями и были числомъ сильнѣе насъ во много разъ. Наши бѣлыя арміи отходили все болѣе на востокъ, отбиваясь на каждомъ рубежѣ, терпя жестокаго лишенія. Начиналась сибирская зима, а наши части были только на половину снабжены теплыми вещами и полушубками. Зато чешскіе склады и вагоны ложились отъ награбленнаго русскаго сукна, обмундированія и теплыхъ вещей.

15 ноября большевики заняли Омскъ, бывшій все время столицей правительства адмирала Колчака. Подъ прикрытіемъ отступающей арміи, спѣшно производилась эвакуація на востокъ въ поѣздахъ по желѣзной дорогѣ всѣхъ раненыхъ, больныхъ, семей офицеровъ и добровольцевъ, а также и военныхъ грузовъ.

Нашъ планъ заключался теперь въ томъ, чтобы уйти на зиму въ восточную Сибирь, спасти кадры арміи и удержать ими на зиму фронтъ въ дефиле, примѣрно, на линіи Маринска. Въ теченіи зимы провести рѣшительныя мѣры для водворенія порядка въ тылу, извлечь изъ него всѣ боеспособные элементы, пополнить ряды арміи, и весной 1920 года повести новое, рѣшительное наступленіе на Волгу, для освобожденія Москвы.

Планъ этотъ былъ тѣмъ выполнимѣе, что массы населенія Россіи и Сибири, познавшія на себѣ всю жестокость и всю нежизненность большевицкаго режима, оказывали намъ свою полную поддержку. Для выполненія этого плана, въ рукахъ отечественныхъ русскихъ силъ были

три данныхъ, три основы: живая сила арміи, выдержавшей всѣ испытанія, ея вождь, адмираль Колчакъ, вѣра въ котораго не поколебалась до конца, и государственное русское золото, поѣздъ котораго, тридцать полныхъ вагоновъ, сопровождалъ адмирала.

И всѣ эти послѣднія русскія цѣнности были погублены предательствомъ чешскихъ легионовъ.

VI. Чешское предательство.

(Ноябрь 1919 — Февраль 1920)

Какъ испуганное стадо животныхъ, кинулись панически на востокъ чешскія воинскія части при первыхъ серьезныхъ неудачахъ на нашемъ фронтѣ, когда русскія арміи отступили за Омскъ. Разнузданные солдаты чешскихъ легионовъ, доведенные пропагандой чешскаго національнаго комитета и потакательствомъ ихъ главнокомандующаго Жанена — почти до степени большевиковъ, — силой и угрозами оружія отбирали паровозы отъ нечешскихъ эшелоновъ.

Наиболѣе труднымъ участкомъ желѣзной дороги сдѣлался узелъ станціи Тайга; на магистраль здѣсь выходила Томская вѣтка, на которой была расположена самая худшая изъ трехъ чешскихъ дивизій — 2-ая. Ни одинъ поѣздъ не могъ пройти восточнѣе станціи Тайга. На востокъ отъ нея двигались безконечной лентой исключительно одни чешскіе эшелоны, увозившіе не только откормленных на сибирскихъ хлѣбахъ, здоровыхъ и сильныхъ мужчинъ, дезертировъ и военно-плѣнныхъ, но и награбленное ими на многія сотни миллионовъ долларовъ русское имущество. Число чешскихъ эшелоновъ было непомѣрно велико, — надо вспомнить, что на 50.000 чеховъ было ими захвачено свыше 20.000 вагоновъ.

Западнѣе станціи Тайга образовалась желѣзнодорожная пробка, которая съ каждымъ днемъ увеличивалась. Изъ русскихъ эшелоновъ, стоявшихъ западнѣе Новониколаевска, раздавались мольбы, а затѣмъ поцеслись во-

пти о помощи, о присылкѣ паровозовъ. Помимо риска попасть въ лапы красныхъ, вставала угроза смерти въ потопленнхъ вагонахъ отъ голода. Завывала свирѣпая сибирская пурга, усиливая и безъ того крѣпкій морозъ. На маленькихъ разъѣздахъ и на перегонахъ между станціями стояли десятки эшелоновъ съ ранеными и больными, съ женщинами, дѣтьми и стариками. И не могли ихъ продвинуть впередъ, не было даже возможности подать имъ хотя бы продовольствіе и топливо. Положеніе становилось поистинѣ трагическимъ: тысячи страдальцевъ русскихихъ, обреченныхъ на смерть, — а съ другой стороны, десятки тысячъ здоровыхъ чеховъ, стремящихся цѣною жизни русскихихъ спасти свою шкуру.

Командиръ чешскаго корпуса — Янъ Сыровой — уѣхалъ въ Красноярскъ, ихъ главнокомандующій, глава Французской миссіи, генераль-лейтенантъ Жанень, сидѣлъ уже въ Иркутскѣ. Всѣ мѣропріятія русскаго министра путей сообщенія, инженера Устругова, — не смотря на его кипучую дѣятельность и полную самоотверженность на самыхъ трудныхъ мѣстахъ, — оставались безрезультатными. Одичавшая отъ страха чешская толпа дезертировъ продолжала безчинствовать. На телеграммы адмирала Колчака къ Сыровому и Жанену съ требованіемъ прекратить гнусныя безобразія чешскаго корпуса, — оба отвѣчали, что они безсильны остановить «стихийное» движеніе. Янъ Сыровой вскорѣ принялъ недопустимо наглый тонъ, примѣшивая къ своимъ отговоркамъ обвиненія русскаго правительства въ его «реакціонности и недемократичности».

Въ тѣ дни начала декабря 1919 года наступило для русскихихъ людей и армій самое тяжелое время. Всѣ усилія, жертвы и подвиги за весну, лѣто и осень въ борьбѣ съ краснымъ интернаціоналомъ были подвергнуты страшному испытанію. И мы вышли бы изъ него съ успѣхомъ, если бы не этотъ предательскій ударъ въ спину отъ «братушекъ»-чеховъ... Ударъ этотъ былъ нанесенъ въ самый критическій моментъ. Это, поистинѣ, кашпово дѣло корпуса чешскихъ легіонеровъ. Новый «анабазисъ!...»

Вотъ, краткое описаніе со словъ очевидца происхо-

дившей тогда трагедіи на желѣзной дорогѣ къ западу отъ станціи Тайга.*)

«Длинной лентой между Омскомъ и Новониколаевскомъ вытянулись эшелоны съ бѣженцами и санитарные поѣзда, направлявшіеся на востокъ. Однако, лишь нѣсколько головныхъ эшелоновъ успѣли пробиться до Забайкалья, всѣ остальные безнадежно застряли въ пути.

Много беззащитныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей были перебиты озвѣрѣвшими красными, еще болыше замерзло въ нетопленныхъ вагонахъ и умерло отъ истощенія или стали жертвой сыпного тифа. Немногимъ удалось спастись изъ этого ада. Съ одной стороны надвигались большевики, съ другой лежала безконечная, холодная Сибирская тайга, въ которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи.

Постепенно замирала жизнь въ этихъ эшелонахъ смерти. Затихали стоны умирающихъ, обрывался дѣтскій плачь, и умолкало рыданіе матерей.

Безмолвно стояли на рельсахъ красные вагоны — саркофаги, со своимъ страшнымъ грузомъ, тихо перешептывались могучими вѣтвями вѣковая сибирскія ели, единственные свидѣтели этой драмы, а вьюги и бураны напѣвали надъ безвременно погибшими свои надгробныя пѣсни и заматали ихъ своимъ бѣлымъ саваномъ.

Главными, если не единственными виновниками всего этого непередаваемого ужаса были чехи.

Вмѣсто того, чтобы спокойно оставаться на своемъ посту и пропустить эшелоны съ бѣженцами и санитарные поѣзда, чехи силою стали отбирать у нихъ паровозы, сгнали всѣ цѣлые паровозы на свои участки, и задерживали всѣ, слѣдовавшіе на западъ. Благодаря такому самоуправству чеховъ, весь западный участокъ желѣзной дороги сразу же былъ поставленъ въ безвыходное полуженіе.»

Русскій народъ проклялъ тогда чеховъ, совершавшихъ это позорное кайново дѣло.

*) Статья «Чехо-словаки» въ газетѣ «Дѣло Россіи», Токио, 1920, № 14.

Верховный правитель, адмиралъ Колчакъ, пытался все время остановить безобразія легіонеровъ. Ихъ главарю Сыровому было заявлено, что, если чехи не перестанутъ своевольничать, то русское командованіе пойдетъ на самыя крайнія мѣры. Одновременно командирующему войсками Забайкальскаго военнаго округа, генералу атаману Семенову былъ посланъ шифрованной телеграммой приказъ — занять всѣ тоннели на Кругобайкальской желѣзной дорогѣ: а въ случаѣ, если чехи не измѣнятъ своего образа дѣйствій, не прекратятъ своеволій, будутъ также панически-нагло рваться на востокъ, — то приказывалось одинъ изъ тоннелей взорвать. На такую крайнюю мѣру верховный правитель пошелъ потому, что чаша русскаго терпѣнія переполнилась: чешскіе полки начали пускать въ дѣло оружіе, отнимая всѣ паровозы, не пропускающая теперь ни одного поѣзда, кромѣ своихъ на востокъ — въ своемъ стремленіи удрать скорѣе къ Тихому океану.

«Мотивы предательства чехами эшелоновъ съ русскими бѣженцами, т. е. съ ранеными, больными и семьями офицеровъ и добровольцевъ, будутъ понятны, если мы обратимся къ цифрамъ,» — пишетъ*) одинъ изъ авторитетныхъ очевидцевъ, генералъ-лейтенантъ***. — «Цифры же говорятъ намъ слѣдующее: болѣе 50 процентовъ имѣвшагося въ рукахъ чеховъ подвижнаго состава было занято подъ запасы и товары, правдами и неправдами приобрѣтенные ими на Волгѣ, Уралѣ и въ Сибири. Для эвакуаціи этихъ запасовъ были захвачены чехами всѣ паровозы. Тысячи русскихъ гражданъ, женщинъ и дѣтей были обречены на гибель ради этого проклятаго движимаго имущества чеховъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что русской кровью пропитанъ каждый фунтъ кофе, каждый кусокъ хлѣба и тюкъ товара, вывезенные изъ Сибири въ Чехію».

Но этого мало. Чехамъ, для завершенія ихъ дьявольскаго плана было необходимо предать на уничтоженіе и русскую государственность, т. е. власть адмирала Колчака, признанную въ то время всею національною Россіей;

*) «Чешскіе аргонавты въ Сибири», Токио, 1921, стр. 19.

имъ надо было погубить и русскую армію. Для этого чешскимъ національнымъ комитетомъ были организованы въ тылу арміи возстанія.

Первое возстаніе было поднято во Владивостокѣ (17 ноября 1919 года). Гайда, этотъ герой темныхъ интригъ, жившій во Владивостокѣ въ отдѣльномъ вагонѣ, подъ особымъ покровительствомъ нѣкоторыхъ «союзныхъ» миссіи и чешскихъ политикановъ, — сформировалъ штабъ, собралъ банды чеховъ и русской голытьбы, главнымъ образомъ, портовыхъ рабочихъ, и поднялъ бунтъ, открытое вооруженное возстаніе. Самъ Гайда появился въ генеральской шинели, опять безъ погонь, призывая всѣхъ къ оружію за новый лозунгъ: «Довольно гражданской войны. Хотимъ м и р а!»

Средство, испытанное Ленинымъ и Троцкимъ еще осенью 1917 года, приведшее къ развалу русской арміи...

Но на другой же день около Гайды появились «товарищи», его оттерли на второй планъ, какъ лишь нужную имъ на время куклу. Были выкинуты лозунги: «Вся власть совѣтамъ! Да здравствуетъ російская социалистическая федеративная совѣтская республика!»

На третій день бунтъ былъ усмиренъ учебной инструкторской ротой, прибывшей съ Русскаго Острова; банды разсѣяны, а Гайда, съ нѣкоторыми изъ его сотрудниковъ, арестованы. Да и не представлялось труднымъ подавить это возстаніе, такъ какъ оно не встрѣтило ни у кого поддержки. Народныя массы Владивостока были поголовно противъ бунтовщиковъ.

Адмиралъ Колчакъ послалъ телеграмму-приказъ: судить всѣхъ измѣнниковъ, и въ томъ числѣ Гайду, военно-полевымъ судомъ, причемъ, въ случаѣ присужденія кого-либо изъ нихъ къ каторжнымъ работамъ, верховный правитель, на основаніи его права, въ той же телеграммѣ повышалъ это наказаніе — до разстрѣла.

«Чехи, для выручки своего агента,» — пишетъ генералъ-лейтенантъ***, — «прибѣгли къ излюбленному шантажному приему — запугиванію союзниковъ и Розанова возможнымъ вооруженнымъ выступленіемъ чешскихъ солдатъ на выручку Гай-

ды.»*) И, къ сожалѣнію, командовавшій тогда Приморскимъ военнымъ округомъ, генераль Розановъ, проявилъ излишнюю непонятную мягкость, приказа не выполнилъ, а донесъ по телеграфу, что долженъ былъ, вѣлѣдствіе требованія союзныхъ миссій, передать Гайду и его начальника штаба, чеха Гусарека чехамъ, на поруку ихъ генерала Чечека.

Когда владивостокскія газеты отозвались о Гайдѣ по его заслугамъ, какъ о трусѣ и авантюристѣ самой низкой марки: о томъ, что онъ оставилъ свою родину австрійскимъ фельдшеромъ съ нѣсколькими кронами въ карманѣ, а возвращается теперь туда чешскимъ генераломъ и очень богатымъ человѣкомъ; что, видимо, чехи имѣютъ понятіе о доблести и чести совсѣмъ иное, чѣмъ всѣ прочіе люди, — то дипломатическій представитель Чехо-словакии выступилъ съ требованіемъ прекратить нападки на Гайду, — ввиду его «прежнихъ заслугъ передъ Россіей...»

На это въ русскихъ газетахъ былъ данъ отвѣтъ, что заслугъ за Гайдой передъ Россіей не числится. Но, если бы даже такія заслуги и были въ прошломъ, — ...то не слѣдуетъ забывать, что до своего предательства и Іуда Искаріотъ былъ апостоломъ Спасителя...

Чтобы покончить съ этимъ печальнымъ и гнуснымъ эпизодомъ, остается упомянуть, что руководителемъ всего заговора былъ Гирса. Чешскій штабъ снабжалъ заговорщиковъ оружіемъ и снаряженіемъ. Для своей пропаганды и на расходы по возстанію Гайда сумѣлъ мошенническимъ путемъ, при помощи подложнаго ордера, получить изъ русской кредитной канцеляріи 300.000 іеньв. **) Докторъ Гирса, состоявшій официальнымъ представителемъ новорожденной Чехо-словацкой республики при Омскомъ правительствѣ, послалъ послѣ паденія Омска Гайдѣ во Владивостокъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Н а ч и н а й т е , в с е г о т о в о.»

Все относится къ тому, что Бенешъ въ своей книгѣ (см. стр. 69), отмѣчаетъ, какъ особыя заслуги чеховъ въ

*) «Чешскіе аргонавты въ Сибири». Токио, 1921, стр. 17.

**) «Чешскіе аргонавты въ Сибири». Токио, стр. 15.

Сибири, на которыхъ всего лучше обнаружился «геній ихъ, чешской, расы.»

Почти одновременно съ возстаніемъ во Владивостокѣ. появился такъ называемый меморандумъ чеховъ, за подписями доктора Гирса и Б. Павлу, — обращенный ко всѣмъ «союзнымъ правительствамъ». Болѣе наглаго вмѣшательства въ чисто-русскія внутреннія дѣла нельзя себѣ представить. Чехи, т. е. тѣ, кто проявилъ себя какъ воры, трусы и дезертиры, говорили въ этомъ меморандумѣ языкомъ законности и высшаго права, они надѣли маску гуманности — и требовали или вывоза ихъ на родину или «предоставленія имъ свободы воспрепятствованія безправію и преступленію, съ какой бы стороны они не исходили»...

Въ началѣ меморандума. эти обогатившіеся русскимъ добромъ и золотомъ политическіе шуллера обращаются къ «союзнымъ державамъ съ просьбой о совѣтѣ, какимъ образомъ чехо-словацкая армія могла бы обезпечить собственную безопасность и свободное возвращеніе на родину. вопросъ о чемъ разрѣшенъ съ согласія всѣхъ союзныхъ державъ...»

Далѣе говорится о произволѣ русскихъ военныхъ органовъ, объ «обычномъ явленіи разстрѣловъ безъ суда представителей демократіи по простому подозрѣнію въ политической неблагонадежности», «объ отвѣтственности за все это передъ судомъ народовъ всего міра. почему мы, имѣя вооруженную силу, не воспротивились этому беззаконію...»

Это точныя цитаты изъ документа. И все въ нихъ — отъ начала и до конца — ложь, даже касательно разстрѣловъ такъ называемой русской демократіи, т. е. полубольшевицковъ и имъ сочувствующихъ.

Къ сожалѣнію, это было не такъ, — ибо, если бы, дѣйствительно, это широко примѣнялось, то былъ бы живъ до сихъ поръ нашъ вождь, адмиралъ Колчакъ, существовала бы его армія и сумѣла бы она освободить многострадальную Россію отъ кровавыхъ натисковъ интернаціонала. И тогда чехи, дѣйствительно, стояли бы передъ судомъ народовъ міра, но за воровство, за преда-

тельство, за насилія и убійства безоружныхъ.

Во всемъ меморандумѣ, правда, лишь въ его началѣ, — а именно, въ просьбѣ совѣта, какимъ образомъ чешскимъ эшелонамъ выбраться изъ Сибири на родину и вывезти всѣ захваченныя богатства. Цѣль же меморандума была одна — оправдать заранѣе участіе чешскихъ войскъ въ мятежныхъ и измѣнническихъ возстаніяхъ.

И цѣль этихъ гнусныхъ предательствъ чеховъ продолжалась. Генераль-лейтенантъ*** пишетъ объ этомъ такъ:*)

«Чехи лгутъ, ссылаясь на стихійность всего происшедшаго. Хаосъ на Сибирской желѣзной дорогѣ былъ созданъ самими же чехами, притомъ совершенно преднамѣренно, по заранѣе разработанному плану.

Какъ ни тяжело сложилась обстановка на желѣзной дорогѣ, но значительную часть погибшихъ эшелоновъ спасти все же было возможно.

Начать съ того, что, лю мѣстнымъ условіямъ, большевики не могли наступать быстро, тѣмъ болѣе, что уцѣлѣвшія части Сибирской арміи далеко не потеряли своего высокаго воинскаго духа.

Войска, совершившія въ 40-градусный морозъ легендарный походъ черезъ всю Сибирь и дошедшія до Забайкалья, не будь у нихъ въ тылу анархіи, созданной чехами, конечно, смогли бы оказать наступленію красныхъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе. Независимо отъ сего, въ Новониколаевскѣ находилась вполнѣ боеспособная и дисциплинированная польская дивизія. Большевицкіе отряды вдоль линіи желѣзной дороги были сравнительно немногочисленны. Здоровые, сытые чехи, имѣвшіе броневые поѣзда, безъ особаго труда могли обезпечить желѣзную дорогу отъ ихъ нападений. Что касается до возстаній въ Красноярскѣ и Иркутскѣ, то послѣднія были организованы при ближайшемъ содѣйствіи самихъ чеховъ.»

Чтобы обезпечить свой выѣздъ изъ Сибири со всѣмъ

*) «Чешскіе аргонавты въ Сибири». Токио, 1921, стр. 19.

награбленнымъ имуществомъ, золотомъ и деньгами, чехамъ было необходимо свалить правительство адмирала Колчака и помочь большевикамъ уничтожить русскую армію.

Къ великому несчастью адмиралъ Колчакъ тогда продолжалъ все еще относиться съ довѣріемъ къ военному представителю Франціи, генералу Жанену. Онъ далъ себя уговорить и, вопреки настойчивому предупрежденію своихъ ближайшихъ помощниковъ, отдѣлился отъ арміи, поѣхалъ впередъ съ пятью поѣздами, одинъ изъ которыхъ былъ пелонъ золотого російскаго государственнаго запаса. Адмиралъ сдѣлалъ величайшую ошибку, за которую заплатилъ жизнью своей, а мы разгромомъ нашихъ силъ.

Чехи пропустили поѣзда адмирала на востокъ, но уже за Красноярскомъ были допущены только два поѣзда. И сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ въ этомъ городѣ было поднято возстаніе съ тѣмъ же лозунгомъ, что и во Владивостокѣ: «Довольно гражданской войны!...» Этимъ возстаніемъ адмиралъ былъ отрѣзанъ отъ арміи.

Когда поѣзда адмирала Колчака подошли къ станціи Нижнеудинскъ, то они оказались окруженными чешскими ретами съ пулеметами. Это произошло 18 декабря 1919 года. Небольшой конвой адмирала приготовился къ бою. Но верховный правитель Россіи запретилъ предпринимать что-либо до окончанія переговоровъ. Онъ хотѣлъ лично говорить съ Жаненомъ.

Напрасно штабъ адмирала добивался этого «высокаго представителя союзной страны», дѣлая попытки пригласить его къ прямому проводу. Жанену было некогда. Онъ не могъ выбрать времени, чтобы переговорить съ верховнымъ правителемъ Россіи! Жанень стремился скорѣе выѣхать изъ Иркутска на востокъ.

Въ Иркутскѣ самомъ, послѣ выступленія чеховъ противъ Колчака, власть, съ ихъ же опять-таки помощью, была захвачена полу-большевиками, подъ названіемъ «Политическій центръ». Вѣрныя правительству войска послѣ двухдневныхъ боевъ на улицахъ города были принуждены отступить на востокъ, въ виду явно угрожаемаго по-

ложенія, занятого легіонерами. Чехи предательски напали на отрядъ генерала Скипетрова, посланный изъ Читы атаманомъ Семоновымъ на помощь Иркутску. Чехи, окруживъ этотъ отрядъ, обезоружили его; причемъ въ награду себѣ за это новое предательство, они присвоили денежный ящикъ отряда.

Жаненъ прислалъ адмиралу Колчаку телеграмму, въ которой, среди обычныхъ учтивостей, онъ просилъ адмирала — для его же благополучія — подчиниться неизбежному и отдаться подъ охрану чеховъ. Иначе онъ, генералъ Жаненъ, снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Какъ вѣскій аргументъ, для убѣжденія адмирала и его приближенныхъ, въ телеграммѣ Жанена было высказано, что адмиралъ Колчакъ будетъ охраняться чехами подъ гарантіей пяти великихъ державъ. Въ знакъ чего на окна вагона, — единственного, который чехи ему и свитѣ предоставили, — были по приказу Жанена навѣшаны пять флаговъ: великобританскій, японскій, американскій, чешскій и французскій.

Конвой верховнаго правителя былъ распущенъ. Охрану несли чехи. Но, понятно, это была не почетная охрана вождя, а унижительный карауль плѣнника.

Одинъ изъ современниковъ и участниковъ большой сибирской драмы, который можетъ стоять внѣ подозрѣній въ реакціонности и анти-демократичности, такъ рассказываетъ объ этомъ предательствѣ: *)

«Возстаніе въ Иркутскѣ началось, когда Жаненъ и чехи рѣшили избавиться отъ адмирала Колчака и замѣнить его эсъ-эровской властью. Цѣль ихъ была — дать чехамъ возможность безконтрольно вывезти изъ Россіи ихъ имущество и цѣнности. Еще разъ, наканунѣ своего ареста въ Нижнеудинскѣ, адмиралъ Колчакъ послалъ во Владивостокъ телеграфный приказъ о провѣркѣ огромнаго имущества, товаровъ и цѣнностей, вывозимыхъ чехами на родину. Никакихъ переговоровъ Жаненъ о пропускѣ вагона адмирала Колчака не велъ, да и надобности не

*) А. Гутманъ-Ганъ. «Бѣлое дѣло», т. III, стр. 173-179.

пмѣль, такъ какъ вся магистраль восточнѣе Иркутска была въ его рукахъ.»

Поѣздъ съ вагономъ адмирала Колчака и золотой запасъ медленно подвигались на востокъ. На станціи Черемхово, гдѣ находятся большія каменно-угольные копи, была сдѣлана первая попытка со стороны большевиковъ овладѣть этими обѣими цѣнностями. Большевики-работчіе, уже вооруженные къ тому времени съ помощью чеховъ, захватили власть въ Черемхово и потребовали выдачи имъ адмирала Колчака и золота. Чешскому коменданту было предписано свыше уладить этотъ инцидентъ и пойти на компромиссъ, допустивъ къ участию въ охранѣ также и отрядъ рабочей красной гвардіи.

Когда подъѣзжали къ Иркутску, тотъ же чехъ-комендантъ поѣзда предупредилъ нѣкоторыхъ офицеровъ изъ свиты адмирала, чтобы они уходили, такъ какъ дѣло безнадежно. На вопросъ, какая же именно грозитъ опасность, отвѣта не было дано. А когда адмираль потребовалъ этого отвѣта, то чешскій комендантъ попросту уклонился и доложилъ, что ему ничего неизвѣстно, что генераль Сыровой ведетъ переговоры по прямому проводу съ Жаненомъ, находящимся на станціи Байкаль.

Въ полной неизвѣстности прошла ночь. Утромъ вагонъ съ адмираломъ былъ поданъ на станцію Иркутскъ и поставленъ на запасномъ пути на задній тупикъ. По словамъ сопровождавшихъ адмирала лицъ — чувствовалось, что нависло что-то страшное, молчаливое и тяжелое, какъ самое гнусное преступленіе. Верховный правитель, увидавъ на путяхъ станціи Иркутскъ японскій эшелонъ, послалъ туда съ запиской своего адъютанта, старшаго лейтенанта Трубочанинова; но чехи задержали его, вернули въ вагонъ и не дали возможности исполнить порученіе. Японцы не предприняли ничего, такъ какъ они вѣрили заявленію генерала Жанена, что охрана чеховъ надежная и, что адмираль Колчакъ будетъ въ безопасности вывезенъ на востокъ. Это заявленіе мнѣ лично было сдѣлано спустя нѣсколько мѣсяцевъ со стороны японскихъ официальныхъ лицъ.

Чины свиты адмирала Колчака такъ передаютъ дальнѣйшій ходъ событій:

Около 4 часовъ дня чешскіи офицеръ явился къ адмиралу и заявилъ, что рѣшено выдать его революціонному правительству Иркутска.

— «Почему?!» — спросилъ адмираль Колчакъ, и его пылающіе глаза смотрѣли прямо на чеха. Тотъ опустилъ свой взоръ и забѣгалъ имъ по сторонамъ.

— «Революціонныя власти Иркутска ставятъ выдачу Васъ условіемъ пропуска всѣхъ чешскихъ эшелоновъ за Иркутскъ. Я получилъ приказъ о Вашей выдачѣ отъ нашего генерала Сырового...»

— «Но какъ же, мнѣ генераль Жаненъ гарантировалъ безопасность?... А эти флаги?!» — показалъ адмираль Колчакъ на молча и убого висѣвшіе флаги — великобританскіи, японскіи, американскіи, чешскіи и французскіи...

Чехъ молчалъ, потупясь въ землю, не смѣя поднять глазъ.

— «Значить, союзники меня предали!» — вырвалось у адмирала.

Черезъ нѣкоторое время въ вагонъ вошли представители этой новой революціонной власти, полубольшевики, въ сопровожденіи конвоя отъ своей красной гвардіи. Чехи передали имъ верховнаго правителя Россіи. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ адмирала Колчака повели пѣшкомъ въ городскую тюрьму города Иркутска. Туда же отправили и его премьеръ-министра Пепеляева.

«Революціонная власть города Иркутска торжественно заявила, что она назначаетъ чрезвычайную комиссію для разслѣдованія преступленій адмирала Колчака и его премьеръ-министра Пепеляева, виновныхъ въ преслѣдованіи демократіи и въ потокахъ пролитой крови.»

А. Гутманъ-Ганъ опредѣляетъ, что «голова адмирала Колчака была залогъ въ рукахъ чеховъ.» Искусная инсценировка «народныхъ возстаній съ помощью эсъ-эровъ (полубольшевиковъ) была проведена чехами, чтобы генераль Жаненъ могъ представить верховнымъ союзнымъ комиссарамъ безспорные факты народной воли, требующей

сверженія бѣлой диктатуры.» Гутманъ-Ганъ устанавливаетъ, что Жанонъ и чехи были связаны между собой общностью интересовъ и солидарностью дѣйствій.

Со стороны большевиковъ, — которыхъ никто не можетъ заподозрѣть въ единомыслии съ нами, бѣлыми, — есть также свидѣтельства низости и подлога предательства чеховъ. Предсѣдатель Иркутскаго революціоннаго комитета Ширямовъ, пишетъ: «Голова адмирала Колчака должна была служить выкупомъ за свободный уходъ чеховъ на востокъ.»

Другой, еще болѣе видный большевикъ, предсѣдатель Сибирскаго революціоннаго комитета Смирновъ, въ его книгѣ «Борьба за Уралъ и Сибирь», приводит договоръ, заключенный между нимъ и чешскимъ командованіемъ на станціи Куйтунъ въ 9 часовъ утра, 7 февраля 1920 года. Пунктъ 5-й этого договора гласилъ:

«Чешскія войска оставляютъ адмирала Колчака и его сторонниковъ, арестованныхъ иркутскимъ революціоннымъ комитетомъ, въ распоряженіе совѣтской власти, подъ охраной совѣтскихъ войскъ и не вмѣшиваются въ распоряженія совѣтской власти по отношенію къ арестованнымъ.»

Въ тотъ же день Смирновъ послалъ въ Иркутскъ телеграмму съ приказомъ разстрѣлять адмирала Колчака. Большевикъ Смирновъ говоритъ объ этомъ такъ: *) «Насъ отдѣляло отъ нашихъ товарищей въ Иркутскѣ пятисотверстное разстояніе. Какимъ же образомъ намъ удалось сноситься съ осажденными въ Иркутскѣ товарищами? И даже по такому щекотливому вопросу, какъ судьба верховнаго правителя? Къ немалому нашему удивленію чешское командованіе, давая нашей делегаціи проводъ для сообщенія въ Иркутскъ о ходѣ мирныхъ переговоровъ, не чинило препятствій къ передачѣ вышеуказанной телеграммы Иркутскому революціонному комитету о разстрѣлѣ адмирала Колчака.»

Докторъ Гирса и Богданъ Павлу взывали къ суду народовъ всего міра, готовясь къ этому правовому и подлomu преступленію, замысливъ уже его.

*) Смирновъ. «Борьба за Уралъ и Сибирь», стр. 311.

Характерно, что новая власть в Иркутскѣ, которой чехи предали адмирала Колчака и русскій золотой запасъ, образовала такъ называемый «политическій центръ» — изъ харьковскаго шибера Фельдмана, Косминскаго и поручика-дезертира. Первое распоряженіе этой новой опереточной всероссійской власти, опиравшейся на чешскіе штыки, былъ приказъ ихъ министра финансовъ Патушинскаго, переданный по телеграфу управляющему Владивостокской таможней Ковалевскому: «Безпрепятственно и безъ всякаго досмотра пропустить къ погрузкѣ на пароходы все, что пожелаютъ вывезти чехи, въ виду ихъ заслугъ передъ Россіей.»

Вѣдь все это факты документальныя! А создатели чехо-словацкой республики и новой чехо-словацкой націи, при жизни вознесшіе другъ друга въ «великіе», Масарыкъ и Бенешъ, не только умалчиваютъ о нихъ, но ложью вводятъ общественность въ обманъ.

Впослѣдствіи, уже дойдя до Владивостока и готовясь къ выѣзду изъ Сибири, чешскіе политики выпустили обращеніе къ населенію Сибири. Въ немъ они заявляютъ, что, взявъ адмирала Колчака подъ свою охрану, чехи предали его «народному суду не только какъ реакціонера, но и какъ врага чеховъ, такъ какъ адмиралъ приказалъ атаману Семенову не останавливаться передъ взрывомъ тоннелей, для того, чтобы задержать чешское отступленіе на востокъ.»

Не отступленіе, а позорнѣйшее бѣгство съ наворованнымъ имуществомъ! И не адмиралъ Колчакъ, а съ его согласія я, бывший въ тѣ дни главнокомандующій войсками восточнаго фронта, отдалъ распоряженіе атаману Семенову не останавливаться передъ взрывомъ тоннелей на Кругобайкальской желѣзной дорогѣ.

Каждая черточка всѣхъ этихъ дѣйствій чеховъ, ихъ попытокъ обѣлить себя путемъ жотъ и обращеній — перлы не только самой беззастѣнчивой подлости, но и наивности, граничащей съ глупостью. Это А. В. Колчакъ-то реакціонеръ! Да если отчего онъ и погибъ, отчего рухнуло и возглавляемое имъ русское отечественное дѣло, — такъ это, главнымъ образомъ, оттого, что онъ дѣлалъ слишкомъ много уступокъ, терпѣлъ кренъ на-лѣво и всю

низость «чешской демократии», допускалъ на русской территории самовольство чешскаго командованія, не пресѣкъ суровыми мѣрами,—вплоть до военно-полевыхъ судовъ,—распущенности чешскаго войска, распущенности, перешедшей, какъ было показано въ настоящей главѣ, въ преступленія.

За все это адмиралъ Колчакъ заплатилъ своей кровью, которая не столько на большевикахъ, сколько на рукахъ чешскихъ политиковъ и дипломатовъ.

* * *

Предатель-чехъ не ограничился этимъ, онъ вонзилъ ножъ въ спину русскаго воина, котораго онъ раньше осмѣливался лицомѣрно называть святымъ словомъ «братъ».

Чешскіе политики, оперировавшіе своей пятидесяти-тысячной распущенной солдатней, взорвали тылъ Сибири рядомъ возстаній, лишивъ бѣлую армію ея базы и коммуникаціи. Это было продѣлано какъ разъ въ то время, когда армія напрягала всѣ силы, чтобы задержать вторженіе большевиковъ въ Сибирь.

Когда въ арміи стало извѣстно объ этомъ, когда догатились слухи, что въ рядѣ городовъ чернь, подъ руководствомъ и при участіи чеховъ, захватила власть, когда желѣзная дорога перестала питать войска на фронтѣ, когда, наконецъ, стало извѣстно, что самъ верховный правитель Россіи и русскій золотой запасъ захвачены чехами и отвезены въ Иркутскъ, — то было рѣшено оторваться отъ наступавшихъ большевиковъ и быстрыми переходами направить армію на востокъ, къ Иркутску. Была поставлена цѣль — какъ можно скорѣе достигъ этого пункта, выбить изъ него бунтовщиковъ, освободить адмирала Колчака, золото и богатые иркутскіе склады, соединиться съ Забайкальемъ и затѣмъ, западнѣе Иркутска, образовать новый фронтъ противъ большевицкой красной арміи.

Это была не простая задача, а одинъ изъ труднѣйшихъ маневровъ военнаго искусства. Обстановка создавалась чрезвычайно трудная. Съ запада преслѣдовали насъ части регулярной красной арміи. Съ востока выдвинулись на главнѣйшіе рубежи полубольшевицкія банды, чтобы перехватить наше движеніе на Иркутскъ. Эти бан-

ды были отлично и богато снабжены и вооружены изъ иркутскихъ складовъ. Желѣзная дорога была захвачена чехами и для арміи не дѣйствовала. Стояла зима съ крѣпкими сибирскими морозами, а въ добавокъ ко всему, наша армія не имѣла достаточнаго количества ни теплой одежды, ни боевыхъ припасовъ.

Тѣмъ не менѣе, армія пробила себѣ путь на востокъ, имѣя рядъ боевъ съ большевиками, переживъ много критическихъ дней, понеся большія потери. Подробно объ этомъ писать здѣсь нѣтъ мѣста. *) 7-го февраля 1920 года, авангардъ моей арміи занялъ съ влета станцію Инокентьевскую, лежащую въ нѣсколько километрахъ отъ Иркутска. Это было сдѣлано до того неожиданно, что мы захватили тамъ большевицкую артиллерію, не сдѣлавшую ни одного выстрѣла, а большевицкіе обозы принимали наши части за свои.

Всю ночь проработали надъ планомъ и подготовкой взятія Иркутска. Подтягивались главныя силы. На слѣдующій день подошла и 2-я наша армія. И въ то же время грянуло, какъ громъ среди яснаго неба, ужасное извѣстіе, что 7-го же февраля во дворѣ иркутской тюрьмы были большевицкими комиссарами разстрѣляны верховный правитель Россіи, адмиралъ А. В. Колчакъ. Почти одновременно съ этимъ извѣстіемъ былъ доставленъ документъ за подписью начальника 2-й чешской дивизіи, занимавшей въ то время Иркутскъ, полковника Крейчій; въ немъ заключался наглый ультиматумъ, предъявленный остаткамъ бѣлыхъ армій: въ случаѣ боя противъ иркутскаго предмѣстья Глазово, чехи угрожали выступить вооруженно противъ насъ на сторонѣ большевиковъ.

Былъ собранъ военный совѣтъ старшихъ начальниковъ. На немъ выяснилась печальная картина, что у нашихъ войскъ, прошедшихъ съ боями черезъ Сибирь, оставалось въ среднемъ по 10—15 патроновъ на стрѣлка и почти не было совершенно артиллерійскихъ снарядовъ. Большинство начальниковъ высказалось за рѣшеніе обоимъ

*) Подробный отчетъ данъ въ книгѣ: генераль-лейтенантъ К. В. Сахаровъ, «Бѣлая Сибирь», 1923.

ти Иркутскъ съ юга и, перейдя по льду Байкальское озеро, направиться въ Читу на соединеніе съ силами атамана Семенова.

Послѣ этого случая ненависть, которую легіонеры сумѣли возбудить къ себѣ, возросла до крайнихъ предѣловъ. Чехи воочію доказали, что они, поднявшіе когда-то возстаніе противъ большевиковъ, идутъ теперь вмѣстѣ съ ними противъ русскихъ, противъ Россіи.

Остатки многострадальной русской арміи, продѣлавшей ледяной походъ, принесшей всѣ возможныя жертвы для спасенія отечества, — шли теперь и дальше по снѣгамъ Сибири пѣшкомъ и въ саняхъ; а рядомъ русскую желѣзную дорогу заняли вооруженные до зубовъ наши же военно-плѣнные, бывшіе дезертиры, трусы и воры — съ гордымъ именемъ «чешскіе легіонеры». Еще разъ русскій народъ проклялъ ихъ. Имя чехъ — стало въ Сибири ругательствомъ!

Чехи не только везли въ своихъ поѣздахъ награбленное многомилліонное имущество, но также оружіе и патроны для большевицкихъ бандъ, которыя съ ихъ помощью большевики организовывали теперь и въ Забайкальѣ. Чехи перевозили регулярно большевицкую почту изъ Россіи въ Харбинъ и Владивостокъ. Въ ихъ же поѣздахъ находили себѣ убѣжище большевицкіе агенты и комиссары, тѣ, которые впоследствии захватили власть въ Забайкальѣ и Пріамурьѣ.

Закончу эту главу описаніемъ случая, свидѣтелемъ и участникомъ котораго пришлось мнѣ быть. Послѣ стычекъ съ большевицкими бандами, уже перейдя черезъ Байкальское озеро, части моей арміи заняли большой рабочей поселокъ Петровскій Заводъ. На базарѣ чешскіе офицеры и солдаты проходившаго эшелона продавали русскіе предметы обмундированія и солдатскую обувь. А какъ разъ передъ дѣмъ мною былъ отданъ приказъ, запрещающій это дѣлать нашимъ солдатамъ подъ угрозой предаванія военно-полевому суду. Нашъ патруль, высланный отъ егерей на базаръ, отобралъ отъ чеховъ казенныя вещи. Тѣ начали ругаться и грозить силой. Тогда наши егеря выгнали чеховъ съ базара плетьюми.

Черезъ нѣсколько часовъ развѣдка доставила свѣдѣ-

нія, что въ эту ночь чехи собираются выступить противъ насъ съ цѣлью обезоружить мои части, какъ это имъ удалось сдѣлать съ отрядомъ генерала Скинетрова.

Были приняты мѣры, чтобы обезопасить себя. Выставили усиленное сторожевое охраненіе, сильныя заставы, на станцію желѣзной дороги были направлены патрули. Старшему чешскому начальнику было послано отъ моего штаба требованіе, чтобы впредь ни одинъ чехъ не смѣлъ входить въ поселокъ. Въ каждой воинской части было приказано имѣть всю ночь дежурныя роты и сотни въ полной готовности.

Когда ночью я провѣрялъ свои части, то нашель, что всѣ люди поголовно не спали. Всѣ ждали, сжимая винтовки въ рукахъ, выступленія чеховъ. Настроеніе нашихъ было самое бодрое, приподнятое, и даже радостное.

— «Эхъ, хорошо бы, если бы чехи выступили! Надо имъ намять бока. Довольно поизмывались они надъ Россіей.» — Такъ говорили наши офицеры, солдаты и казаки.

Чехи пробовали своими дозорами пробраться въ Петровскій Заводъ. Но отогнанные нашими заставами, отошли назадъ и выступить, къ сожалѣнію, не рѣшились.

Настроеніе, подобное описанному, было не только у войскъ. Всѣ русскіе въ тѣ годы сжимали въ рукахъ винтовки на предателя-чеха. И только то, что страны-союзницы взяли ихъ подъ свое покровительство, остановило расправу въ то время. Но она придетъ...

* * *

Оцѣнка и характеристика дѣйствій чешскихъ легіоновъ въ Сибири была бы не полна, если бы не упомянуть, какъ эти вооруженныя банды военно-плѣнныхъ и дезертировъ вели себя по отношенію къ другимъ военно-плѣннымъ, къ нѣмцамъ и венграмъ, какъ они расправлялись съ ними на русской территоріи. Понятно, всестороннее освѣщеніе этихъ темныхъ дѣлъ чеховъ должно составить предметъ спеціальнаго изслѣдованія. Соотвѣтствующія нѣмецкія и венгерскія учрежденія заняты сборомъ мате-

ріаловъ и, надо думать, не замедлятъ съ его обработкой и опубликованіемъ.

Рядъ писемъ, воспоминаній, фотографій и документальныхъ описаній отдѣльныхъ случаевъ имѣю подѣ рукой и я, получивъ все это уже здѣсь, за границей отъ нѣмцевъ, австрійцевъ и венгровъ, бывшихъ въ тѣ годы нашей отечественной борьбы въ Сибири. На основаніи этихъ документовъ, послѣ повѣрки ихъ, я считаю необходимымъ дополнить характеристику дѣйствій чеховъ въ Сибири еще установленіемъ, что они на нашей русской землѣ творили неслыханныя, возмутительныя, звѣрскія жестокости и насилія надъ беззащитными своими бывшими товарищами.

Это, дѣйствительно, заслуживаетъ того, чтобы быть поставленнымъ передъ судомъ всѣхъ цивилизованныхъ и культурныхъ народовъ... какъ то въ свое время въ ноябрѣ 1919 года взывали лицемѣры и лжецы, руководители чешскихъ орды (см. стр. 94 и 95).

Естественно, что мнѣ самому не приходилось въ Сибири сталкиваться съ этими уродливыми жестокостями чешскихъ легионеровъ, такъ какъ въ нашихъ районахъ, гдѣ были русскія власти, тамъ чехи не смѣли ихъ проявлять изъ боязни отвѣтственности и наказанія; въ нашихъ районахъ военно-плѣнные были подѣ охраной закона. Но въ самомъ началѣ борьбы, когда русская власть еще не была организована, или позже, на охранѣ желѣзной дороги, если чехи случайно становились хозяевами положенія, то они были звѣрски жестоки по отношенію къ плѣннымъ нѣмцамъ и венграмъ.

Я ограничусь приведеніемъ лишь нѣсколькихъ выдержекъ изъ имѣющагося у меня матеріала, полагая это достаточнымъ по объему и содержанію книги. И въ увѣренности, что за нею послѣдуетъ обширное и подробное изложеніе всѣхъ случаевъ.

РАЗСТРѢЛЪ МУЗЫКАНТОВЪ СУДЕТСКО-НѢМЕЦКОЙ КАПЕЛЛЫ ВЪ ХАБАРОВСКѢ

(Документъ подписанъ очевидцемъ, Августомъ Шульце, попавшимъ въ плѣнъ 26 августа 1914 г., послѣ затоп-

ленія малаго германскаго крейсера «Магдебургъ». — Штигхорсть при Билефельдѣ, № 152).

Въ началѣ октября 1918 г. казаки выгнали большевиковъ изъ Хабаровска и захватили городъ. Начались аресты и разстрѣлы всѣхъ подозрительныхъ въ большевизмѣ. Вмѣстѣ съ казаками вошли въ городъ и чешскіе легіонеры. Среди нихъ особой жестокостью отличался Елинекъ, занимавшій командный постъ.

Однажды на главной улицѣ слышались громкіе крики и шумъ толпы. Августъ Шульце, поспѣшившій туда, увидѣлъ, какъ чехи гнали по улицѣ музыкантовъ судетско-нѣмецкой капеллы Паризека, игравшей обычно въ кафэ «Чашка чая». Чехи избивали ихъ нагайками, особенно свирѣпствовалъ Елинекъ, грозя музыкантамъ разстрѣломъ.

Попытки русскихъ обывателей Хабаровска, мужчинъ и женщинъ, заступиться за избиваемыхъ, указать Елинеку на его ошибку, — что все это были безобидные музыканты, которые играли для русскаго Краснаго Креста, — успѣха не имѣли. Похвалы же подливали только масла въ огонь. И русскіе получали въ отвѣтъ отъ зазнавагося чеха: «Смотрите, и вамъ всыплю нагаекъ. А если не успокоитесь, и васъ разстрѣляю!»

Русскіе обыватели и съ ними вмѣстѣ Августъ Шульце, провожали процессію на берегъ Амура. Тамъ несчастные музыканты, едва державшіеся на ногахъ, были поставлены къ цоколю памятника и Елинекъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Согласны ли вы стать чехами?» Музыканты отвѣтили на предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Елинекъ отдалъ приказъ стрѣлять. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, нѣмецкіе военно-плѣнные лежали на землѣ въ крови. Кто еще шевелился, были приколоты штыками. Трупы этихъ звѣрски убитыхъ людей были брошены чехами въ рѣку. Августъ Шульце заканчиваетъ свой рассказъ тѣмъ, что видалъ онъ много случаевъ, когда военно-плѣнные различныхъ лагерей, а также и русскіе люди, были убиты чехами. «Военно-плѣнные, выводимые чехами изъ лагеря, должны были сами для себя копать могилу. Когда яма была достаточной глубины, копавшіе

застрѣливались чехами во время работы. О подобныхъ жестокостяхъ чеховъ можно было бы исписать томы.»

«Въ мѣстностяхъ, занятыхъ чехами, отъ нихъ высылались спеціальныя патрули, для осмотра и для обыска деревень. Если въ нихъ находили военно-плѣнныхъ венгровъ, которые жили часто цѣлыя годы рабочими у крестьянъ, сжились съ ними, дѣля мирный крестьянскій трудъ, — чехи забирали такихъ военно-плѣнныхъ, стогнали ихъ въ одну кучу и избивали. Заступничество и просьбы русскаго крестьянскаго населенія не помогали. Иногда достаточно было, чтобы человѣкъ говорилъ по-венгерски, чтобы онъ подвергся аресту чешскаго патруля и почти всегда слѣдующему за тѣмъ къ разстрѣлу! Каждый изъ вернувшихся на родину военно-плѣнныхъ венгровъ передавалъ рассказы о звѣрствахъ чеховъ.»

РАЗСТРѢЛЪ ВЕНГЕРСКИХЪ ВОЕННО-ПЛѢННЫХЪ ОФИЦЕРОВЪ

«20-го іюля 1919 года въ Красноярскѣ, который въ то время былъ глубокимъ тыломъ нашей бѣлой арміи) возникъ въ одномъ изъ запасныхъ полковъ бунтъ, подъ вліяніемъ большевицкой пропаганды. Для усмиренія взбунтовавшихся были направлены небольшія бѣлыя части, бывшія въ томъ районѣ. Весь день продолжалась стрѣльба, и бунтъ былъ подавленъ. Русскія власти сдѣлали съ самаго начала заявленіе въ лагерѣ военно-плѣнныхъ, что ихъ никто не тронетъ, если они будутъ сидѣть тихо и спокойно.»

Но вечеромъ вступилъ въ лагерь 12-й чешскій легіонъ и арестовалъ всѣхъ членовъ «венгерскаго объединенія», организаціи, существовавшей съ разрѣшенія русскихъ властей. Ночью 17 венгерскихъ офицеровъ были выведены чехами въ поле, поставлены около большой ямы и разстрѣляны въ спину. Остальные военно-плѣнные были спасены благодаря энергичному вмѣшательству шведскаго Краснаго Креста и его ходатайству передъ адмираломъ Колчакомъ.»

VII. Возвращеніе на родину.

Итакъ, длинною цѣпью предательствъ и преступленій чешскіе политики подготовили свой отъѣздъ изъ Сибири на родину, въ Чехословакію, это новорожденное дитя Версаля. И возвращеніе не просто какъ-нибудь, а съ полными кошельками, набитыми полновѣснымъ русскимъ золотомъ или цѣнной иностранной валютой. Бѣдные, голодные и худые военно-плѣнные превратились въ раскормленныхъ «героевъ», отягощенныхъ имуществомъ самаго разнаго вида и рода. Въ далекой, богатой Божьими дарами и патріархальной Сибири развернулась эта сказка нашихъ дней.

Послѣ предательства русской государственности, арміи и адмирала Колчака — первые чешскіе эшелоны вышли въ полосу отчужденія Восточно-Китайской жел. дороги и добрались до Харбина. Вотъ какъ отмѣчаетъ это прибытіе очевидецъ: *)

«Интересную картину представлялъ Харбинъ въ дни прохода чешскихъ эшелоновъ. Прежде всего, прибытіе чеховъ отмѣчалось рѣзкимъ паденіемъ рубля. Китайскіе мѣнялы сразу учитывали, что на рынокъ будетъ выброшено много рублей, и играли на этомъ. Мѣняльня лавки были полны чехами, мѣнявшими русское золото и кредитки на іены и доллары. На барахолкѣ шла бойкая распродажа движимаго имущества, начиная отъ граммофоновъ и швейныхъ машинъ и кончая золотыми браслетами.

На станціи желѣзной дороги распродавались рысистыя лошади и всякаго рода экипажи.»

Передавъ въ руки Иркутскаго революціоннаго комитета верховнаго правителя Россіи, адмирала Колчака, сдавъ политическому центру роcсійскій золотой запасъ, чехи передъ отъѣздомъ изъ Иркутска захватили налич-

*) Статья «Чехо-словаки» въ газетѣ «Дѣло Россіи». Токио, № 14. 1920 г.

ную кассу казначейства и клише экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ — для печатанія денежныхъ знаковъ. Кушеры эти они начали усиленно печатать въ пути и во Владивостокѣ, преимущественно билеты тысячерублевого достоинства. *)

Генераль-лейтенантъ*** отмѣчаетъ это такъ въ своей брошюрѣ: **)

«Чехо-словацкіе отряды, какъ документально установлено, конфисковали въ Иркутскомъ казначействѣ значительную партію бумажныхъ денежныхъ знаковъ, на довольно значительную сумму, которую точно опредѣлить очень трудно. Деньги были упакованы въ мѣшкахъ и въ специальномъ багажномъ вагонѣ отправлены на востокъ. Въсѣ этихъ мѣшковъ, наполненныхъ деньгами, опредѣляютъ въ нѣсколько десятковъ пудовъ. Реквизированы, главнымъ образомъ, вновь выпущенные 200-рублевые выпрышные займы и 5.000 руб. казначейскія обязательства. Большое количество этихъ знаковъ попало на харбинскій денежный рынокъ, гдѣ появленіе ихъ вызвало панику на мѣстной биржѣ.

Кромѣ того, въ разоруженномъ около Иркутска бронированномъ поѣздѣ генерала Скипетрова конфисковано было чехами 8 милліоновъ рублей, которые ими забрапы подъ видомъ «военной добычи».

Охрана золотого запаса чехами была установлена, — послѣ ареста верховнаго русскаго правителя, — своя. По прибытіи золота въ Иркутскъ, оказалось, что одинъ вагонъ, наполненный ящиками, содержащими золотыя монеты 5-рублевого достоинства, всего тысячу пудовъ, и находившійся подъ охраной чешскихъ солдатъ, совершенно расхищенъ.

Номинальная стоимость украденнаго золота составляетъ свыше двадцати пяти милліоновъ золотыхъ рублей. Кромѣ того, чехи, доставивъ остальное золото въ Иркутскъ, сдали его «подъ расписку» политическому центру, т. е. тремъ проходимцамъ, ими же поставленнымъ къ

*) Статя «Чехи и с-ры», «Дѣло Россіи». Токио, 1920, № 10.

***) «Чешскіе аргонавты въ Сибири». Токио, 1921. стр. 12.

власти; политическій центръ принялъ золотой россійскій запасъ отъ чеховъ не считая.

Во всякомъ случаѣ, паденіе цѣнъ на золото и на золотыя монеты, отмѣченное въ тѣ мѣсяцы въ полосѣ отчужденія Восточно-Китайской жел. дороги, объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что на рынкѣ появились въ огромныхъ партіяхъ золотыя монеты, которыя снѣжно размѣнивались чехами проходившихъ эшелоновъ на американскую и японскую валюту. Китайцы-мѣнялы, которыми кишатъ спеціальныя кварталы всѣхъ китайскихъ городовъ, были сначала ошеломлены этимъ наплывомъ золота и даже сначала приняли его за фальшивыя монеты. Послѣ пробы, убѣдившись, что это полноцѣнное золото, они бросились скупать его по пониженнымъ цѣнамъ.

Особенно богаты были передніе чешскіе эшелоны, гдѣ ѣхало высшее чешское командованіе и всѣ эти политическіе руководители, ближайшіе сотрудники и по сегодня господь Масарыка и Бенеша. У нихъ-то наиболѣе пышно расцвѣтъ, найденный послѣднимъ, «геній чешской расы».

Задніе эшелоны растянулись, естественно, далеко на западъ, ибо передвиженіе всѣхъ 20.000 вагоновъ требовало времени. А въ это время все пространство на западъ отъ Иркутска бродило уже большевизмомъ. Трусливое чешское стадо не подумало о единственной честной возможности — соединиться съ бѣлой русской арміей и дать большевикамъ отпоръ. Руководители чеховъ во главѣ съ Яномъ Сыровымъ, остались вѣрны себѣ до конца. Они пошли съ комиссарами на мировую сдѣлку и заключили упомянутое выше условіе на станціи Куйтунъ.

Этотъ позорный документъ былъ вывѣшенъ большевиками на всѣхъ большихъ станціяхъ желѣзной дороги. Въ немъ, кромѣ пункта 5-го о выдачѣ большевикамъ адмирала Колчака, были еще обязательства чеховъ разоружать бѣлые отряды, выдавать бѣлыхъ офицеровъ и добровольцевъ, устанавливалось разстояніе между послѣднимъ чешскимъ эшелономъ и регулярной красной арміей въ одинъ перегонъ, обязательство чеховъ по проходѣ не портить желѣзнодорожные мосты и инвентарь станцій.

А кромѣ того — чехи обязались помочь большевикамъ путемъ снабженія мѣстныхъ красноармейскихъ

бандъ оружіемъ и боевыми припасами. Чехи возили въ своихъ поѣздахъ большевицкихъ агентовъ; было тогда же установлено, что они провезли, на примѣръ, виднаго коммуниста Виленскаго, руководителя борьбою противъ атамана Семенова и будущаго комиссара всего Забайкалья.

Безконечно тяжело было положеніе многихъ русскихъ офицеровъ, добровольцевъ и ихъ семей, которые почему-либо отбились отъ нашей арміи, двигавшейся усиленными маршами на выручку адмирала Колчака къ Иркутску. Эти люди, по большей части больные или старые, а также женщины и дѣти, должны были ѣхать въ саняхъ одиночнымъ порядкомъ. Такъ какъ «русскихъ» поѣздовъ не было, вся желѣзная дорога была захвачена чехами и набита ихъ эшелонами, — то, естественно, что многіе обращались съ просьбой о мѣстѣ въ вагонѣ къ чешскимъ офицерамъ, рассчитывая на ихъ самое примитивное благородство.

Чехи имѣли въ своихъ поѣздахъ мѣсть, болѣе чѣмъ достаточно; не надо забывать, что на 50.000 чеховъ было 20.000 вагоновъ. Имъ не стоило ничего принять въ свои эшелоны нѣсколько тысячъ отбившихся отъ арміи русскихъ.

Но всего чаще на эти просьбы слѣдовалъ грубый и циничный отказъ. Иногда чехи принимали въ свои поѣзда такихъ пассажировъ, но затѣмъ на одной изъ ближайшихъ станцій выдавали ихъ большевикамъ — для разстрѣла.

За разрѣшеніе проѣхать въ нетопленномъ конскомъ вагонѣ, чехи брали отъ пяти до пятнадцати тысячъ рублей. Отъ женщинъ они требовали золотыя вещи, то, что еще осталось послѣднее у несчастныхъ при себѣ. Но и плата не обезпечивала жизни и доставленія въ Забайкалье, гдѣ была въ то время безопасная отъ большевиковъ зона.

Генераль-лейтенантъ*** приводитъ случай, имѣвшій мѣсто около станціи Оловянная. *) Тамъ изъ проходящаго чешскаго эшелона было сброшено съ моста въ рѣку Ононь три мѣшка. Въ этихъ мѣшкахъ оказались т р у -

*) «Чешскіе аргонавты въ Сибири». Токио, 1921, стр. 21.

пы русскихъ женщинъ, принятыхъ чехами въ свой эшелонъ, а потомъ, послѣ надругательствъ, убитыхъ чешскими солдатами. Нѣтъ возможности установить хотя бы приблизительно синодикъ замученныхъ, погубленныхъ и преданныхъ чехами въ Сибирь, за этотъ періодъ ихъ движенія къ океану для отправки на родину.

На станцію Яблоновую, въ Манчжуріи, явились однажды въ періодъ эвакуаціи чеховъ хунхузы, съ требованіемъ, чтобы находящаяся тамъ крупная лѣсная концессія внесла имъ немедленно 300 іень. На протестъ управляющаго концессіей противъ такого сверхъобычнаго побора, предводитель хунхузовъ вѣжливо объяснилъ, что изъ проходящаго мимо эшелона чехи продали хунхузамъ два пулемета съ лентами и требуютъ немедленной уплаты.

Управляющему концессіей, — такъ сообщаетъ газета «Дѣло Россіи», 1920 г., № 13, — осталось подчиниться. Деньги были даны, и пулеметы получили отъ чеховъ хунхузы.

Дойдя до Владивостока, чехи стали постепенно, по мѣрѣ предоставленія имъ «союзниками» транспорта, грузиться на суда, стаскивая сюда же и награбленное имущество. Никто не могъ защитить интересы нашего народа и страны, такъ какъ все русское національное было тогда уничтожено или принуждено было скрываться, остатки бѣлой русской арміи совершали свой тяжелый походъ черезъ Сибирь, а затѣмъ отставали Забайкалье; временно у власти оказались полубольшевики. Эти люди были слѣплены изъ одного тѣста съ чешскими политиками, и они помогали чехамъ пополнить ихъ запасы, не забывая и себя.

«Они расхищаютъ частное имущество, частные грузы, частью отдають ихъ чехамъ по баснословно дешевой цѣнѣ, частью грузять при содѣйствіи чеховъ на иностранные пароходы, будто въ совѣтскую Россію.» — Такъ писали въ тѣ дни газеты Д. Востока.

Потому-то не было возможности не только защитить отъ вороватыхъ чешскихъ рукъ русское имущество, но даже собрать всѣ документы о томъ, зарегистрировать все. Только частью удалось тогда выполнить эту задачу нѣкоторымъ русскимъ людямъ, по своей частной инициативѣ.

На этомъ вѣдь и былъ построенъ весь расчетъ чешской банды, — они надѣялись, что все имъ сойдетъ съ рукъ безнаказанно. Для того они и предали на убійство главнаго свидѣтеля — адмирала Колчака.

Ниже два такихъ документа, помѣщенные въ газетѣ «Дѣло Россіи», 1920 г., № 10:

«Верховному контролю чеховойскъ. — Товарищества россійско-американской резиновой мануфактуры «Треугольникъ», г. Владивостокъ.

• Въ 1918 году, апрѣля 26-го дня, было отправлено изъ Петрограда, за пломбами товарнаго двора, тридцать два вагона груза, принадлежащаго товариществу «Треугольникъ» и содержащаго въ себѣ резиновыя автомобильныя и грузовыя шины. При слѣдованіи въ пути, въ маѣ мѣсяцѣ 1918 года, грузъ находился на станціи Чшма, около Уфы, въ періодъ наступленія на эту мѣстность чехо-войскъ. При оккупации этой мѣстности и въ виду потребности чехо-войскъ въ автомобильныхъ и грузовыхъ шинахъ для военной цѣли, весь означенный грузъ, въ количествѣ тридцати двухъ вагоновъ, былъ реквизированъ отрядомъ чехо-войскъ и продвинутъ на станцію Челябинскъ, а затѣмъ далѣе, на станцію Екатеринбургъ, въ адресъ технической авто-части чехо-войскъ. По прибытіи груза на товарный дворъ станціи Екатеринбургъ, въ наличіи оказалось только двадцать восемь вагоновъ съ грузомъ, которые и были тамъ приняты автомобильной ротой чехо-войскъ, остальные же четыре вагона были въ пути использованы чехо-войскомъ для своихъ нуждъ. Въ декабрѣ 1918 года двадцать восемь вагоновъ съ грузомъ распоряженіемъ чехо-войскъ были продвинуты на станцію Курганъ, гдѣ и оставались до марта 1919 г., а затѣмъ были отправлены до станціи Зима, на которую прибыли въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1919 года. На станціи Зима грузъ частично былъ переупакованъ въ ящики и повагонно, разновре-

менно отправленъ во Владивостокъ, въ адресъ авто-парка чехо-войскъ. На станцію Владивостокъ 1 марта 1920 г. прибыли восемнадцать вагоновъ, были перегружены на пароходъ «Мадонна» съ чехо-войскомъ и отправлены въ Чехословакію. Слѣдующіе семь вагоновъ съ означеннымъ грузомъ прибыли на ст. Владивостокъ въ адресъ авто-парка чехо-войскъ 21-го числа марта сего года и также подготавливаются къ погрузкѣ на очередной пароходъ съ чехо-войскомъ, для отправки въ Чехословакію, остальные же три вагона находятся еще въ пути слѣдованія по тому же назначенію во Владивостокъ.

Основываясь на томъ положеніи, что при условіяхъ гражданской войны, частные грузы, реквизируемые какими-либо частями войскъ враждующихъ сторонъ не составляютъ военной добычи, а должны быть возвращены владѣльцу по принадлежности, въ случаѣ же использованія таковыхъ грузовъ для надобности военныхъ частей, послѣднія обязаны возмѣстить владѣльцу груза стоимость такого, вышеозначенный грузъ — собственность товарищества «Треугольникъ», отдѣленіе котораго находится во Владивостокѣ. Стоя на стражѣ интересовъ фирмы и принимая во вниманіе фактъ реквизиціи чехо-словаками вышеозначеннаго груза и намѣреніе вывезти таковой изъ предѣловъ Россіи, отдѣленіе товарищества «Треугольникъ» обращается съ просьбой къ верховному контролю чехо-войскъ — возвратитъ фирмѣ находящійся еще во Владивостокѣ грузъ и уплатитъ стоимость вывезеннаго количества груза, согласно прилагаемаго при семь перечня.

Согласно прилагаемой описи на всѣ вышеозначенные 28 вагоновъ груза, стоимость таковыхъ опредѣляется по цѣнамъ 1918 г. въ періодъ реквизиціи его чехо-войсками въ суммѣ 38.692.815 (тридцать восемь милліоновъ шестьсотъ девяносто двѣ тысячи восемьсотъ пятнадцать рублей).

Владивостокъ, марта 28-го дня, 1920 г.»

ОТВѢТЪ:

«Отдѣленіе высшаго контроля чехо-войскъ въ Россіи. № 437, мая 4 н. ст. 1920 г. Владивостокъ. Товариществу російско-американской резиновой мануфактуры «Треугольникъ» во Владивостокъ.

Въ отвѣтъ на Ваше заявленіе отъ 28 марта с. г., имѣемъ честь сообщить, что Вашу претензію относительно уплаты рубл. 38.692.815 — къ большому нашему сожалѣнію признать не можемъ, такъ какъ отсутствуютъ доказательства, что упомянутые 32 вагона резиновыхъ шинъ во время ихъ захвата чехо-словацкими войсками представляли собственность фирмы «Треугольникъ».

Произведенное разслѣдованіе показало, что весь означенный товаръ составлялъ часть военнаго имущества красной арміи, отнято у ней въ бою. Рѣшить же вопросъ законности пріобрѣтенія резиновыхъ шинъ со стороны красноармейскихъ властей мы не имѣемъ ни права, ни основанія, даже несмотря на то, что автомобильный резиновый матеріалъ во все военное время составлялъ предметъ государственнаго реквизиціоннаго права и означенный товаръ, по всей вѣроятности, уже заранѣе перешелъ во владѣніе военнаго вѣдомства.

Начальникъ отдѣленія высшаго контроля чехо-войскъ въ Россіи капитанъ Шимунскій.»

Но тѣмъ не менѣе владивостокскій консулъ одной изъ союзныхъ странъ остановилъ погрузку этой резины на чешскіе пароходы, — вѣдь были затронуты не только интересы русскихъ, а и иностранныхъ подданныхъ, общество было російско-американское. А самый тонъ отвѣта чешскаго капитана напоминаетъ отговорку того любителя чужихъ золотыхъ часовъ, который, будучи пойманъ на улицѣ съ поличнымъ, начинаетъ спрашивать у собственника часовъ, гдѣ у того свидѣтельство изъ магазина о покупкѣ ихъ.

Когда интересы иностранцевъ не были затронуты, то

они смотрѣли на коммерческіе подвиги чешскаго «генія» холодно, равнодушно и только иной разъ, — кто почестнѣе, — съ презрѣніемъ.

Владивостокская газета «Слово» такъ описываетъ въ тѣ дни то, что представляла оборотная картина ликвидаціи «анабазиса»:

«Въ Гниломъ Углу (часть Владивостока) нѣсколько огромныхъ зданій, бывшихъ паровозныхъ мастерскихъ, заняты ликвидаціонной комиссіей чехо-войскъ.

Чего-чего тутъ только нѣтъ—и вѣсы, и швейныя машины, и телеграфные аппараты, и инструменты, словомъ все, отъ булавки до автомобиля, какъ пишетъ «Изо Экспортъ и Ко.» (японская фирма. Разница одна: «Изо Экспортъ и Ко.» — фирма съ безупречной репутаціей, а ликвидаціонной же комиссіи чехо-войскъ репутація не такъ-то ужъ чиста. Хотя комиссія и работала чисто!

Взять хотя бы вѣсы. Комиссія тщательно окрасила всѣ вѣсы, въ надеждѣ замазать надписи, указывающія, съ какой дороги эти вѣсы увезены были «доблестными» войсками. Но явилась русская желѣзнодорожная комиссія и стала откапывать. Тамъ на гиряхъ отмѣтка: «Пермская ж. д.», тутъ на платформѣ вѣсовъ выступаетъ: «Сибирская жел. д.», тамъ оказалась: «Китайско-Восточная ж. д.», а на инструментахъ нѣтъ-нѣтъ, да и находили надписи: «депо Тайги», «депо Перми». Пришлось чехамъ уступить эти вещи, а тамъ, гдѣ признаки хищенія не были отлиты или выгравированы — комиссія ничего не могла сдѣлать. Неужели и русская администрація ничего не можетъ сдѣлать, чтобы зацѣпить народное достояніе отъ такого наглаго расхищенія?

Не лишено интереса и слѣдующее — чехо-войска открыли торговлю оптомъ и въ розницу, продають муку, макароны пудами и фунтами, вы-

даютъ счета, но наотрѣзъ отказываются оплачивать счета гербовымъ сборомъ.»

Газета «Русскій Голосъ» приводила замѣтку о вандализмѣ чеховъ: «Въ ожиданіи парохода, чехи жили въ классныхъ вагонахъ. Уѣзжая, чехи сняли зеркала, вывинтили всѣ мѣдныя части, вплоть до винтовъ, сняли линолеумъ со стѣнокъ и пола, обивку съ дивановъ и конскій волосъ, которымъ эти диваны были набиты. Однимъ словомъ, взяли все, что представляло какую-либо цѣнность. Железнодорожныя власти, принимая эти вагоны, вынуждены были составить акты о грабежѣ вагоновъ.»

Отдѣльные русскіе люди и противубольшевицкая пресса Владивостока и Харбина пробовали протестовать, опубликовавъ отдѣльные вопіющіе факты открытаго, безнаказаннаго ограбленія Россіи. Чехи или оставляли безъ отвѣта, или отвѣчали отписками, только подтверждающими эти факты.

Такъ, напримѣръ, русскимъ вѣдомствомъ снабженія и продовольствія отшускался чехамъ, начиная съ 1918 года, сахаръ въ кредитъ. При ихъ отѣздѣ въ новорожденную родину — Чехословакію, чешскому штабу былъ предъявленъ вѣдомствомъ счетъ съ расписками чешскихъ частей въ разновременномъ полученіи сахара на 648.796 іень. Чехословацкій штабъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

«Не отрицая факта передачи намъ русскими властями продовольственныхъ продуктовъ, мы въ данное время не можемъ произвести этой передачѣ необходимый учетъ и контроль, такъ какъ наше интендантство эвакуировано. Вся переписка по этому дѣлу будетъ направлена въ Прагу съ первымъ отходящимъ транспортомъ и, до полученія распоряженія оттуда, мы произвести расплаты не можемъ.»

Распоряженія изъ Праги не послѣдовало никогда.

Обычно, иностранцы хранили молчалие, лишь наблюдая со стороны, какъ ловко чехи обворовали Россію, превращаясь изъ голодранцевъ въ довольно состоятельныхъ, а нѣкоторые, такъ просто въ богатыхъ людей. Но вотъ въ номерѣ отъ 1 мая 1920 года англійской газеты «Japan

Advertiser» (Kobe), была помѣщена телеграфная корреспонденція, изъ Владивостока, слѣдующаго содержанія:

«Вчерашній отъѣздъ транспорта «Президентъ Грантъ» оставилъ еще 16.000 чеховъ для эвакуаціи. Транспортъ для нихъ еще не предусмотрѣнъ и не ожидается раньше конца іюня. Есть предположеніе зафрахтовать японскіе пароходы, такъ какъ ничѣмъ незанятыя чехи суть причина постоянныхъ волненій и недоразумѣній. «Президентъ Грантъ» увезъ 5.500 чеховъ, а также сотни тоннъ золота, серебра, мѣди, машинъ, сахара и всякихъ другихъ продуктовъ, какъ и другое награбленное добро, которое чехи увозятъ съ собою изъ Сибири.»

Чехо-словацкій посланникъ въ Токио, Перглеръ, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Масарыка, не смелъ возможнымъ на этотъ разъ смолчать и далъ такой классическій отвѣтъ, помѣщенный въ той же «Japan Advertiser» и въ русской дальневосточной прессѣ. Приводится ниже въ подлинникѣ, безъ измѣненія:

«Газеты содержатъ сообщеніе изъ Владивостока отъ 28-го апрѣля касательно возвращенія на родину чехо-словацкой арміи изъ Сибири, а также относительно отъѣзда американскаго транспорта «Президентъ Грантъ», увозящаго 5.500 чехо-словаковъ. Сообщеніе газеты: «Президентъ Грантъ» увозилъ 5.500 чехо-словаковъ, сотни тоннъ золота, серебра, мѣди, машинъ, сахара, снаряженій и другого награбленнаго добра, которое чехи увозятъ съ собою изъ Сибири.» — Газеты озаглавливаютъ это сообщеніе слѣдующими словами: Чехи увозятъ награбленное изъ Сибири и чехи грабятъ Сибирь. — Словарь опредѣляетъ слово награбленное, какъ обозначающее грабежъ въ связи съ войной и всеобщимъ разстройствомъ порядка. Чехо-словацкіе солдаты, такимъ образомъ, обвиняются въ весьма серьезномъ преступленіи.

Обязанности дипломата, насколько я (т. е. Перглеръ) ихъ понимаю, заключаютъ въ себѣ также защиту добраго имени своей страны и своихъ согражданъ. Эта обязанность особенно существенна, когда ставится вопросъ о добромъ имени арміи, которою восторгался весь свѣтъ, какъ въ данномъ случаѣ чехо-словацкой

арміей въ Сибири. Тотъ фактъ, что чехо-словаки увозятъ изъ Сибири, въ этомъ случаѣ на американскомъ транспортѣ свое собранное имущество, пріобрѣтенное на свои же собственные деньги. Чехо-словаки находились въ Сибири очень долго. Эти солдаты всѣ воспитанные люди, многіе изъ нихъ окончили университеты, интеллигентные, рабочіе и ремесленники. Какъ солдаты, они получали извѣстное количество денегъ. Въмѣсто того, чтобы расходовать свое жалованье, они сложили свои финансы и основали большое торговое общество, а также значительные банки, банкъ чехо-словацкихъ легионеровъ. Эти доходы увеличивались при русскихъ условіяхъ потому, что жалованье было уплачиваемо во франкахъ и выплачивалось по курсу русскими деньгами. Солдаты скупали большое количество запасовъ, и именно эти запасы теперь увозятъ въ республику. Для нихъ было особенно важно купить хлопокъ, необходимый въ текстильной промышленности, и въ этихъ покупкахъ они дошли до такихъ размѣровъ, что въ октябрѣ русскій экономистъ рекомендовалъ сокращеніе покупокъ хлопка чехами, это, очевидно, доказываетъ, что эти сделки были законныя, основанныя на обычныхъ методахъ покупки и продажи.

Что чешскіе солдаты дѣлаютъ со своимъ жалованьемъ, какъ бы незначительно оно ни было, видно изъ того, что въ 1918 году они подписали пять милліоновъ франковъ на заемъ чехо-словацкаго національнаго совѣта для поддержки этой же арміи.»

Таковъ отвѣтъ чешскаго дипломата. Чего въ немъ больше, — глупости, наивности, самолюбованія или наглости, — рѣшить не легко. Курсивъ въ этомъ документѣ всюду мой, для того, чтобы только подчеркнуть особенно наивныя и наглыя мѣста. Въ общемъ же, этотъ документъ говоритъ самъ за себя: въ немъ есть подтвержденіе всего, что изложено выше о дѣятельности чеховъ въ Сибири, — подтвержденіе частью словами, больше частью фигурой умолчанія.

Замѣтимъ только одно чешскому дипломату: не одни «чехо-словацкіе солдаты» обвиняются въ серьезномъ пре-

ступленіи. Главнымъ образомъ, ихъ руководители и ихъ командованіе. И еще: тотъ, кто не только покрываетъ и замазываетъ преступленіе, а еще и старается отрицать его и ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе, тотъ самъ дѣлается участникомъ преступленія.

Изъ слѣдующей главы мы увидимъ, что не только г-нъ Перглеръ дѣлаетъ это, но и его «высокіе» руководители.

VIII. Наслоенія чешской лжи.

Въ предыдущихъ главахъ представлена хотя и кратко, но исчерпывающе и документально исторія чешскаго воинства въ Сибири и отъѣздъ его на родину, въ новорожденную въ Версалѣ республику Чехословакію.

Масарыкъ и Бенешъ, два видныхъ чешскихъ государственныхъ дѣятеля, не только сдѣлаютъ правду объ этихъ печальныхъ событіяхъ, но стараются украсить «анабазисъ» чеховъ словами восхищенія, героизма и чести. Но вѣдь не могли не знать эти руководители чешскаго заговора всего того, что творилось ихъ легіонерами въ Сибири, не могли не знать всего ужаса чешскаго предательства и трусливаго бѣгства, всей грязи и грабежей.

Бенешъ не даетъ себѣ даже труда включить въ свою книгу отдѣльную главу съ обзоромъ всей дѣятельности чехо-словацкаго корпуса въ Россіи. Онъ вскользь говоритъ лишь о разочарованіи ихъ войскъ уже въ началѣ октября 1918 года тѣмъ, что на Волгу не пришла отъ союзниковъ обѣщанная помощь, и будто тогда же чехи признали, что русская анти-большевицкая акція не будетъ имѣть успѣха; затѣмъ, что переворотъ 18 ноября 1918 года адмирала Колчака откололъ чеховъ отъ работы съ русскими (Это ложь! См. стр. 57 и 58) и съ тѣхъ поръ чехи только и ждали и даже требовали скорѣйшей отправки ихъ на родину.

Эту скомканную и умышленную, извращенную исто-

рію одного изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ — Бенешъ заканчиваетъ такъ: *)

«Вотъ краткая исторія нашего сибирскаго анабазиса до конца 1918 года, безъ подробностей и безъ ея прекраснаго романтическаго блеска. Анабазисъ былъ въ военномъ и общечеловѣческомъ отношеніи — красивое и достойное удивленія явленіе, а политически имѣть огромное значеніе для нашей борьбы. Наши простые солдаты изъ Богеміи, Моравіи и Словакіи были призваны въ австро-венгерскіе полки, перешли на сторону русскихъ, послѣ тяжелыхъ лишеній и страданій, а главное, среди революціоннаго хаоса, вступили въ ряды добровольной и импровизированной арміи, дрались нѣкоторое время на фронтѣ противъ тѣхъ, отъ кого они дезертировали, затѣмъ подъ эгидой своего великаго вождя прошли черезъ безграничную Россію и Сибирь, заняли, не взирая на всѣ преслѣдованія, 8.000 километровъ желѣзной дороги и огромную, прямо необъятную область, — чтобы достигъ европейскаго театра войны кругосвѣтнымъ путешествіемъ и принять своевременно участіе въ борьбѣ за свободу своей націи. Они привлекли къ себѣ взоры почти всего свѣта, когда имъ удалось создать затрудненія большевицкому режиму, который былъ очень непріятенъ союзникамъ. И хотя они не достигли своевременно европейскаго театра войны, но оказали своимъ выступленіемъ на другомъ концѣ свѣта своими удивительными романтическими похождениями — значительныя услуги всѣмъ, а въ первую очередь ихъ родинѣ.

Неожиданная и единственная исторія! Все было импровизаціей — военные легіоны, ихъ хозяйственная, финансовая и культурная дѣятельность, ихъ солдатская жизнь, ихъ традиціи и развлечения, ихъ вожди, командный составъ и люди. Это были солдаты — selfmademen революціи, типъ своей расы, по существу не военной. Между ними и не было военныхъ гениевъ, но большинство были добрые, солидные, добросовѣстные солдаты, съ огромнымъ позывомъ свершить что-то значительное и существенное. Ихъ масса представляетъ отлично чешскую

*) Ed. Benesch, «Der Aufstand der Nationen». стр. 553.

національну психологію: сильна життєрадісність, прагнення до практичних, без фантастики рішень, відома кривість і витривалість у боротьбі за свою ціль, але також подразливість, відома впечатливість, фанатизм, небагато нездорова ревність, песимістична легковірність при ускладненнях і схильність до критиканства в суперечливих випадках. Ті ж самі властивості проявлені в загальному і переважною більшістю наших солдатів у Франції і в Італії.

Генерал Сыровый, як їх начальник, був гарного типу. Він виховував солдатів довірою своєю солідністю, прямою, чесністю і своїми здоровими судженнями. Солдати знали, що він їх не поведе на авантюру.

Особливого значення заслуговує господарська, фінансова і культурна робота нашої сибірської армії. В ній проявилася, як я думаю, все найкраще генії нашої раси. В масі наших військ швидко відшукалися окремі індивідуальності, які суміли організувати і направити роботу; але ця робота була понята і підтримана діяльністю кожного рядового солдата. Неможливо недооцінити загальну здатність швидко і успішно великих господарських підприємств — в час гарячої боротьби в Сибірі. Далі — ці підприємства вести, підтримувати зв'язки, торгівлю і зв'язки з Японією і західною Європою, викликати до життя фінансові установи і організації, культурні заклади, газети, театри, церковні хори, оркестри, місця розваг — цінний культурний апарат значно високого рівня. Все це свідчить про нас, як про націю, наші схильності, здатності, достоїнства і недоліки.»

Що ж додати до цього після всього розказаного на сторінках цієї книги?! Якщо б це писав простий чоловік, то його ще можна виправдати невідою, глупістю, або незнанням, або тим, що його ввели в заблудження. Але це ж міністр Чехословаччини і один з головних керівників всієї чеської справи. Такий чоловік може допустити всю цю лож тільки свідомо і умисленно. Його вивчення цієї книги показує, чому він це зробив. Со сторінок її

такъ и выступаетъ, так и бьетъ тотъ цинизмъ, съ какимъ Бенешъ не только рассказываетъ, но похваляется своей не всегда чистой ролью во время мировой войны въ переднихъ министрахъ Антанты. Онъ самъ и его клика все время тогда дрожали и боялись, что союзники заключать миръ съ центральными державами, а особенно съ Австро-Венгріей. Последнее обстоятельство,—шишетъ Бенешъ *) — заставило его дѣйствовать еще быстрѣе и стремительнѣе, чтобы создать возможно большее число faits accomplis и тѣмъ путемъ связать союзниковъ все новыми и возможно рѣшительными актами.

И онъ дѣлаетъ неожиданное признаніе, что при этомъ ихъ сибирская армія, т. е. тѣ самые легіонеры, которые предали на разстрѣлъ адмирала Колчака, ограбили Россію и погубили ея національное, государственное предпріятіе, — эта армія облегчила и сдѣлала возможной для нихъ борьбу и успѣхъ на парижской конференціи, на которой онъ, Бенешъ, достигъ гораздо большаго, чѣмъ осмѣливался надѣяться въ началѣ войны. **)

По свидѣтельству объективнаго ученаго, ***) чехи работали на мирной парижской конференціи съ самыми сомнительными средствами и темными приѣмами, доходящими до обмана конференціи въключительно, напр., относительно смѣшанныхъ нѣмецко-чешскихъ областей или обѣщаніями устроить новое государство, на подобіе Швейцаріи, съ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ правъ всѣхъ входящихъ народностей. Далѣе, чехи подавали документы съ подтасовкой и даже поддѣлкой историческихъ фактовъ, надѣясь черезъ то получить свою часть въ дѣлежѣ контрибуціи.

Какъ послѣ всего этого должны звучать слова Бенеша о томъ. «что старая исторія была для нихъ (чеховъ), всегда хорошимъ учителемъ, — еще лучшимъ учителемъ должна быть новая исторія, въ которой еще и сегодня дѣйствительны живущіе въ ней интересы, стремленія, цѣли и идеи.»

*) Ed. Benesch, «Der Aufstand der Nationen», 591.

**) ibid. 610 и 695.

***) Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 326.

«Въ концѣ концовъ,» — восклицаетъ Бенешъ, *) — и дипломатъ новаго пошиба, — «оказывается, что путь правды, честности и прямоты — есть путь національныхъ интересовъ. Ложью и насиліемъ до сихъ поръ не могла обезпечить себя отъ ударовъ судьбы ни одна нація, ни большая, ни малая.»

Да, безъ сомнѣнія, так и будетъ! И та ложь, то грязное предательство, интриги и та кровь, на которыхъ возшла чешская самостоятельность, уже влекутъ неудержимо справедливое рѣшеніе. Чѣмъ скорѣе придетъ оно. — тѣмъ лучше для всего человѣчества.

* * *

Книга Масарыка написана еще болѣе фальшиво и двулично. Масарыкъ не только хочетъ обѣлечь себя и своихъ чеховъ, но задается намѣреніемъ показать, что онъ всегда все предвидѣлъ впередъ, чуть ли не одинъ на всей землѣ; что поэтому-то онъ и допускалъ то или иное дѣйствіе, которое въ сущности, было или обманомъ, или предательствомъ.

Уже Бенешъ, который являлся во всей интригѣ и въ заговорѣ подручнымъ Масарыка и теперь хвалитъ послѣдняго, какъ апостола своей націи, какъ «великаго», — вводитъ эту ноту яко-бы прозорливости стараго чеха; онъ говоритъ, что Масарыкъ съ самаго начала поставилъ себя противъ русской анти-большевицкой акціи, влѣдствіе чего и чехи-легіонеры всегда были противъ русскихъ и уже въ іюнѣ 1918 года взяли путь на Францію. **)

Масарыкъ въ своей книгѣ подробнѣйшимъ образомъ описываетъ себя самого, своихъ личныхъ друзей, свое окруженіе, а затѣмъ уже общій ходъ міровой войны. Но въ центрѣ всегда стоитъ Масарыкъ. Все совершается вокругъ него. Старый чехъ видимо страдаетъ маніей величія. Нѣкоторыя мѣста его книги годятся для юмористическаго журнала. Такъ, онъ пишетъ: ***)

*) Ed. Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 343 и 345.

**) *ibid.* 512.

***) T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 99.

«Какъ курьезъ, упомяну, что царь прислалъ мнѣ черезъ Стефаника (лѣтомъ 1916 года) очень дружескій поклонъ и просьбы продолжать мою политику и дальше.» Послѣ первой, февральской революціи, Масарыкъ нѣкоторое время выжидалъ для вѣрности, — какъ это обычно дѣлаетъ всякій черезчуръ хитрый и въ то же время трусливый человекъ; когда же онъ «былъ достаточно информированъ, то послалъ 18 марта телеграмму Милюкову и Родзянко, въ которой выражалъ свое удовлетвореніе переверотомъ.» *)

Вскорѣ затѣмъ онъ и самъ поспѣшилъ въ водоворотъ русской революціи, чтобы принять участіе, приложить и свою руку къ развалу страны. Здѣсь Масарыкъ роняетъ такую фразу: «во время царскаго правительства я не слѣдилъ въ Россію, — такъ какъ я зналъ предубѣжденіе реакціонныхъ элементовъ противъ меня и союзниковъ.» **)

А описывая свое долгое пребываніе въ теченіе 1915 и 1916 г. г. въ Лондонѣ съ массой подробностей, съ упоминаніемъ мелочей изъ своей частной жизни, со всѣми встрѣчами, — Масарыкъ забываетъ упомянуть, что въ апрѣлѣ 1915 года имъ былъ представленъ сэру Эдуарду Грею меморандумъ «Independent Bohemia» съ приложеніемъ карты — Map of United States of Bohemia. Въ этомъ меморандумѣ сказано буквально слѣдующее: ***)

«Для Богеміи и для балканскихъ славянъ самое существенное — это дружба Россіи. Богемскіе политики считаютъ, что Константинополь и проливы должны принадлежать только Россіи. Богемія проектируется, какъ монархическое государство; богемская республика находитъ защиту только у немногихъ радикальныхъ политиковъ. Вопросъ династіи могъ бы быть рѣшенъ двумя способами. Или союзники могли бы дать одного изъ своихъ принцевъ, или могла бы быть заключена персональная унія между Богеміей и Сербіей. Русская династія

*) T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 133.

**) *ibid.* 134.

***) Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 330 и 331.

все равно въ какой формѣ, была бы особенно популярна.»

Итакъ, въ 1915 году Масарыкъ русофиль, монархистъ, возлагаетъ всѣ надежды на «братьевъ русскихъ», заискиваетъ передъ Россіей и передъ династіей. А въ 1917 году, послѣ революціи, онъ заявляетъ, что «онъ царизмъ и его неспособность давно разгадалъ и осудилъ.» *) Книга Масарыка полна затаенной ненависти противъ Россіи, противъ русскихъ и всего русскаго; пренебреженіе, хула и ложь на наше отечество брызжутъ почти съ каждой страницы, точно ядовитая слона змѣи.

Чешскимъ легионамъ въ Россіи и Сибири Масарыкъ посвящаетъ больше мѣста, чѣмъ Бенешъ. Онъ признаетъ частично ихъ грабежи, когда говоритъ слѣдующее: **) «Намъ помогъ революціонный развалъ Россіи, такъ какъ мы часто снабжали себя изъ русскихъ магазиновъ *brevi manu*». Мѣстами даетъ Масарыкъ и картину распущенности своей солдатни, усадка дисциплины, излишняго политиканства, сочувствія большевизму. Онъ и самъ содѣйствовалъ этому, потакая низкимъ инстинктамъ толпы, чтобы пріобрѣсти среди нея популярность, эту тѣнь авторитета. Но самаго авторитета у него не было и быть не могло. Ибо на леги никто еще и никогда авторитета напрочно не строилъ.

Послушаемъ, что пишетъ чехъ, отецъ всей ихъ интриги, что онъ сообщаетъ о своихъ «ребятахъ» въ Россіи и Сибири: ***)

«О такъ называемомъ анабазисѣ я собираюсь сказать лишь столько, сколько необходимо для уясненія и для дополненія моего настоящаго отчета о нашей политической работѣ за границей.

Я. (т. е. Масарыкъ), находился въ Японіи, когда возникло роковое столкновение въ Челябинскѣ. Какъ мнѣ было тогда донесено, уже позже, въ Америку, въ Челябинскѣ 14 мая нѣмецкимъ военно-плѣннымъ былъ раненъ одинъ изъ нашихъ ребятъ, — и тотчасъ же нѣмецъ былъ

*) T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 134.

**) *ibid.* 172.

***) *ibid.* 287.

убить на мѣстѣ. Большевики взяли сторону нѣмецкихъ и венгерскихъ военно-плѣнныхъ, послѣдовали дальнѣйшія событія, кончившіяся занятіемъ нашими войсками города. Въ концѣ мая наши части рѣшили изъ Челябинска продолжать путь на Владивостокъ. 25-го мая началась борьба, воинственный анабазисъ.»

Послѣдовали извѣстія о занятіи городовъ: Пензы, Самары, Казани и т. д. Это вызвало восхищеніе въ Америкѣ, гдѣ Масарыкъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы раздуть паруса. «Какъ всегда, поддерживали Масарыка евреи», — пишетъ онъ, *) — особенно въ Америкѣ рентиrowала себя Гильснеріада.» Такъ называетъ онъ свое выступленіе въ 1899 году защитникомъ въ процессѣ одного еврейскаго рабочаго, по имени Леопольдъ Гильзнеръ, обвиненнаго въ убійствѣ дѣвушки.

«Событія достигали по прямому кабелю раньше Америки и находили тамъ сильнѣйшій отзвукъ, чѣмъ въ Европѣ. Легіонеры были уже въ началѣ августа 1918 года въ Америкѣ очень популярны, въ Европѣ немного позже.»

«Конечно, доходили до меня», — пишетъ Масарыкъ далѣе, — «скоро и плохія извѣстія, какъ въ каждой войнѣ и не можетъ быть иначе. Это были извѣстія о различныхъ недостаткахъ нашей арміи. Послѣ нѣкотораго времени, начиная съ августа, наша армія оставила всѣ занятые города на Волгѣ. Борьба на такомъ длинномъ фронтѣ была, конечно, трудна и занятіе приволжскихъ городовъ было стратегической ошибкой. Спустя немного распространились плохія извѣстія и о моральной сторонѣ нашихъ войскъ въ Сибири. Это началась контръ-пропаганда большевиковъ и всѣхъ нашихъ политическихъ враговъ.» **)

Послѣднее утвержденіе есть не болѣе, чѣмъ расчетъ на неосвѣдомленность широкаго круга читателей, одинъ изъ наиболѣе излюбленныхъ приемовъ этихъ «пропагандистовъ»-чеховъ. Ниже, на той же страницѣ, Масарыкъ самъ опровергаетъ себя.

«Мнѣ были гораздо неприятели извѣстія отъ союз-

*) T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 85 п 249.

**) ibid. 289.

ныхъ офицеровъ, которые прибывали изъ Россіи и Сибири и изображали упадокъ дисциплины въ нашей арміи; эти извѣстія проникали въ общественность лишь въ ограниченномъ числѣ, но все же, они намъ, естественно, вредили. И, тѣмъ не менѣе, симпатіи огромнаго большинства общественнаго мнѣнія и правительственныхъ круговъ оставались за нами.» *)

Къ кому же относить Фома Масарыкъ «союзныхъ офицеровъ» — къ «большевикамъ или къ политическимъ своимъ врагамъ!?»

«Наши войска, — говоритъ президентъ Чехословакии дальше, **) — «вынесли добровольно и долгое время матеріальные недостатки и выстрадали морально отъ долгой разлуки съ семьями и съ родиной, — извѣстное ослабленіе дисциплины поэтому можно было ожидать. Но несмотря на это и на многія разочарованія, армія не была деморализована. Отдѣльныя части прошли черезъ тяжелые кризисы, какъ свидѣтельствуеетъ добровольная смерть Швеца.»

Вся книга наполнена подобными извращающими истину утверженіями; расчетъ на наивнаго и неосвѣдомленнаго читателя и надежда на то, что вся тонко проведенная черезъ иначе освѣщенные факты ложь — останется безъ возраженій. Дѣло именно въ томъ, что весь чехо-словацкій корпусъ въ Сибири подвергся высшей степени разложенія, охватившаго всего его, отъ рядового до командира. И доблестный Швець только подчеркнулъ это своей трагической кончиной.

Въ томъ же тонѣ и съ той же развязной манерой говоритъ Масарыкъ и о грабежахъ, воровствѣ, мошенничествѣ и насиліяхъ чеховъ въ Сибири:

«О духъ нашей сибирской арміи должно судить также и по ея не-военной дѣятельности. Наши солдаты вели всюду и постоянно, наряду съ военной, также и разнообразную хозяйственную работу. Очень скоро они организовали при арміи рабочія товарищества (августъ 1918 г.). Нѣсколько позже были основаны торговая камера, сбере-

*) T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 289.

**) *ibid.*, 294.

гательная касса и банкъ. На Уралѣ и въ другихъ мѣстахъ наши солдаты организовали промышленныя предприятия (!?). Я (Масарыкъ), не могу не упомянуть очень прилично устроенную военную почту. Все это должно идти на учетъ, если говорить о нашей арміи въ Россіи и Сибири. Дѣло идетъ не только о славѣ героическаго анабазиса; мы не хотимъ его преувеличивать, но было бы несправедливо его разсматривать, какъ мгновенно вспыхнувшую ракету.

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что и наши нѣмцы начали въ Сибири записываться въ нашу армію; изъ нихъ были образованы рабочія отдѣленія.» *)

О послѣднемъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ концѣ книги. Что касается до остального, то къ сказанному выше остается лишь добавить, — свѣдѣнія о промышленныхъ предприятияхъ, основанныхъ чешскими солдатами на Уралѣ и въ другихъ мѣстахъ, высосаны Масарыкомъ изъ пальца. Кромѣ огромнаго подвижнаго, на рельсахъ, склада краденаго и награбленнаго имущества, не было ни одного предприятия.

Старый чехъ оказался все же не такъ остороженъ, какъ молодой; Масарыкъ проговаривается больше Бенеша. Послѣдній только хвалилъ и восхищался. Но оба чеха обращаются съ правдой и съ историческими фактами преступно фамильярно. Оба они прикрываютъ всѣ темныя дѣянія своихъ ребятъ въ Россіи, — слѣдовательно къ нимъ обоимъ въ еще большей степени приложимо сказанное по отношенію къ ихъ посланнику въ Токио, г-ну Перглеру.

Не лишено интереса, что Масарыкъ, какъ ученый, приноситъ уже въ этомъ приговорѣ свою долю.

Въ 1887 году онъ выпустилъ въ Вѣнѣ книгу, подъ заглавіемъ: *Dr. Thomas G. Masaryk. Versuch einer concreten Logik.* — Vien, Verlag C. Konegen, 1887. Въ ней на стр. 149 развивая критику предательства, онъ пишетъ буквально слѣдующее: «Кавуръ сказалъ, — если бы мы предприняли для себя, то что мы сдѣлали для Италіи, то мы были бы, конечно, величайшіе подлецы. А мы (т. е.

*) *ibid.* 294.

Масарыкъ) скажемъ, что для насъ низость дѣйствій есть и останется той же самой, — будетъ ли она проведена для самихъ себя, для отечества или для какой иной цѣли.»

Масарыкъ и Бенешъ оставили далеко позади себя графа Кавура; дѣйствія и вся политическая иностранная интрига послѣдняго передъ чехами — дѣтская игра.

* * *

Здѣсь необходимо только сказать въ дополненіе нѣсколько словъ о двухъ обстоятельствахъ: первое — объ усиленной чешской пропагандѣ, которая продолжается распозлаться повсюду; и второе — о томъ вредѣ, который эта пропаганда приноситъ не только отдѣльнымъ странамъ, но и всему человѣчеству.

Золото и всѣ цѣнности, на которыхъ лежитъ пятнами кровь неповинныхъ, привезенныя изъ Сибири черезъ океанъ въ Европу, даетъ чехамъ богатая возможности развить цѣлую сѣть органовъ своей пропаганды. Во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ издаются ими книги, подобныя двумъ приведеннымъ выше, цѣлый рядъ брошюръ, памфлетовъ, журналы и газеты. Подъ негласнымъ руководствомъ пражскаго министерства иностранныхъ дѣлъ создаются акціонерныя издательскія общества, имѣющія мѣстомъ своего дѣйствія за границу. Чтобы замаскировать чешское руководство и придать этимъ въ сущности развѣдывательно-информаціоннымъ органамъ Праги нейтральное лицо, въ ихъ составъ привлекаются и иностранцы.

Излюбленнымъ приѣмомъ чешскихъ политикановъ является не опроверженіе фактовъ, тѣхъ фактовъ, которые приведены и въ настоящей книгѣ, которые въ отдѣльности приводились и раньше, на протяженіи десяти лѣтъ, — такъ не опроверженіе этихъ фактовъ приводятъ обыкновенно чехи, а стараются путемъ клеветы и инсинуацій опорочить личность того, кто беретъ на себя смѣлость сказать правду. Благодаря же широкой сѣти своей пропаганды и большимъ средствамъ, чехи надѣются такимъ образомъ часть людей запутать, а другую парализовать.

Ясно, что борьба для сегодня трудна, а для многих и непосильна.

Но тѣмъ не менѣе, борьба съ ложью и съ преступленіемъ чешскихъ легіонеровъ должна быть проведена. И будетъ проведена. Иначе было бы слишкомъ печально, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы признать, что человѣчество потеряло совѣсть, что преступленіе можетъ не только пребывать безнаказаннымъ, но и рядиться въ тогу добродѣтели и героизма, какъ мы это видали на примѣрѣ двухъ руководителей Чехословакіи, на престарѣломъ Масарыкѣ и его подручномъ и ученикѣ, Бенешѣ.

И эта задача — борьба съ чешской ложью, лежитъ не только на насъ, русскихъ, но и на представителяхъ всѣхъ націй, включительно до новоизобрѣтенной, чехо-словацкой. На послѣдней, пожалуй, больше другихъ. И вотъ почему:

Какъ уже было упомянуто, чехи получили путемъ очень искусной и сложной интриги не только свою самостоятельность, но включили подъ себя рядъ другихъ народностей. Получилась мозаика, какъ называетъ новое государство профессоръ Базельскаго университета Гуго Гассингеръ. По его труду («Die Tschechoslowakei», Dr. Hugo Hassinger, Prof. an der Universität Basel, Rikolo Verlag, Wien.) составъ населенія Чехословакіи слѣдующій:

Чехи	6.430.000
Словаки	2.334.000
Русскіе	0.460.000
Поляки	0.075.000
Нѣмцы	3.123.000
Венгры	0.747.000
Евреи	0.018.000
Другіе	0.023.000
<hr/>	
Всего	13.210.000

Такимъ образомъ на 6,4 милліоновъ чеховъ приходится 6,8 милліоновъ другихъ народностей. Но къ этому еще, — статистика въ Чехіи, по словамъ профессора Гассингера, подвергается самой произвольной обработкѣ. Рядъ

официальныхъ давленій и подтасовокъ. Достаточно здѣсь указать на то, что солдаты чешской арміи всѣ годы устройства новаго государства пользовались правомъ выборовъ и входили въ счетъ населенія, передвигаясь съ одного мѣста на другое. *)

Такъ вотъ всѣ эти 6,8 милліоновъ, т. е. болѣе половины населенія Чехословакии, должны нести на себѣ пятно чешскаго преступленія, — пока они остаются въ границахъ этого государства, пока они, согнувъ шею и представивъ спину, несуть на себѣ «почетное» имя чехо-словакѣ. Пока они молча участвуютъ въ политическомъ строеніи Бенеша, Масарыка и Ко., — эти милліоны раздѣляютъ отвѣтственность съ чехами. Не даромъ выше приведенная фраза Масарыка, что «наши нѣмцы начали въ Сибири записываться въ нашу армію». Отецъ чешской демократіи уже заранѣе перекладывалъ и на честныя нѣмецкія плечи отвратительный грузъ чешскаго преступленія.

Всѣ эти невинные фактически словаки, русины, нѣмцы, венгры и евреи, при ихъ молчаливомъ поведеніи и дальше, рискуютъ очутиться у одного позорнаго столба съ Масарыками и братіей. Особенно это будетъ тяжело для слѣдующихъ поколѣній нечешскихъ народностей, которыя вырастутъ въ новомъ государствѣ и выучатся въ его школахъ. А чешскіе руководители прилагаютъ всѣ усилія и методы чехизаціи другихъ народностей, вошедшихъ по искусственному договору въ Чехословакію.

Къ тѣмъ сухимъ цифрамъ, что приведены выше, къ этому распредѣленію народностей надо прибавить всѣ тѣ муки, слезы, униженія и даже кровь, которая уже пролита была чехами въ предѣлахъ ихъ новаго мозаичнаго государства.

О притѣсненіяхъ судетскихъ нѣмцевъ приходится часто читать въ прессѣ; о томъ же говорить и профессоръ Г. Гассингеръ въ своей книгѣ. **) О томъ гнетѣ, преслѣдованіяхъ и жестокостяхъ, которые испытываютъ семьсотъ тысячъ венгровъ, имѣвшихъ несчастье подпасть подъ владычество чеховъ, собраны подробные матеріалы.

*) Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 169-171.

**) ibid. 99-116, 125-176.

Вотъ что говорить тотъ же объективный ученый о томъ, какими сомнительными путями вели чехи игру, чтобы включить въ свое государство три съ половиной милліона нѣмцевъ: «Тѣ средства, которыми манипулировали чехи на мирной конференціи, и теперь можно видѣть въ различныхъ меморандумахъ, поданныхъ на ней, — о чемъ мы уже упоминали. Центральное мѣсто среди всѣхъ этихъ записокъ занимаетъ по своему значенію меморандумъ III, содержаніе котораго приводится въ приложеніи. Невольно задаешь себѣ вопросъ, что въ этомъ документѣ заслуживаетъ наибольшаго удивленія. Та ли беззащитность, съ которой было использовано незнакомство дипломатовъ съ придунайской средней Европой, или смѣсь лицемѣрія и жестокости, или доводы-софизмы, которые мѣстами выглядятъ опять-таки ученически наивно»... «Но этотъ меморандумъ необходимо разсматривать, — что именно тогда и имѣлось въ виду, — какъ государственный документъ; въ немъ, какъ и въ другихъ меморандумахъ, всегда говорится отъ имени правительства.» *) Профессоръ Гассингеръ разбираетъ подробно и показываетъ, что меморандумъ III изобилуетъ фальшивыми данными. **)

Только здѣсь въ Европѣ, гдѣ мы, лишенные вслѣдствіе предательства чехами нашего отечества, принуждены жить долгіе эти годы, узнали мы, что словакъ сильно отличается отъ чеха, что иногда между ними такая же пропасть, какъ между русскимъ и полякомъ. Словаки въ большинствѣ — простой, скромный и религіозный народъ. Чехъ — характеристика этого человѣка безъ религіи и совѣсти достаточно выявлена на ихъ дѣлахъ въ Сибири. Русскій народъ понялъ своимъ живымъ инстинктомъ это различіе раньше: хотя корпусъ и назывался оффиціально чехо-словацкій, но проклятія населенія Сибири неслись только чехамъ. И на стѣнахъ сибирскихъ городовъ пестрѣли надписи: бей чеховъ!

Не лишено интереса, какимъ путемъ словаки были поставлены въ подчиненное чеху положеніе.

Во время долгой подпольной работы Масарыка и Ко,

*) Pr. H. Hassinger, «Der Tschechoslowakei», стр. 325.

**) *ibid.* 582.

ими былъ заключенъ рядъ договоровъ съ заграничными словаками о самостоятельности или о самой широкой автономіи Словакіи. 16 мая 1915 года, такъ называемая Московская декларація, *) по которой для Словакіи устанавливался свой парламентъ, автономія языка и управленія. Въ 1915 году, октября 27, такія же условія въ Клевеландскомъ договорѣ (Америка).

30 іюня 1918 года въ Питтсбургѣ былъ подписанъ въ числѣ другихъ и Масарыкомъ, имъ же составленный договоръ, по которому Словакія получала свое собственное управленіе, администрацію, свой парламентъ и суды; словацкій языкъ признавался государственнымъ. **)

Все это оказалось только на бумагѣ. Словаки подверглись еще большому гнету отъ чеховъ, чѣмъ другіе народы, — создатели новаго государства захотѣли ихъ чехизировать безъ остатка. Всѣ условія и договоры были цинично брошены подъ столъ, за которымъ вчерашніе заговорщики засѣли, какъ правители.

Масарыкъ въ своей книгѣ ***) пробуетъ вывернуться изъ этого государственнаго вольта. Онъ признаетъ, что 30 іюня 1918 года было подписано между словаками и чехами соглашеніе въ Питтсбургѣ. И сейчасъ же подчеркиваетъ: «но соглашеніе, а не договоръ!» И далѣе: «это соглашеніе было заключено къ успокоенію малой словацкой фракціи, которая мечтала. Богъ знаетъ, о какой самостоятельности. Я (т. е. Масарыкъ) подписалъ соглашеніе безъ промедленія, такъ какъ это было мѣстное дѣло американскихъ словаковъ и чеховъ между собою.» А въ соглашеніи, въ Питтсбургскомъ договорѣ было, какъ узнаемъ и изъ словъ Масарыка, что Словакія получить собственныя ландтагъ, администрацію и суды; что словацкіе народные представители будутъ рѣшать сами всѣ подробности словацкихъ проблемъ.

Но въ то время политическая чешская интрига не была далеко закончена, и Масарыку нужно было устроить сборъ долларовъ среди американскихъ словаковъ. Теперь же сло-

*) Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 477.

**) *ibid.* 478.

***) T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution», стр. 233.

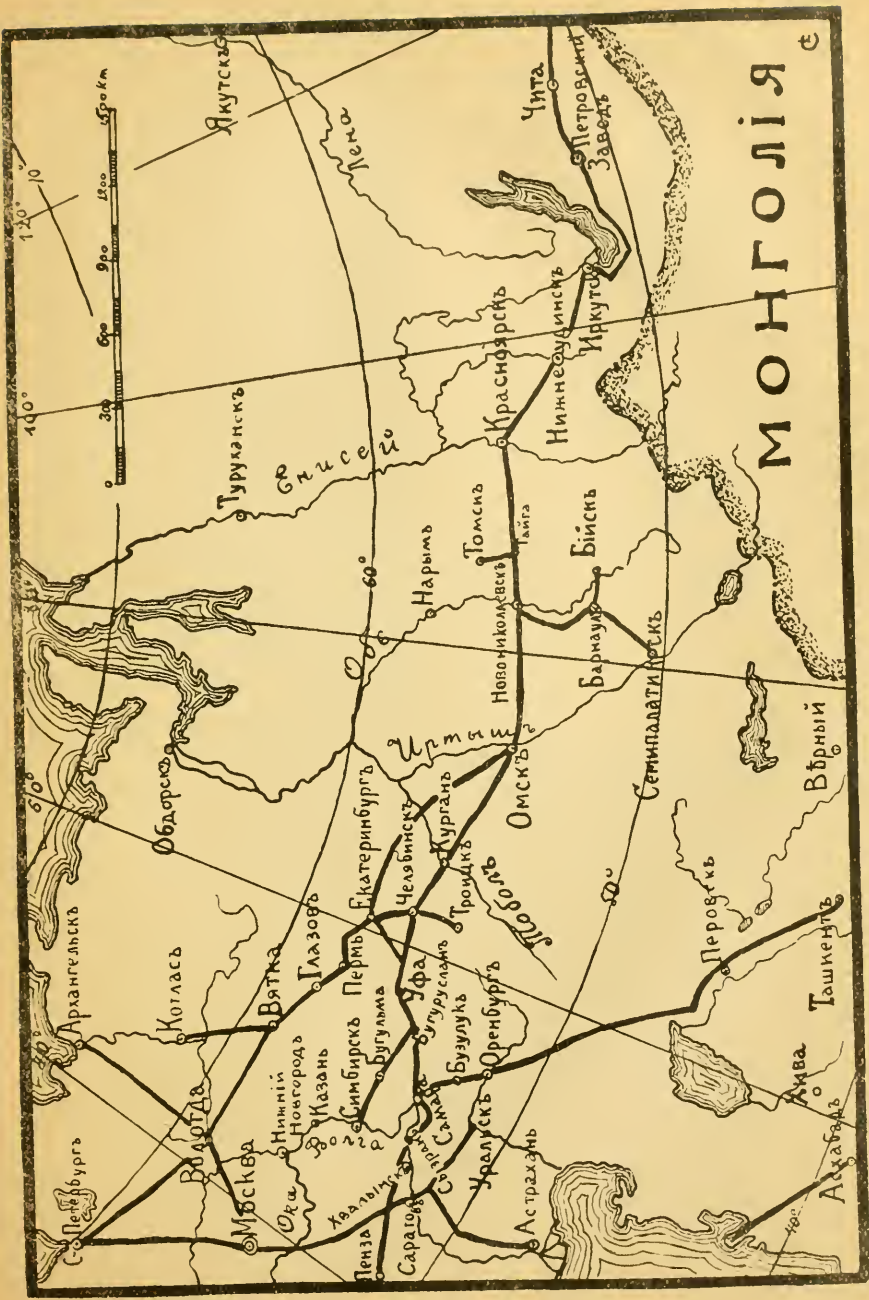
ваки, напоминающіе объ этомъ договорѣ въ Питтсбургѣ, сажаются въ Чехословакии въ тюрьмы, предаются суду, какъ за измѣну.

* * *

Можно было привести еще много подобныхъ фактовъ, но это приходится оставить до другого раза. цѣль настоящей книги — исторія о томъ, никогда не бываломъ, переходящемъ всѣ границы по своей низости, — предательствѣ чеховъ въ Сибири. Это предательство, разыгранное въ 1918—1920 г. г., встанетъ въ свое время, вполне освѣщенное во весь свой уродливый и ужасный ростъ и оно требуетъ само отъ человѣчества суда и отомщенія. Нашъ долгъ — собрать возможно больше документальнаго матеріала и не дать чешской лжи безнаказанно отравлять человѣчество.

Правда одна и правда, — рано-ли поздно-ли, — должна побѣдить.

МОНГОЛІЯ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.9
F52
C815

Главный складъ:
„GRAD KITESCH“
Berlin W 62, Kleiststr. 21